
КН65а
И-32 в.1

ИЗ ПАРТИЙНОГО ПРОШЛОГО

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ О ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ В КАЛУГЕ

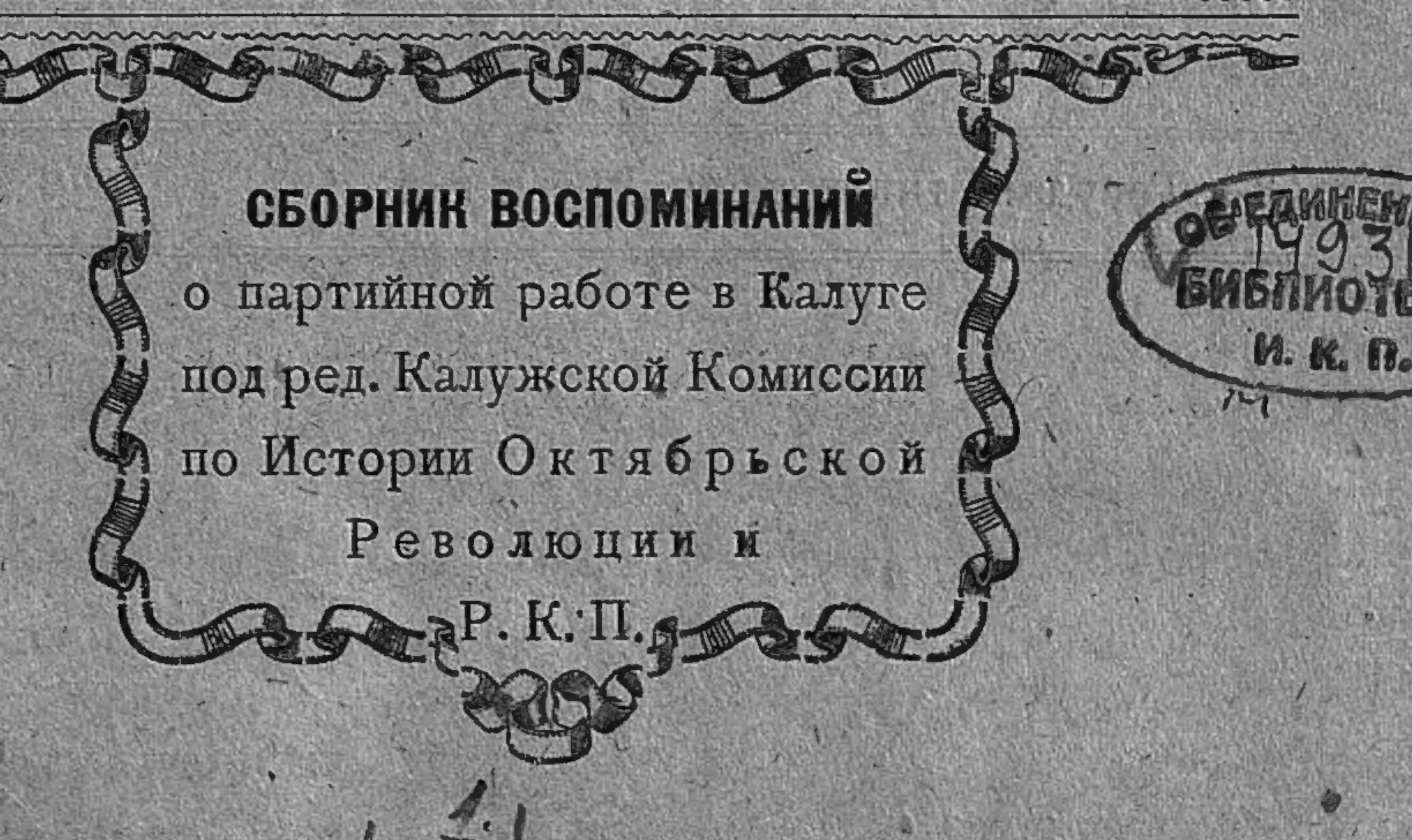
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЛУГА
1921 г.

Российская Социалист. Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Материалы по Истории Партии и Октябрьской Революции.

ИЗ ПАРТИЙНОГО ПРОШЛОГО.

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ
о партийной работе в Калуге
под ред. Калужской Комиссии
по Истории Октябрьской
Революции и
Р. К. П.

(1)

Госуд. Издательство. Калуга, 1921 г. Р.В.Ц.

3-я Государ. типография, 3 сентября 1921 г. 3000 экземп.

К характеристике развития Калужской партийной организации.

(Вместо предисловия).

История борьбы пролетариата является одной из прекраснейших страниц истории человечества.

Вся стойкость и закаленность юного, но жизнеспособного класса сказалась в ней!

Путем тяжких усилий, неуклонно, шаг-за шагом идет пролетариат всего мира к своей великой заветной цели—к уничтожению гнета и насилия на земле. От стихийных разрозненных усилий все больше и больше переходит он к организованности и сплоченности, строя мощные рабочие партии и скрепляя их интернациональными узами.

В этом великом потоке международного рабочего движения немало моментов величавых по своему трагизму и силе; не мало таких моментов и в движении российского пролетариата, самого молодого из всех рабочих движений, подобно тому, как молод и сам пролетариат России.

Но хотя горами трупов усеян его путь, кровью и муками запечатлена его борьба, прекрасны и велики также его победы и достижения!

Не прошло еще и сорока лет со времени возникновения первой марксистской организации российского пролетариата „Группы Освобождения Труда", как тот же пролетариат приступает уже к осуществлению на практике самых заветных стремлений

класса угнетенных—к осуществлению права называть себя творцом своей собственной жизни, к осуществлению права собственноручно ковать счастье и лучшую долю трудящихся.

Это величайшее право налагает вместе с тем на российский пролетариат и не менее величайшее обязательство—обязательство не только творить революцию, но и запечатлеть историю ее, ибо эта революция—один из самых ярких моментов в движении пролетариата, один из тех светочей, который надолго прикует к себе внимание и взоры всего человечества.

Между тем, история эта до сих пор остается ненаписанной историей! До сих пор нет еще ни одного труда, ни одной еще серьезной научной работы, которая давала бы, действительно, полную и законченную картину российского рабочего движения и развития нашей партии до сих пор нет даже сырого материала, более или менее систематизированного и подобранного и могущего быть использованным при написании истории.

Ничего, кроме отдельных груд жандармских донесений, донесений и сводок охранных отделений, оставленных нам по наследству старым строем и дающих крайне одностороннее и чисто внешнее освещение всей нашей партийной работе, ничего иного не найдем мы в наших архивах.

В силу того, что партия рабочего класса была загнана в подполье, в силу того, что все ценное и важное в целях конспирации уничтожалось или же было известно немногим, наша партия до сих пор имеет преимущественно только живую историю—в лице

тех очевидцев и участников, немногие из которых живы еще и до сих пор и которые одни только в памяти своей хранят воспоминания о многих явлениях и событиях рабочего движения. Часть из этих товарищей с каждым годом убывает из наших рядов, унося в могилу и то, что было им известно о прошлом нашей партии.

Неудивительно поэтому, что сейчас такое огромное значение придается собиранию материалов по истории партии, ибо в настоящие дни, дни, когда рушатся основы капитализма, когда камень за камнем закладывается фундамен нового строя, в эти дни больше, чем когда либо уместно оглянуться назад и подвести итоги прошлому.

Теми же немногочисленными попытками, какие были известны до сих пор широким кругам партии (работы по истории партии Батурина, Лядова, Бубнова и др.) настоящая задача не может быть признана вполне разрешаемой и исчерпываемой. Увлекаемые в непосредственную борьбу мы до сих пор больше устремляли свои взоры в будущее. Теперь же, когда историческим ходом событий мы поставлены впереди всего международного рабочего движения, нашей обязанностью, несомненно, является возможно полное и всестороннее разрешение вышеуказанной задачи, т. е. глубокое вдумчивое изучение прошлого нашей партии, ибо только в знании и понимании прошлого—ключь к знанию и пониманию настоящего.

Эту цель и ставят себе комиссии по собиранию материалов по истории партии и Октябрьской революции (Истпарты), подбирая не только официальные документы и материалы, но и воспоминания отдель-

ных товарищей. Эта же цель преследуется и Калужским Истпартом, выпускающим настоящий сборник воспоминаний о партийной работе в Калужской губернии, „Из партийного прошлого“.

В целях наиболее полного освещения этой работы, к участию в нем привлечены, не только старые подпольные товарищи, состоящие и сейчас членами Р. К. П., но даже некоторые из тех участников движения, которые в настоящее время или совершенно отошли от всякой общественной работы, или же целиком не разделяют наших взглядов на задачи и роль рабочего класса в настоящей революции и примыкают и примыкали, как теперь, так и ранее, к партии с. д. меньшевиков.

Выпуск настоящего сборника является лишь первой попыткой собирания и суммирования воспоминаний отдельных товарищей о партийной работе в Калужской губернии и посему выпуская его, мы нисколько не претендуем дать в нем этой работе вполне законченное и всестороннее освещение, нисколько не претендуем на признание его вполне отвечающим вышеуказанной цели. При выпуске сборника прежде всего необходимо отметить следующее: Мало-промышленная Калужская губерния никогда не играла сколько-нибудь заметную роль в обще российском партийном движении.

Основную массу ее населения составляет крестьянство, из чего вытекает отсутствие тех условий, которые обеспечивают партийной работе больший размах и глубину и наоборот—наличие большей отсталости рабочего движения и более позднее начало

и самого развития партийной работы в пределах Калужской губернии.

В то самое время, как в целом ряде промышленных центров в конце 80 и 90-х годов имелись уже на лицо сплоченные и прочные социал-демократические организации, в Калуге, которая всегда была центром движения и развития партийной работы в губернии—в эти годы были только несвязанные друг с другом одиночки марксисты и лишь в самом конце 90-х годов сказались попытки создать более или менее прочные организации—кружки марксистов.

При создании этих кружков, конечно, не могли не выявиться также и те особенности, которые присущи и всему российскому социал-демократическому движению в первой стадии его развития, а именно: не могло не сказаться преобладание интеллигентских элементов и наличие преимущественно пропагандистского характера в работе, сводящейся зачастую только к одному самообразованию и саморазвитию.

Все эти особенности выявились в работе кружка семинаристов—марксистов и в работе кружка, известного под названием кружка Доброхотовых.

Деятельность первого из них целиком свелась к работе внутри кружка (чтение и обсуждение рефератов и т. д.), второй же, приступив к работе вне кружка, в первый период своего существования свел ее главным образом, к культурно-просветительной деятельности (школа для взрослых, устройство бесплатной библиотеки-читальни и т. п.). Лишь в более поздний период выявляются попытки отдельных его членов наладить агитацию и пропаганду среди местных рабочих, а затем и весь кружок в целом начи-

нает эту работу. Так в 1902 и 1903 годах кружком Доброхотовых выпускаются первомайские прокламации, которые затем и распространяются среди рабочих железнодорожных мастерских.

В общем, надо сказать, что наиболее активное участие в движении в первой стации его развития у нас в Калуге, принимала учащаяся молодежь. Волны революционного брожения не только коснулись таких учебных заведений, как технические, в стенах которого в позднейшие годы воспиталось не одно поколение революционеров, но захлестнули даже такое орхаическое учебное заведение, как Калужская духовная семинария, и даже, как это ни странно, захлестнули ее в первую очередь.

Старая „бурса“, выражавшая обычно свой протест хулиганскими выходками, первая из интеллигентской молодежи вступила на путь саморазвития и жадно впитывала в себя новые настроения и веяния. Повидимому, этому немало способствовал тот бездушный формализм, который царил больше, чем где либо в стенах этого казенного здания.

Молодежь же всегда более чутка к гнету и произволу и всегда так или иначе реагирует на него, хотя зачастую среда, ее окружающая пропитана совершенно иным духом.

Реагировала путем организации кружка марксистов и наиболее чуткая часть учащихся семинарии. Правда, первый кружок семинаристов-марксистов был по духу скорее академическим, но все растущие политические веяния, скоро отразились на характере последующих семинарских кружков и работы последних все больше и больше приобре-

тают уклон в сторону политики. Незаметно, в их составе нарождаются активные члены, принимающие деятельное участие в обще-партийной социал-демократической работе. Сергиевский, братья Ждановы и Крыловы и др. Этому несомненно способствовало то, что семинарская молодежь пытливо и жадно ищущая ответов на свои вопросы через чтение марксистской литературы, сравнительно рано сумела установить связи с соответствующими центрами, будучи заинтересована получением и приобретением подпольных изданий.

Здесь не будет лишним кстати упомянут о том, что брожение в стенах семинарии и вообще в интеллигентских кругах, дав целый ряд активных подпольных работников характерно и в другом отношении, а именно: наибольший процент „разочарованных" и „отошедших" давала преимущественно интеллигентская среда. В этой среде бывали нередко такие случаи, что революционного пыла хватало только на юные годы; проходила же юность и когда то горячие последователи Маркса, Энгельса, Лассаля и др. становились самыми типичными обывателями.

Несомненно, существование интеллигенческих кружков в Калуге сыграло значительную роль для своего времени.

В них развили и укрепили свое марксистское мировоззрение первые организаторы и руководители последующей подпольной работы в г. Калуге.

Между кружком Доброхотовых и социал-демократическим кружком, вокруг которого под именем с.-д. союза об'единился в дальнейшем целый ряд мелких интеллигентских кружков, существует опре-

деленная преемственность: наряду с Фоссом, Купецкими, Преображенским и др. в нем работают В. П. и М. П. Доброхотовы, Роганова, Попов и др. активные члены прежнего Доброхотовского кружка.

В силу условий тогдашней действительности, когда особенно зорко приходилось следить за каждым своим шагом и словом, когда все отношения с внешним миром строились обычно на недоверии, подозрительности и мнительности, нередко наблюдалось одновременное существование двух и даже нескольких социал-демократических организаций, которые из боязни провала не входили в тесные взаимоотношения одна с другой. Такое явление имело место и у нас в Калуге, когда на ряду с Союзом, возникшим путем некоторой преемственности вместо распавшагося после ряд арестов кружка Доброхотовых, существовала еще с.-д. группа, которая попутно с работой по выработке в своих членах марксистского мировозрения, вела также агитационно-пропагандистскую работу среди рабочих.

Группа и союз работали обособленно вплоть до половины 1905 года, когда по слиянии таковых и был образован первый Комитет Р. С. Д. Р. П.

К тому времени установилась более или менее прочная связь с центром, которым местной организации и отдельным ее членам давались уже некоторые задания, так например, члену с.-д. Союза Вознесенскому (Жор) было поручено распространять и пересылать нелегальную литературу по целому ряду организации Московского округа, что и делалось им в течение значительного промежутка времени,

Понятно, в это и последующее время, вплоть до 1905 г. в силу условий опять той-же тогдашней

действительности, не могло быть и речи о выборности местных руководящих органов партии. Последние организовывались при строжайшей конспирации и обычно представляли наиболее активную часть всей организации, бравшую на себя инициативу и руководство работой. Состав комитетов обычно пополнялся через кооптацию отдельных членов. Это же явление имело место и у нас в Калуге.

Робко и ощупью развивалась революционная мысль в Калуге, медленны и неуверенны были первые шаги первых партийных кружков и потому не удивительно, что понадобилось не один и не два года для того, чтобы положить начало более крепкой и прочной партийной организации, в состав которой помимо интеллигенции влились и представители рабочих.

Промышленность, вербуя кадры работающих из среды обезземеленных крестьян и крестьян, имеющих маломочные хозяйства, создала очень типичный облик калужского рабочего—полупролетария, полусобственника и хозяина. Это, а также отчасти и то, что первыми пропагандистами и руководителями были зачастую выходцами из мелкобуржуазной среды-семинаристы, чиновники и т. п. в свою очередь накладывало своеобразный отпечаток на облик местной партийной организации и создавало почву для уклона в сторону меньшевизма.

Партийные разногласия в Калугу докатились значительно позднее 1903 г., дойдя до нея в виде сжатых, теореически обоснованных формул, не вызвав больших противоречий между двумя, различно настроенными и действовавшими организациями.

В то самое время, как в целом ряде мест и организаций они вызвали самую страстную и ожесточенную борьбу и привели к обособлению фракций, в Калуге эти разногласия никогда не стояли особенно остро и резко. Да это и понятно, ибо те разногласия и трения особенно остро могли сказаться только там, где вопрос о них мог ставиться не столько в плоскости теоретического обсуждения, сколько в плоскости различных действий в тех или иных конкретных случаях, чего не было в Калуге.

В то самое время, как в целом ряде мест, партийные организации руководили уже крупными стачками и забастовками, деятельность местных организаций выражалась преимущественно в выпуске прокламаций, листовок и в печатной и устной агитации среди местных рабочих и т. п.

Здесь мы не можем обойти молчанием помещенных в сборнике воспоминаний социалдемократа (меньшевика) С. Мохова—„Из истории возникновения и деятельности Кал. группы Р. С. Д. Р. П. 1903—5 г.г.“.

Мы считаем необходимым отметить, что Мохов в своих воспоминаниях стремится (и как нам кажется не без заранее обдуманного намерения)—во что-бы то ни стало доказать, что группа о которой он пишет, „вела агитационную и организационную работу в духе „Искры“ (очищенной от большевиков) и вообще в духе меньшинства партии“, т. е. была определенно и ярко меньшевистской.

В действительности же это было далеко не так, что в значительной степени можно усмотреть из самих воспоминаний Мохова.

Утверждая, например, что группа решительно была против централизма, против того, „что бы вручать дирежерскую палочку законспирировавшимся центрам—фактически на местах нескольким умным марксистам из интеллегенции“, Мохов почему-то умалчивает о том, что практически группа в вопросе партийного строительства проводила большевистский централизм, не помышляя даже в течении 2 лет своего существования (1903—5 г.г.) о воплощении в жизнь меньшевистской организационной линии. Руководящий центр Калужской группы в лице ее основателей и работников составлялся путем, можно сказать, естественного подбора и кооптации, был законперирован до чрезвычайности, так, что о составе его не знали даже многие активные работники группы, и наконец отметим, что всю работу группы несли на себе, как может быть не печально, „несколько умных марксистов из интеллигенции“—Митин, Фетисов (техники), Лихачев, Сергиевский, Ждановы, Крыловы (бывш. семинаристы), Голубев, Попов и Циолковская (служащие в казенных учреждениях).

Далее, утверждение Мохова, что группой была установлена связь с „Бюро меньшинства“ через Кибрика также не соответствует действительности: согласно сообщениям Н. С. Преображенского, Е. А. и М. Н. Колесниковых, у которых Кибрик остонавливался во время своего приезда в Калугу в 1904-5 гг., он приезжал сюда отнюдь не от „Бюро меньшинства“, а как представитель Ц. К. партии. Следовательно, можно говорить только о связи группы с Ц. К., а не с „Бюро меньшинства“.

Говоря затем о том, что „либеральные движения этого (1904—5 г.) года—банкеты земцев и пр. груп-

ной использовались в духе меньшинства, т. е. „демонстрациями распространения(!) на этих банкетах с. д. листков“, Мохов упускает из виду то, что суть „земских компаний“ по плану меньшевистской „Искры“ сводилась не к тому, что-бы распространять среди земцев с. д. листки, а к тому, что-бы „толкать их влево“ организованным путем, через демонстрации и делегации рабочих и чтение ими на собраниях гласных и их банкетах деклараций от имени всей массы рабочих.

Ничего подобного (за исключением, конечно, прокламаций, которые попадали всюду, даже в карманы губернатора и архирея) в Калуге не наблюдалось.

Дальнейшее сообщение Мохова о пересмотре программы минимум, аграрной программы, устава партии, о возможности III с‘езда партии, а также и о том, что „во всех этих вопросах группа выявилась сторонницей меньшинства“, является просто недоразумением, ибо по программе партии в то время не было разногласий между большевиками и меньшевиками, а спорный вопрос о том, кто является членом партии (о централизме мы уже говорили) не представлял для Калужской организации с практической стороны сколько нибуть существенного значения.

Необходимо также остановиться здесь и на данной Моховым характеристике Фоссовскому с.-д. кружку, позднее с.-д. союзу, существовавшему одновременно с группой.

По его сообщениям, этот кружок был не партийным соц.-дем., а скорее академическим с несколькими членами социалистической окраски, где засели генералы, способные лишь на революционые разговоры, с претензией считать себя центром мест-

ной революционой жизни, не способных на какое либо дело и т. д. и т. п.

Такая характеристика, по нашему мнению, об‘ясняется отчасти тем, что „этот кружок в конце концов оказался в лице главных своих руководителей на стороне так наз „большинства“ партии, признававшем строгую централизацию с решительным противопоставлением себя либеральному движению того времени“ но главным образом, наблюдавшееся отрицательное отношение членов руководящего ядра групы к кружку, а затем к союзу, тормазившее слияние их, об‘ясняется не столько програмными и тактическими разногласиями, сколько симпатиями и антипатиями между активными работниками обеих организаций на почве личных взаимоотношений (наприм., между Сергиевским и Фоссом) и борьбы за первенство и право „называть себя местным руководящим партийным центром“.

Говоря в одном месте своих воспоминаний о том, что слиянию Группы и Союза мешали принципиальные разногласия в вопросах о партии, уставе и тактике, приведя в подкрепление своих слов полностью резолюции о временном правительстве III-го большевистского с‘езда и меньшевистской конференции 1905 г. Мохов в другом месте дает совершенно иную и по нашему мнению более правильную характеристику взаимоотношений между Группой и Союзом, утверждая, что „разногласия и формальный раскол в Калуге между двумя параллельными организациями в полном смысле деления на большевиков и меншевиков вплоть до 1906 г. произвести было нельзя, а поэтому работе друг другу эти организации не-

мешали. Наоборот, в течении лета (1905 г.) было проведено несколько совместных массовок и общее выступление против эсеров по аграрному вопросу на дискуссии ими устроенной за рекой. Даже некоторые связи группа передавала Союзу, как было, наприм., с приказчиками, думавшеми организовать профсоюз“.

Если к тому прибавить еще и то, что Союз вел, опять—таки по утвержд. Мохова, партийную работу среди ремесленников, Управления Сыз.-Вяз. жел. д. и вообще интеллигенции, если принять во внимание, что в постоянной связи с Союзом находились активные партийные работники—рабочие (Титыч и др.), а также и то, что Союз от М. К. через Вознесенского регулярно получал в большем количестве нелегальную литературу, широко распространяя ее в Калуге и по уездам, одним питая ею даже Группу (для получения литературы от Союза Группой был выделен специально. Я Чистяков) и наконец учтя факт слияния в октябре 1905 г., когда во главе образовавшегося Комитета становиться Фосс,—то характеристика с. д. кружка и союза будет далеко не та, какую дает им Мохов в своих воспоминаниях.

С большой силой и остротой фракционные разногласия действительно сказались в 1906 и последующие годы, когда в виду различия взглядов по вопросам об отношении к либералам-кадетам, об отношении к государственной думе и деятельности думской фракции, по аграрному и др. вопросам, внутри единой Калужской Социал-демократической организации обособились большевистская группа, которая во всех соответствующих случаях твердо проводила большевистскую линию. Крайне резко и остро внутри-партийные разногласия сказались лишь в 1917 г. когда и для

месной партийной организации настала пора активного действия, пора решительных и твердых выступлений.

Несомненно, наиболее интересным периодом в истории Калужской партийной организации является период более широкого участия в ее рядах местных рабочих. Этот период тесно и неразрывно связан с историей 1905—6 года. В эти годы местная организация сумела не только войти в более тесные взаимоотношения с рабочими местных железно-дорожных мастерских, не только вести среди них агитацию и пропаганду, она уже смогла проявить и известное руководство выступлениями рабочих. Взять бы хотя к примеру такие явления, как участие железно-дорожных рабочих во всеобщей забостовке, участие в целом ряде массовых демонстраций, организация союза типографов, портных, сапожников и др. К этим годам относится также начало и расцвет рабочего движения в Медыни, где в 1906 году создается социал-демократическая группа, в состав которой постепенно начинают вовлекаться рабочие.

Группа отличается большевистской окраской, но несмотря на это поддерживает самую тесную связь с Калужской организацией.

Одновременно растет и ширится соц. демократическая работа в Полотняном Заводе и в Говардове, где имелись писчебумажные фабрики; растет движение и в другом рабочем районе Людинове (в Жиздринском уезде, ныне отошедшем к Брянской губ). Последнее движение, правда, развивается без влияния и содействия Калужской организации. Вобщем, надо сказать, что центром движения и работы все

время были, главным образом, Калуга, затем Медын (спичечные и кожевенные фабрики), Говардово и Полотняный завод (писчебумажные фабрики), точно также и Людиново, где имелся довольно большой чугунно-литейный и машино-строительный завод.

Реакция 1907 и последующих годов оставляет тяжелый след на партийной работе Калужской губ.: деятельность только было ставшей на ноги местной социал-демократической организации почти совершенно замирает. Наиболее активные члены ее арестовываются и работа ведется преимущественно одиночками, отдельными и небольшими группами их. Так продолжается вплоть до 1912 года, когда революционная волна, высоко поднявшаяся после ленских растрелов по всей России, на своем гребне выносит и Калужскую организацию. Путем „об'единения местных работников и группы высланных из Москвы в Калугу рабочих большевиков создается „об'единенный коллектив марксистов", делаются попытки создать профессиональный союз (подпольный) портных, создается рабочее общество „Разумный отдых" и т. д. Движение постепенно ширится все больше и больше, в него вовлекаются рабочие, но вновь последовавшие аресты и военная мобилизация целого ряда наиболее активных работников опять вызывают упадок партийной работы в Калуге.

Социал-демократической организации в первое время февральской революции не существует и она возрождается вновь лишь с возвращением в Калугу и освобождением из тюрьмы некоторых активных товарищей.

Как характерное для Калужской организации в первые годы ее развития необходимо отметить сле-

дующее явление: первый толчок движению и первые попытки придать работе более углубленный характер чаще исходили от „пришлых“ элементов.

Таким пришлым элементом для Калуги были — Богданов—Малиновский, Степанов—Скворцов, Луначарский, Б. Авилов и др., которые в Калугу попадали случайно и чаще всего по воле „охранки“. Лишь позднее с 1902 и 1903 годов нарождается поколение местных работников, активность которых тем больше, чем ближе стоят они к рабочим массам. Последнее представляется особенно верным, когда приходится делать выводы о ходе и развитии партийной работы в годы реакции. Эти выводы говорят за то, что в то самое время, как социал-демократическое влияние все больше и больше укрепляется в рабочих массах, как со стороны рабочих, несмотря на весь гнет гонений, все больше и больше проявляются попытки к организованному протесту и действию (стачки и попытка организации профсоюзов), в то самое время, как большевиками преимущественно ведется вся партийная работа того времени, часть из местных марксистов интеллигентов не только целиком проявляет склонность к меньшевизму, но и совершенно отходит от работы.

Правда, такие случаи представляли собой единичные явления, но на фоне Калужской действительности, где и вся-то организация составляла небольшую горсточку социал-демократов, эти случаи особенно бросались в глаза.

Социал-демократическая организация, возродившаяся в 1917 г. опять таки в первое время своего существования была об'единенной организацией, но

уже в начале июня (2 июня) на почве фракционных разногласий создается самостоятельная большевистская организация, на первом собрании которой присутствуют всего лишь 8 членов.

Отсюда—неудивительно и то, что господами положения в Калуге вплоть до октябрьских дней были кадеты и эсеро-меньшевистствующая братия, что в то самое время как в Петрограде и Москве вся власть была уже в руках Советов, наиболее активные Калужские большевики, тоже члены Совета, сидели заключенными в губернской тюрьме (Борисов, Акимов, Белоусов, Витолин, Абросимов, Цукерберг, Фомин, Васюпкин и др.), неудивительно, что первая попытка со стороны желто-черного блока, попытка разгрома Советов, была проделана именно в Калуге, и что для установления Советов в Калуге понадобилось не только вмешательство, но и вооруженное давление со стороны центральной власти в лице представителей Московского Революционного Комитета и Московского Революционного Военного Штаба и т. д. и т. д.

Но грозный вал революционного возмущения и энтузиазма сметает навсегда господство кадетов и социал-соглашателей, и местная партийная организация, наравне с другими партийными организациями принимает активное участие в работе по претворению в жизнь великого лозунга наших дней: „Вся власть Советам“!

Постепенно из небольшой горсточки смельчаков-большевиков вырастает она в губернскую организацию с количеством 3—5 тысяч членов.

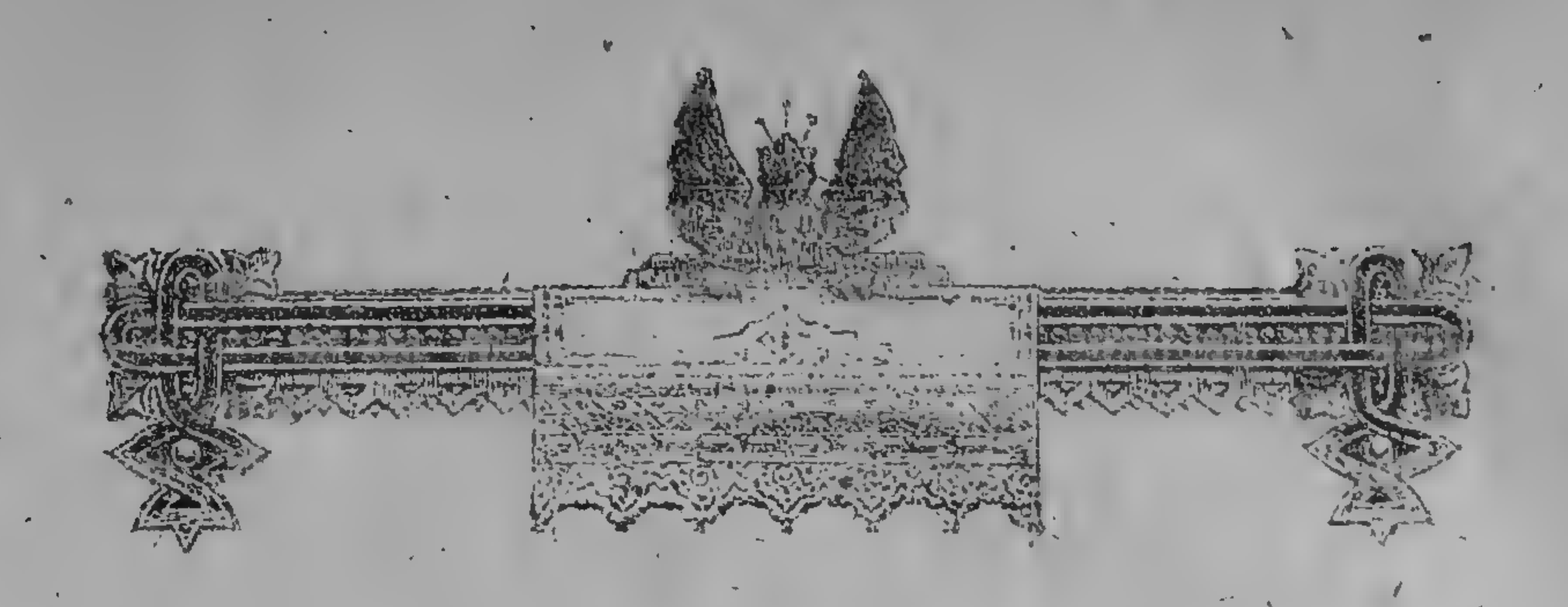
Как ни скромно то место, какое занимает Калужская организация в блестящем перечне имен и

названий таких славных организаций, как Петроградская, Московская, Ив.-Вознесенская и др., но все же история ее возникновения, история ее развития и укрепления не может быть обойдена молчанием и мы надеемся на то, что наша попытка собирания партийно-исторического материала и воспоминаний даст возможность в будущем вписать Калужскую страничку в большую многотомную историю нашей славной партии.

О. Чаадаева.

5 сентября 1921 года.

Первые шаги партийной организации в Калуге.

Уже почти 30 лет прошло с того момента, как началась моя самостоятельная трудовая жизнь в Калуге и восстановить все детали и подробности этой жизни, пользуясь одной только памятью, представляется делом если не совсем безнадежным, то довольно таки трудным. Тем не менее, сделать это необходимо и, сейчас же: жизнь становится все сложнее, труднее и вместе с тем все интереснее и потому записки, посвященные зарождению революционного движения в Калуге, должны представлять значительный интерес и могут быть не бесполезны при решении сложных вопросов настоящего времени.

Как не отрывочны, как не бессистемны подчас воспоминания, основанные не на документах, а на одной только памяти человеческой, все же, лучше их использовать в таком несовершенном виде, чем совсем не использовать. Они могут вызвать поправки, дополнения со стороны других живых еще участников того или иного события, а это даст возможность надеяться, что таким путем может быть восстановлена полная картина того или иного события во всех его подробностях.

I.

После окончания Полотняно-Заводского 2-х классного училища в 1892 году мне исполнилось 14 лет и предо мной стал во весь рост вопрос о необходимости, так сказать,

„самоопределения“. Нужно было работать. Семья наша состояла из 5 человек: матери, двух старших братьев, работавших на фабрике, меня и сестры. Жили мы исключительно на заработок братьев и жили, конечно, очень бедно. Вполне, естественно, поэтому, что и братьям и мне самому хотелось поскорее увеличить наше благосостояние путем определения меня на работу. Но куда определиться-вот вопрос... По этому вопросу составилось, нечто вроде семейного совета, в котором принимали участие моя тетка, мать и брат Федор. Тетка предлагала отправить меня куда то к знакомым в лавку, в Алексин, значит, пустить по торговой части; мать настаивала на том, что лучше определить меня в контору Гончаровской писчебумажной фабрики в Полотняном Заводе. Брат молчал, а когда меня спрашивали, куда лучше мне определиться,—я не знал что и делать.

В это время пришло письмо от другого моего брата Михаила, которые жил в Калуге, он просил прислать ему кое какие вещи из дома и кстати писал: „пришлите все это с Митей, а я ему заработу найду здесь хорошее место“.... Мать думала, что он обычно шутит, а Федя почему-то ухватился за эту мысль и хотя раньше сам настаивал больше других на моем скорейшем определении „куда нибудь“—теперь, вдруг, стал защитником проекта Миши: „пусть Митя сходит к Мише в Калугу отнесть то, что ему нужно, а потом и выяснится—может быть Миша что-нибудь там ему устроит“?...

Так и было решено.

И вот в половине июня 1892 г. я, захватив сверточек вещей, которые посылались брату Мише и фунт подсолнухов в карманы—на дорогу—направился с утра по „большаку“ в Калугу. Отмахав первые 17 верст до Тихоновой Пустыни, я остановился на отдых, напился в трактире чаю с пирогом, захваченным из дома и двинулся дальше и к 4 часам вечера уже благополучно „прибыл“ в Калугу и разыскал там брата.

Письмо Миши о месте было не шуткой. Оказалось, что квартирант Гончаровского дома, управляющий казенной палатой А. П. Булгаков, обещал брату устроить меня где нибудь в казенной палате или в казначействе.

Так оно потом и вышло. С осени того же 1892 г. я был принят „вольнонаемным" писцом в Калужское казначейство на оклад 5 руб. в месяц! Служебная обстановка и новая среда, в которую я попал, были удивительно тяжелы для меня. Работы было так много, а штат служащих так мал, что нам всем младшим приходилось работать и днем и ночью. Чинопочитание и всякое низкопоклонничество было развито до самой последней крайности, что меня до того „вольного" человека, весьма сильно коробило.

В казначействе я прослужил $4^1/_2$ года (до начала 1897 года). За это время я дослужился до 16 или 17 руб. жалованья в месяц, (высший в то время оклад был служащего) и единственным плюсом за весь этот мой служебный период было то, что я перечитал очень много книг, добывая их из организованной при казенной палате библиотеки, которая попала в очень просвещенные и толковые руки местного культурного работника В. В. Шангина, бывшего в то время столоначальником палаты. По составу библиотека оказалась очень хорошей, и я свою старую жажду к книгам мог удовлетворить вполне.

Там я как следует перечитал Белинского, Добролюбова, Писарева, Толстого и других авторов—классиков. Помню, между прочим, что особенно сильное впечатление оставили у меня статьи Белинского, Добролюбова, Писарева и сочинения Рылеева. Нужно оговориться только, что сочинения последнего возбудили во мне совершенно исключительный интерес к делу декабристов, которыми я потом интересовался всю жизнь.

К концу периода моей казначейской службы относится также и то, что я свел целый ряд знакомств с весьма интересными для меня людьми. Книги и эти новые знакомства окончательно оторвали меня от среды и чиновнических интересов моих сослуживцев по казначейству.

В литературе в это время довольно определенно намечалось уже оживление и выдвигались „новые" вопросы...

II.

Так уже повелось на Руси, что всякий прогресс, всякое движение вперед в ее политической жизни всегда было обусловлено каким нибудь крупным общественным бедствием.

Близорукая, ничего не имевшая общего с подлинными интересами народа, — политика самодержавно-бюрократического правительства России, должна была приводить и всегда, в действительности, приводила к таким тупикам, из которых единственным выходом было поощрение общественной самодеятельности, хотя правда и такой, на которой обязательно, по мнению правительства, должно было стоять клеймо: „с дозволения начальства“. Достаточно вспомнить, какое в этом отношении крупное влияние оказала неудачная севастопольская война или развившийся в начале 90 годов голод. Как в 1855, так и в 1891 году правительство в гордом одиночестве без всякого участия со стороны свободно организованных сил ринулось на борьбу с врагом и очень скоро должно было убедиться, что сладить с такими большими задачами, требующими напряжения всего коллективного ума народа, всех его творческих сил, ему не по плечу, и сознавая свое одиночество и бессилие оно взывало о помощи и принимая ряд полумер, которыми допускалась некоторая доза общественной самодеятельности. Но такова уже логика истории, что эти временные „послабления“ связаны были с представлении широких общественных кругов России с такими надеждами, такими „бессмысленными“ мечтаниями, что биения пульса общественной жизни делались более частыми и полными.

Оживление в общественной жизни России, которое наступило после голодного 1891 г. и холеры 1892 г. может быть и не было таким шумным, как то, которым характеризует эпоха „воли“ и, затем „70 годов“, но за то, теперь было новостью определенное выступление на арену русской общественной жизни нового класса—класса рабочих, который сам на собственных плечах нес в жизнь новую, свою особенную правду.

В то время еще никто не знал, как и во что выльется только начинавшееся рабочее движение, но чуткая литера-

тура начала усиленно трактовать рабочий вопрос с совершенно новой для России точки зрения революционной социал-демократии, которая на западе так блестяще была установлена трудами Маркса и Энгельса, а истолкователем и проводником которой являлась „Группа освобождения труда“ во главе с Георгием Валентиновичем Плехановым.

Жизнь в Калуге за этот период (1892—1895) времени была очень тиха и однообразна.

Это было как раз в то время, когда жандармские обзоры о политическом состоянии губернии начинались стереотипной фразой:

„Население губернии питает глубокие чувства верноподданнической преданности и любви к Государю Императору и его августейшему семейству и ко всем велениям Государя Императора и его правительства относится с совершенным доверием“.

В Калуге, расположенной в стороне от больших экономических дорог, (с юга на север и с востока на запад) и лишенной крупной обрабатывающей промышленности, не было почвы для развития шумной общественной жизни. Она являлась в то время типичным губернским захолустьем, от которого „ни до какой границы в три года не доскачешь“.

Тем не менее и здесь под влиянием общих тогдашних условий русской жизни стали пробиваться на свет божий, как молодая травка такие явления, которые сделали потом общественную жизнь в городе более шумной, придали ей известный интерес и привели в конце концов к тому, что пережили все города России от самого культурного до самого захолустного.

Приблизительно в середине 1894 г. я познакомился с компанией молодых чиновников из Управления С.-Вяз. ж. д. Г. П. Лебедевым, С. В. Шишкиным, Б. И. Черенковым и др. и это мое новое знакомство сразу внесло свежую струю в мою жизнь. Эти полные жизни и энергии молодые люди только что закончили училище—двое первых Пензенское, а последний, если не ошибаюсь, Воронежское и отбы-

вали обязательную практику на дороге—Шишкин и Черенков чертежниками, а Лебедев-бригадиром в мастерских. Они, несмотря на свою молодость, уже побывали в различных городах России, много читали и знали, особенно П. И. Черенков, уже встречавшийся до того с представителями народовольцев и находившийся под значительным влиянием так называемого „народничества".

Мы так заинтересовались друг другом, что с Лебедевым и Шишкиным поселились вместе „коммуной", а с П. И. Черенковым стали очень часто встречаться. У него было много книг, которые мы жадно перечитывали и обсуждали. Мне особенно помнится Павленковские издание Писарева, Шелгунова, Успенского, Златовратского и др., среди которых особенно занимала нас книга Кривенко „На распутьи". Несколько позже мы образовали новую „Коммуну" уже совместно с П. И. Черенковым, Г. П. Лебедевым и Л. Е. Гордюком (после октябрьской революции в 18 г. был коммиссаром ст. Калуга) но уже без Шишкина, который в то время куда то уехал. Мы много вместе читали, спорили и в конце концов выяснилось, что все мы так или иначе сходились на вопросе о необходимости распространения среди народа и прежде всего среди рабочих „правильных" по нашему мнению взглядов на жизнь.

„Правильными" же взглядами мы считали устранение произвола начальства в общественной жизни и необходимость, так сказать, признания свободы личности, человека. Дальше мы не шли, так как были слишком молоды и знали жизнь слишком мало.

Все наше благородное негодование на несовершенство русской жизни в то время обрушивалось по преимуществу на какое то безликое „начальство" и „господина городового", как на более близкого представителя этого начальства. Смешно вспоминать об этом, но это факт, что мы часто озорничали, проходя мимо представителей полицейской власти:

—А, начальство, наше вам.... стоите?

Городовой таращил глаза, недоумевая в чем дело, топорщился и выделывал из себя:

—Ну, в чем же дело.... что нужно-то?

—В том то и дело, что ничего. До свиданья....

Вскоре после устройства нашей последней коммуны Г. П. Лебедев и П. И. Черенков узнали о существовании в Калуге кружка мужской воскресной школы, которая только что открылась в здании Городской Думы и, познакомившись сами с представителями этого кружка, познакомили с ними и меня. В числе руководителей этого кружка в то время были братья С. В. и В. В. Остроумовы, (служащие ж. д. контроля) А. Д. Бурмистров и Д. В. Розанов (учителя) И. Т. Чулицкая и целая плеяда молодых девиц, в большинстве случаев, только что окончивших гимназию и впервые выступавших на арену общественной работы; здесь были Л. Н. Дунаева (потом Фосс), О. П. Шарапова (Лебедева), М. В. Шольц, З. И. Воскресенская, З. А. Ростиславова. сестры Ганшины, Куколевская, Михалевская и др., имена которых я уже забыл. Оффициальным завед. школой был доктор И. И. Дубенский, а наблюдателем свящ. А. А. Кудрявцев. Вся наша тройка—Черенков Лебедев и я вскоре сделались преподавателями воскресной школы и членами обширной культурной компании. Занятия в школе, устройство больших прогулок всей компанией, общие чтения, устраиваемые чаще всего в квартире З. И. Воскресенской или О. А. Шараповой и безконечные горячие споры сделались содержанием всей жизни этого кружка. В нем были представители самых различных общественных групп, начиная с крестьян и рабочих (Лебедев, пишущий эти строки) и до генеральских детей. Поэтому естественно, что взляды наши на жизнь и общественные отношения были различны.

Более старшие члены кружка (А. Д. Бурмистров и С. В. Остроумов) были больше склонны к народничеству, молодые-же (В. В. Остроумов, Черенков и др.) к новым течениям, которые в то время еще не оформились как следует, но уже начали обнаруживаться в журналистике. Поэтому вскоре общая жизнь кружка прекратилась и все участники разбились на две или правильнее на три группы по личным симпатиям и антипатиям к руководителям, стоявшим во главе групп. Во всяком случае жизнь наша стала настолько со-

держательнее и разнообразнее, что мы уже, как нам с Григорием Петровичем Лебедевым казалось, не ходили по земле, а как бы носились по воздуху:—каждый новый день открывал нам новые горизонты и новые истины и мы так вошли в курс новых интересов, что все свободное время проводили за книгами, газетами в библиотеке и ходили по городу не иначе как с тюком книг и газет под мышкой.

В Воскресной школе произошло наше первое сближение с рабочими. Хотя Лебедев и был в мастерских бригадиром, но в то время ему как то не удавалось завязать прочных связей с рабочими. Было у него несколько человек таких знакомых, но они как раз не особенно-то интересовались тем, чем жили мы, и по этому, от знакомств того периода ничего особенного не вышло. Другое дело—ученики Воскресной школы. Здесь мы познакомились с взрослыми и интересующимися всем рабочими Грабсковым, З. И. Сенаторовым и несколько позднее И. К. Никитиным. К этому же времени относится наше первое знакомство с идеями социал-демократов и вообще нелегальной литературой.

Не помню точно, но как будто мы и раньше видели кое-какую „запрещенную“ литературу больше старую и случайную, но именно в это время (к 1895 году) в наши руки попала свежая социал демократическая литература.

Здесь нужно сказать, что самым первым по времени, самым определенным и последовательным по убеждениям и самым деятельним социал-демократом в Калуге, насколько это известно мне, был Михаил Петрович Доброхотов, старший из братьев Доброхотовых. Он был студентом Московского Университета и первый раз был арестован в Москве по делу о студенческой демонстрации после знаменитой Ходынской истории.

После продолжительного заключения в Таганке он был исключен из университета и выслан в Калугу в конце 1896 г., но и до этого времени в период 1893—1895, когда он приезжал на каникулы в Калугу, в его корзине, по рассказам братьев, всегда оказывались свеженькие тогда издания „Группы Освобождения Труда“ и „Лиги Революционной со-

циал-демократии за границей". Многочисленная семья Доброхотовых тогда, после смерти их отца, жила бедно и Михаилу Петровичу приходилось заниматься уроками, причем одно время он репетировал младших братьев Д. Д. Гончарова в Полотняном Заводе, и там он свел довольно прочные знакомства среди рабочих писчебумажной фабрики. Этим и объясняется, между прочим, что самое первое знакомство мое с настоящей нелегальной литературой произошло именно в Полотняном Заводе в один из моих приездов туда из Калуги.

Один из моих братьев, под строгим секретом, конечно, передал мне как то несколько брошюр со словами:

— А, что, у вас там в Калуге, читают такие книжечки?

Это были: „10 летие Морозовской стачки", „Социализм и политическая борьба", „Русский рабочий в революционном движении" Плеханова, литографированное „Экономическое учение К. Маркса" и др., названий которых я теперь уже не упомню.

Передавая мне эти брошюры, брат мой заклинал меня, что называется всеми святыми, не говорить откуда я их получил и вообще убеждал всячески быть осторожным, разрешил взять брошюры в свое полное распоряжение для распространения их между знакомыми рабочими мастерских в Калуге и сообщил, что он даст мне еще много таких же книг в будущем.

Нашей радости не было границ. Вот, наконец, она эта запрещенная литература, о которой мы столько уже слышали, но которой еще не видели как следует, и мы с Лебедевым, как губка воду, начали впитывать в себя золотые слова этих маленьких серепеньких книжечек. Я догадывался откуда у брата появилась секретная литература и в конце концов легко дошел до мысли, что в Полотняный Завод ее привез непременно тот „студент", которого я видел вместе с Гончаровым, но тогда еще не знал его.

Вскоре, впрочем, познакомившись с кем то из братьев Доброхотовых, кажется с Николаем Петровичем (философ) в Воскресной школе—я познакомился и с Михаилом Петрови-

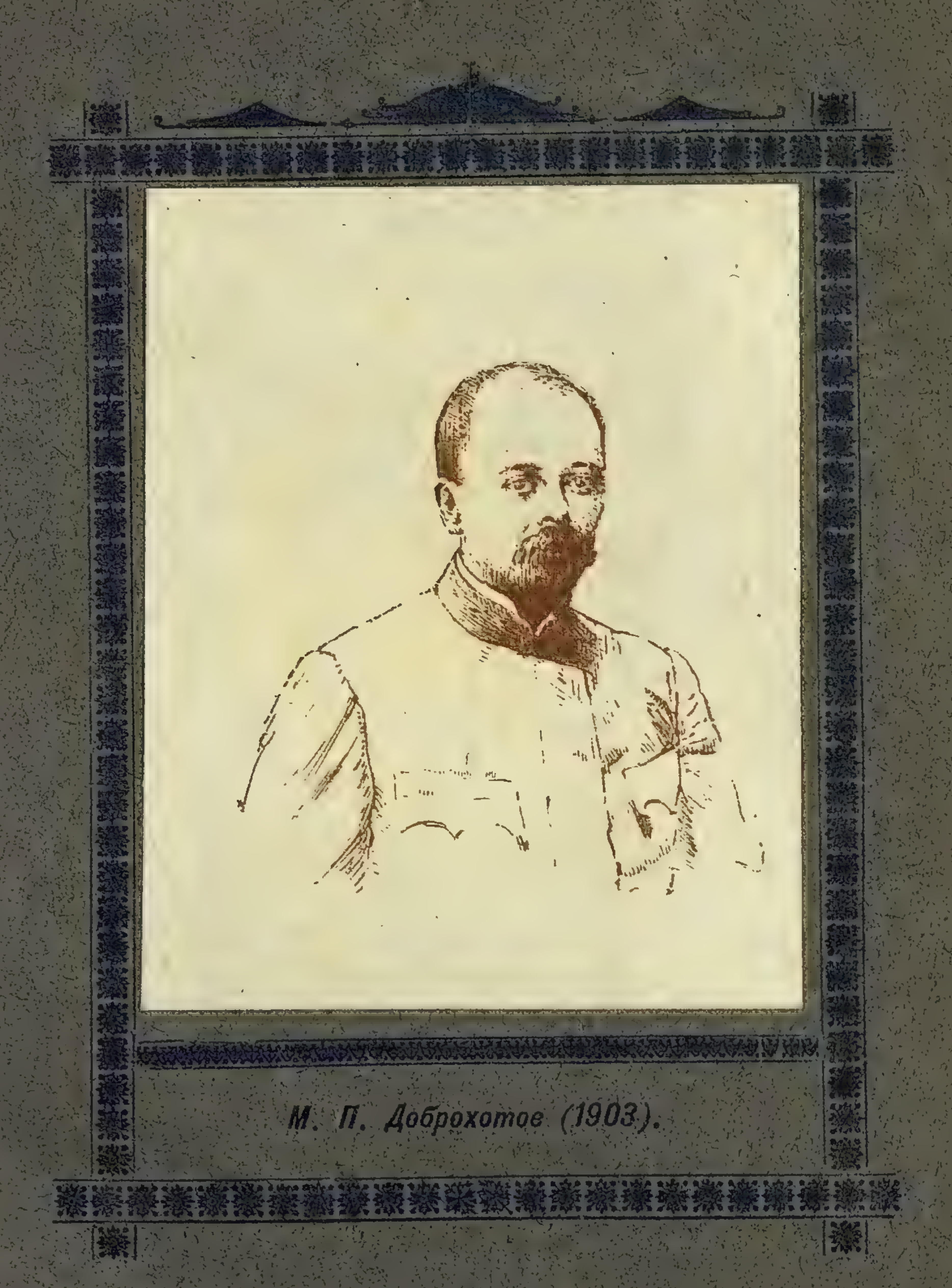
чем. В это время (в 1896—1897 г.г.) он уже завел тесное знакомство с некоторыми рабочими ж. д. мастерских и деятельно распространял там часто получаемую им из Москвы нелегальную литературу. Узнав, что я не редко езжу в Полотняный Завод, Михаил Петрович иногда поручал мне передать небольшой „сверточек" тому или иному рабочему из числа его прежних знакомых. „Сверточки" эти были завернуты, обычно в газету и Михаил Петрович обыкновенно просил передать адресату:

— „Только что бы не вляпался"... а на мои просьбы самому почитать книжечки прежде чем передать их, говорил: „Читайте. Только уговор—не звонить".

Это был один из самых замечательных людей из всех, кого я знал во всю свою последующую достаточно долгую жизнь.

Я не встречал более вдумчивого серьезного отношения к жизни и человеку, чем те, которые обнаруживал Михаил Петрович. Поразительно много знающий (он почти окончил филологический и медицинский факультеты) всю жизнь следивший за всеми явлениями русской общественной жизни и изучавший их до самых мельчайших подробностей—он был всегда на высоте научных знаний не только в той области, которая составляла его специальность (языкознание, медицина, политическая экономия и социология), но и во многих других. Вместе с тем скромности, как человек, он был необычайной. Всю жизнь он оставался „вечным студентом", тогда как при желании мог бы пять раз за это время сделаться или преподавателем (филологии) или врачем. До самого последнего времени он перебивался уроками, какой нибудь случайной работой, если допускало начальство и, как полагается по штату в таких случаях, часто жил впроголодь.

Но за то я не знаю случая, чтобы он отказал когда нибудь кому в своей помощи. У меня не хватило бы места и времени для полного и яркого освещения этого замечательного общественного деятеля и человека, и я пока вынужден ограничиться здесь сообщениями, что с самого начала Великой Революции до начала 1919 года, Михаил Петрович

М. П. Доброхотов (1903).

работал не покладая рук, проводя иногда целыя недели без сна, как член Петроградского Комитета большевиков и сгорел несомненно, от такой превышающей человеческие силы работы. Он умер в апреле 1919 года в Петрограде.

Мы с ним часто встречались пока я жил с семьей в Павловске и так как наши взгляды на революцию были различны, то, естественно, горячо спорили по поводу совершающихся событий, при чем часто эти споры заканчивались с той и другой стороны обещаниями не встречаться и не разговаривать больше. Но проходила неделя, самое большее— М. П. появлялся у нас в Павловске и говорил:

— А я еще табачку в запас купил. Вот—10 ф. махорки и 4 ф. легкого... Давайте попробуем.

Дело в том, что у М. П. появилась в то время страсть запасаться табачком и он все „лишние" деньги тратил на табачок, трубки, портсигары и т. п. без чего боялся остаться в ближайшем будущем, а курил он что твой паровоз в пути...

О последних днях жизни этого замечательного человека могли бы разсказать лица, близко знавшие его в эти последние дни петроградской жизни, например, Калужанин Б. В. Авилов, или кто нибудь другой.—

III.

К этому же времени. т. е. к началу 1896 г. относится и другое событие, так сильно взбудораживщее общественную жизнь Калуги того времени. Губернское Земское собрание постановило, между прочим, организовать при Управе оценочно-статистическое отделение, и заведующим этим бюро пригласило известного в то время статистика А. В. Пешехонова (в начале революции 1917 года А. В. был комиссаром петербургской стороны в Петрограде, а затем министром продовольствия).

Для работ в отделении были приглашены и присланы в Калугу статистики И. Р. Дубровинский, братья Г. П. и С. П. Середа (последний—бывший недавно Народным Комиссаром Земледелия), Н. И. Новиков, А. Я. Мишаев, Н. И. Ливенцов, К. М. Остров, М. С. Перес, С. А. Петровский, А. А. Рейн-

гольд—Давыдова, В. А. Руднев—(Базаров) и др. К работам в отделении были приглашены также и местные силы в лице Н. Х. Фосса, П. Н. Быкова, только что отбывшего долгое тюремное заключение и арестованного как говорят по доносу его отца, чиновника железнодорожного контроля), М. П. Доброхотова, В. В. Сытина и жившего с нами вместе, только что выпущенного из Воронежской тюрьмы (по делу Сыцянко) Михаила Ильича Черенкова —брата моего старого друга и сожителя П. И. Черенкова.

Среди приглашенных А. В. Пешехоновым лиц для работ в статистике были также, как и везде в то время, и представители народнического направления и марксисты. Насколько мне известно между ними сейчас же началась ожесточенная перепалка на почве идейных разногласий и А. В. стоило больших трудов удержать бюро от распада на почве взаимных несогласий и в практической работе бюро. Между прочим, эти разногласия, если не изменяет мне память, отразились и на материалах текущей статистики за 1896 г. изданных бюро, где полемика автора одной из статей (К. М. Острова) умеряется примечаниями редактора сборника—А. В. Пешехоновым. Как-бы то ни было, но в бюро большинство было на стороне марксистов и среди них были лица уже опытные в деле пропаганды и издательства: Остров, Перес, Середа, М. П. Доброхотов, Фосс, П. Н. Быков и М. И. Черенков. В то же время, как только появились в Калуге некоторые из перечисленных мною лиц—сейчас же по рукам моих знакомых из числа преподавателей и учеников Воскресной школы появилось довольно значительное количество нелегальной литературы самого разнообразного вида и направлений: и газеты, и книжки, и прокламации—иногда довольно свежего происхождения.

Мне кто-то сообщил тогда под большим секретом, что часть литературы этой печаталась в Калуге.

А. В. Пешехонов не проводил времени в Калуге даром и отдавая долг своей кипучей энергии, решил об'единить все более или менее живыя силы калужского общества за одной общественной работой. Видя что калужская интеллигентная молодежь „бродит", а для того, что бы она правильнее

и лучше перебродила он и решил сделать попытку об'единить ее на общей культурной и практической работе. И вот по его мысли начало организовываться „Общество калужской безплатной народной библиотеки—читальни“.

Конечно, все, что было чуткого в тогдашнем калужском обществе, все об'единилось в этом обществе и сейчас же по утверждении устава началась практическая работа этого общества. Со всех сторон посыпались пожертвования книгами и деньгами, образовались по мысли А. В. различные комиссии, в которые члены общества записывались добровольно, занявшись выработкой каталога, правил библиотеки и др. Я отлично помню, с каким воодушевлением мы, члены комиссии по выработке каталога будущей библиотеки, сходились в квартире А. В. и А. Ф. Пешехоновых на углу Никольской улицы и Черновского переулка (Дом этот теперь зияет своими пустыми окнами и полуразрушен) и общими силами выбирали из „дозволенных“ книг наилучшие, что-бы не загромождать будущую библиотеку хламом.

Эти собрания сослужили большую службу в деле взаимного ознакомления, „чужестранцев“ и калужан, и давали фактическую возможность для деловых встреч и даже для агитации. Сейчас после начала работ библиотечного общества, у многих своих знакомых я стал наблюдать вырезки из старых толстых журналов („Отечественных записок“, „Дела“, „Русской мысли“ и др.) в коричневых обложках с надписью зеленым карандашем „Л. Б.“ (Летучая Библиотека). Это были статьи преимущественно по социальным вопросам, статистике, а иногда и интересная беллетристика.

Эту Л. Б. в довольно большом количестве вывез из Орла М. С. Перес, где существовала компания интеллигентных лиц, занимавшихся подбором книг „Л. Б.“.

Попытки завязать знакомство с рабочими мастерских и депо и образовать среди них кружки в это время усилились.

Из новых наших знакомых особенною настойчивостью в этом отношении отличались М. С. Перес и Н. М. Остров. Первый довольно близко сошелся с небольшой группой рабочих мастерских и, обосновав конспиративную квартиру (на

Нижке-Казанской улице), вел среди них правильную пропаганду с. д. идей, распространяя нелегальную и новую легальную литературу, среди которой особенным успехом пользовались тогда издания О. Н. Поповой и др., трактующие по преимуществу положение рабочего вопроса за границей, Кл. М. Остров совершил вместе со мной несколько поездок в Пол. Завод, где он хотел поближе изучить положение рабочих и нащупать те чувствительные пункты, с которых можно было начать далее агитацию. Я познакомил его с рабочими и, помнится, он после бесед и разговоров пришел к заключению, что благоприятных условий для агитации там нет, так как тамошние рабочие народ все местный оседлый (имеющий свое небольшое хозяйство хотя бы в виде небольших усадеб огородов). Впрочем, он скоро уехал из Калуги, и наши наезды с ним прекратились. В это же время в Полотняный были высланы из Москвы после ареста мои бывшие товарищи по училищу—рабочие с завода, кажется, Доброва—Аркадий Алексеевич и Михаил Алексеевич Пантелеевы и Константин Петрович Барютин (ныне все покойные). Это были молодые и очень энергичные люди: в Москве они состояли членами рабочей организации того района, где находился завод, на котором они работали, причем Аркадий Пантелеев был кассиром районной организации, почему и сидел он в тюрьме довольно долго и нажил себе там болезнь, которая позже в разгар Московской революции 1905 г. свела его в могилу. Вскоре к ним в Полотняный приехал их ближайший товарищ по Москве—Зиновий Яковлевич Летвин, высланный также под надзор полиции. Зиновий Яковлевич недавно еще занимал видный пост заведующего культурно-просветительным отделом одного из районных советов Москвы.

* * *

Когда эта компания с'ехалась вся в Полотняном и устроилась на фабрике, конечно, правильная и постоянная пропаганда с.-д. идей было там обезпечена, тем более, что в это время старая хозяйка фабрики О. К. Гончарова была убита своим лакеем и во владение фабрикой вступил Дмитрий Дмитриевич Гончаров, решивший в корне изменить порядки на фабрике в смысле длины рабочего дня, заработной платы и общего распорядка. Двухсменный 12 час. рабочий день

был сокращен до 8 час., а заработная плата повысилась путем известных отчислений из прибылей фабрики. Кроме того, Дм. Дм. Гончаров завел там постоянный театр, где актерами были главным образом сами рабочие, библиотеку и проектировал еще курсы для рабочих. Все это было самой лучшей агитацией по рабочему вопросу и братьям Пантелеевым и Литвину пришлось выступать лишь в роли помощников Д. Д. Гончарова.

Пример Гончаровской фабрики сейчас же оказал „вредное" влияние на соседние Говардовские фабрики в Троицком и Кондрове, (где было значительно больше рабочих и рабочие были большею частию „пришлые"). Там очень скоро рабочие стали требовать уравнения своего положения в смысле длины рабочего дня (оплата труда была там выше) наравне с Гончаровскими. Вот туда и направились усилия З. Я Литвина очень умелого и энергичного организатора и, конечно, весьма скоро его усилия дали положительные результаты.

IV.

В Калуге в это время жизнь вокруг открывшейся библиотеки кипела ключом. По мысли организаторов, продумавших каждую мелоч, было решено, что кроме библиотекаря для помощи ему устанавливаются добровольные дежурства членов общества и на эти добровольные дежурства записалось очень много народа. Таким путем имелось в виду стать ближе к читателям библиотеки и узнать лучше их состав и уровень их знаний. Вот в это—то время, собственно, и завязались прочные знакомства интеллигентных сил Калуги между собою и вместе с тем и с читателями. Лично мне, принимавшему деятельное участие в жизни библиотеки, удалось за это время завязать столько интересных знакомств, как среди членов общества, так и среди рабочих, что я позже затруднялся уже определить, кого я не знаю в Калуге. В это время (начало 1897 г.) я ушел со службы в Казначействе и устроился в Коммерческом Отделе Управления Сызрано-Вяземской ж. д., где и служба сама по себе была интересней, да и оплачивалась она значительно лучше. В это время я познакомился с молодыми рабочими депо П. П. Сухановым и П. Н. Баташевым, которым суждено было несколько

позже играть значительную роль в период образования первых нелегальных кружков в Калуге и затем в период бури 1905 года. Точно также в обществе безплатной библиотеки читальни я познакомился с Иваном Алексеевичем Голубевым и Влад. Александр. Степановым, тогда только что окончившими семинарию и служившими в ж. д. контроле.

V.

К концу 1898 г. жизнь в Калуге уже несколько затихла, так как значительная часть статистического земского бюро старого состава раз'ехалась. Не было уже в Калуге А. В. Пешехонова и многих других. Многие были подвергнуты „ущемлению" со стороны жандармской власти. Так был арестован М. С. Перес и довольно долго сидел в Калужской тюрьме. Дела его были тогда плохи. Жандармское начальство было убеждено, что вреднее Переса нет в Калуге человека и это было верно. Но уловить его оно никак не могло. Запрещенная литература и прокламации, правда, в небольшом числе, все же регулярно появлялись в Калуге по поводу различных событий русской жизни (стачки, аресты и др) и конечно, начальство было озабочено тем, что - бы уловить источник этих бумажек, а его можно было только „подозревать". Поэтому придравшись к какому то случаю, оно и засадило бедного Михаила Самойловича чуть не за семь печатей. Ни свидания с ним не давались, ни письма от него не принимались. Уже кое как с большими усилиями удалось А. А. Райнгольд добиться того, что бы его выпустили на поруки, кажется, или под залог. По своем освобождении он также оставил Калугу. Вообще в жизни Калуги был такой период (1898—1899), когда из него выбыли почти все интеллигентные силы, игравшие видную роль в образования первых с.-д. ячеек. Кто был выслан, кто устроился в университет, и прежная оживленная жизнь наблюдалась только вокруг библиотеки—читальни.

Про себя я могу сказать, что за это время я очень много и упорно читал, главным образом по экономическим вопросам. У меня образовалась довольно интересная собственная библиотека, да и кроме того я выписывал „Научное Обозрение", „Мир Божий" и позже „Жизнь".

В это время как раз начали прибывать в Калугу высланные рабочие из Петрограда и Москвы. Не помню, кто из них и когда именно прибыл в Калугу, но здесь побывали: М. П. Еремеев, П. К. Засорин, Н. А. Петров, Назаров, Маринин, Федоров и др. Попадая в Калугу, все они оказывались в очень безпомощном положении, так как запасных средств не имели, а работы найти сразу не удавалось. Много беготни и хлопот нужно было затратить на то, что-бы в начале поддержать высланного, а затем и найти ему место или временную работу. Путем розыгрыша или продажи книг нам удалось найти небольшую сумму денег, связи с мастерскими и фабриками помогали устроить на работу наших нуждающихся товарищей. М. П. Еремеев устроился и долго жил в Полотняном Заводе, Н. А. Петров довольно долго жил со мной вместе на квартире, а затем работал у И. П. Доброхотова, имевшего электротехническую мастерскую. П. К. Засорин был большой мастер по части самых разнообразных металлических памятников--он открыл собственную мастерскую, которая существовала довольно долго. Другие также постепенно устраивались в той или иной мастерской. Помнится, что калужский полицеймейстер Трояновский уговаривал некоторых из них работать в организованном им работном доме. Но никто из них туда не пошел.

Так как Н. А. Петров (из С. П. Б). жил вместе со мной, то иногда вся колония высланных рабочих собиралась вместе, и мы за чаем обсуждали новости из рабочей и политической жизни, намечая возможность тех или иных начинаний в смысле распространения нелегальной литературы и пропаганды. Как ни бодро, как ни уверенно чувствовал я себя в то время, но помнится, что в общем впечатление от более близкого общения с рабочими, уже бывшими в деле, обстрелянными, так сказать, было не особенно отрадным и удовлетворительным. Несмотря на близкое знакомство с условиями работы и вообще на лучшее знакомство с рабочей средой, мы как-то не особенно охотно шли на выполнение тех или иных заданий или пожеланий нашего общего совещания. Поэтому оставалась неудовлетворенность от того, что все выходило не так, как предполагалось; что наши знакомые рабочие вели себя как-то вяло.

Должно быть к этому же периоду относятся мои знакомства с отдельными членами существовавшего уже кружка семинаристов. Должно быть через И. А. Голубева я познакомился с братьями Сергиевскими, Анатолием Баталиным, Пошотиным, Крыловым и некоторыми другими, фамилий которых не помню. Кружок этот в то время уже становился на ноги и я знал, что кроме общих чтений серьезных книг по социологии и рабочему вопросу он уже занимался вопросами об организации библиотеки и издании собственного журнала, что и было им осуществлено немножко позже, при чем часть разросшейся библиотеки хранилась у меня. Журнал, основанный кружком, был рукописный и носил бодрое название „Вперед“ Известно было кое что о существовании кружка среди земских служащих, но в моей памяти осталось лишь очень смутное воспоминание о нем. Кто и что там делал забылось.

Я очень часто за этот период времени ездил в Полот. Завод и там завел интересные отношения с кружком молодых поэтов. В Полотняном-Заводе у меня был один очень старинный и близкий друг Захар Петрович Жотиков, который в то время вел небольшую торговлю, поддерживая существование всей своей семьи. Он упорно (только очень безсистемно) занимался чтением и самообразованием. Вместе с тем он любовно и очень успешно занимался фотографированием и человеком был вообще в полном смысле слова универсальным. Он был осью, вокруг которой вертелось все, что было интеллигентного в Полотняном. Вокруг него группировалось значительное количество зеленой молодежи, которая отчасти под моим влиянием, отчасти под влиянием З. П. стала издавать свой журнал, собираться для чтений нелегальной и легальной литературы. Правда, серьезной революционной работой этот кружек никогда не занимался, но культурное влияние его вообще на местную жизнь было велико. К кружку принадлежали кроме Захара Петровича, Сергей Кожевников, Павел Глушков, Ольга Федоровна Лосева, Вячеслав Титов и др. Лавка, в которой торговал З. П. и его квартира были всегда битком набиты всяким молодым народом. Я очень загостился в то время в Пол.-Заводе, так как придавал большое значение существованию этого кружка.

Помню: иногда мы, бывало, засидимся у З. П., а его бабушка, ветхозаветная старушка, всю жизнь проведшая „в древнем благочестии“ (она была раскольница), зайдет к нам с костылем и сердится:

—Захарка! Хранцуз ты, небогобоязненный......Когда же у вас здесь кружало то ваше кончится? ....Ведь уже к утрени скоро ударят...

—Гран маман, не сердитесь, ложитесь спать....Мы сейчас разойдемся—говорил З. П.

—Нет, видно последние времена наступают...шептала уходя старушка. Где же это видно, мать пресвятая владычица. Ох, последний светушко, последние времена...

Мы добродушно потешались над словами бабушки и смеялись, нам было весело. Впереди у нас была целая жизнь, которая казалась нам вечной и интересной. Какие же тут последние времена?!....

VI.

В Калуге же к концу этого периода жизнь была несколько монотонна и однообразна. Отсутствие сплоченных интеллигентных сил уже давало себя знать, но как раз на наше счастье в это время (1899 г.) в Калуге поселилась очень интересная компания ссыльных. Прежде всего здесь появилась яркая фигура молодой, красивой всегда очень богато и изящно одетой Н. П. Викторовой. Она часто, повидимому, бесцельно бродила по улицам Калуги и обращала на себя всеобщее внимание. Когда я познакомился с ней—она оказалась очень умным, культурным и привлекательным человеком. Затем позже как-то сразу появились в Калуге: А. В. Луначарский, высланный из Москвы, И. И. Скворцов (Степанов) из Подольска и А. А. Малиновский (Богданов). Несколько позже появились наш старый знакомый В. А. Руднев-(Базаров) и калужский уроженец Б. В. Авилов, автор интересных статей в „Начале“ Был здесь также и И. А. Давыдов, автор статьи, потом вышедшей отдельным изданием „Что же такой исторический материализм“. Немного позже приехала из Киева Екатер. Эдуард. Рерих. Прежде всего остатки нашей старой ком-

ными познакомились с А. В. Луначарским. Я помню, что А. В жил в то время на Успенской улице, в квартире учителя танцев Васильева и, если не ошибаюсь, участвовал в переводе книги „Общественные движения в средние века и в эпоху реформации“, вышедшей под редакцией Базарова и Степанова и затем позже изданной Д. Д. Гончаровым и Н. Х. Фоссом, книги Кулемана“ „Профессиональные движения“. В первый же период своего пребывания в Калуге А. В. вел, повидимому, довольно разсеянную жизнь. Его характирную гибкую фигуру в рабочей тужурке и в пенснэ можно было наблюдать в сопутствии самых разнообразных элементов калужского общества от усердных учеников и учениц почтенного учителя танцев и местных средне-учебных заведений до видных чиновников Казенной палаты (А. А. Барт, А. А. Племянников)—включительно.

Совершенно естественно, что очень скоро после того, как мы все перезнакомились с перечисленными мною лицами—они все, правда, в разной степени втянулись в интерес местной жизни и, стали принимать в ней то или иное участие. Что касается А. А. Богданова и И. И. Скворцова, то они уже очень осторожничали тогда и не охотно заводили широкие знакомства, отдавая значительную часть время литературным работам.

Все же и они допускали иногда побывать на собраниях нашего многолюдного кружка где нибудь на прогулке в лесу (чаще всего мы углублялись в бор) где читались новые интересные статьи или оригинальные рефераты.

Я особенно помню об одном таком большом собрании в квартире А. А. Богданова (на углу Васильевской и Дворянской улице), где собирались с особенными предосторожностями и только особо приглашенные члены кружка. Дело было в конце 1900 г. В виду наступления нового 20-го столетия состоялись очень интересные доклады. А. А. Богданова на тему: О развитии научного знания в 19 веке; И. И. Скворцова, О рабочем движении в 19 веке и. А. В. Луначарского“ О философии и эстетике в 19 веке. Не помню, в один или два вечера были прочитаны эти доклады, но обсуждение их затянулось на столько долго что автор первого доклада А. А. Богданов уже успел уехать за это время из Калуги.

Эти доклады, конечно, имели огромное влияние на укрепление и развитие определенного марксистского и научного мира, понимания среди членов нашего кружка. Они были поразительно ярки и интересны.

Однако, когда особенно нетерпеливые члены кружка настаивали на необходимости сейчас же начать широкую практическую работу среди учащихся и рабочих, то И. И. Скворцов и А. В. Луначарский весьма резко охлаждали наш пыл.

Я и Г. К. Знаменский (калужанин, бывший студент, привлекавшийся в Москве и долго сидевший пред этим в тюрьме) с ними вели разговоры по этому поводу, но сколько мы не доказывали необходимость правильной организации в Калуге для пропаганды среди учащихся и рабочих А. В. и И. И. говорили нам, что они пока не находят возможным принять в этом участие, а также и оказывать какое нибудь определенное воздействие на работы в этом направлении местного кружка.

Смысл их возражений был таков: мы, мол, будем считаться с вами как со знакомыми, но брать какого нибудь определенного обязательства на себя не можем и не будем.

Это дало повод очень экспансивному и нервному Г. К. Знаменскому заметить А. В. Луначарскому.

—Что же вы, А. В., будете продолжать заниматься с ученицами гимназии эстетикой?.

—Да, буду продолжать заниматься эстетикой. Вам она очень не нравится?.

—Конечно; я даже не понимаю, как вы об этом можете серьезно разговаривать.

Так ничем и не кончились наши разговоры на этот раз.

Кстати вспомнить, что Г. К. Знаменский позже всегда, когда в нашей компании выступал А. В. Луначарский с каким нибудь рефератом на тему о философии или эстетики— шумно вставал со своего стула, надевал шапку и уходя говорил:

— Ну, вы можете эту болтавню слушать сколько угодно, а я слуга покорный.

И уходил.

Необходимо сказать здесь, что наш с—д. кружок был уже тесно организован: имел свою нелегальную квартиру, в которой жил П. П. Суханов, у нас была библиотека, кое какие средства, добываемые путем взносов и пожертвований, был у нас также и гектограф, но мы ничего сами еще не печатали. В состав кружка уже входили: И. А. Голубев, Н. П. Доброхотов, А. М. Ларин, Г. К. Знаменский, В. Н. Радилова, Н. И. Попов, И. К. Никитин, П. П. Суханов, П. Н. Бабашев, пишущий эти строки и др.

Более широкий кружок включал еще много калужан, которые то прибавлялись в числе, то убавлялись, так как большинство было из учащихся, не живших постоянно к Калуге. И в этом широком кружке, душой которого все же был наш узкий „с.-д. кружок, довольно часто выступали с докладами и рафератами все перечисленных выше „чужестранца“.

Я помню несколько таких рефератов и вечеринок, где выступал И. И. Скворцов и А. В. Луначарский, в бору на даче В. В. Сытина, у Д. В. Розанова и в доме Колесникова Они имели большой успех, и к нашему широкому кружку народу все прибывало. Между прочим, было принято решение, что каждый раз после прочтения какого либо нового художественного произведения, один из членов кружка назначался по очереди делать чтения реферата на прочитанную тему, и мне пришлось как то реферировать разказ Горького „Челкашь“. Реферат мой вышел, как мне казалось,—не особенно удачным, хотя И. А. Голубев взял его для помещения в журнале семинаристов „Вперед“.

Что касается Е. Э. Рерих, то она сразу по приезде вошла в наш тесный кружок и как опытная пропагандистка, заняла в нем доминирующее положение. Она быстро сама перезнакомилась со всеми рабочими, самостоятельно повела среди них пропаганду, и все уговаривала меня поехать с нею вместе в Пол. Завод, так как ей хотелось ближе присмот-

рется к тому, что творилось в Полотняном Заводе на фабрике, о которой она столько наслышалась. А. В. Луначарский знал ее по Киеву и совершенно определенно предупреждал меня не вести с нею каких нибудь „больших“ предприятий. Он говорил: „Рерих очень хороший человек, но она страшно не опытна.

Она всякое дело провалит через две недели самое большее.“ Поэтому и я отговаривал Е. Э. от каких нибудь решительных выступлений в мастерских и депо, которые она в то время затевала. Позже, когда в Пол. Заводе был уже А. В. Луначарский, уехавший по приглашению Д. Д. Гончарова, мы с Е. Э. ездили туда и когда я провел ее по всем корпусам фабрики, где работала ночная смена рабочих, она была очень удивлена, что меня знают все тамошние рабочие и так хорошо ко мне относяться.

Я ей указал, что это все мои товарищи в большинстве или их отцы и братья и поэтому наши добрые отношения совершенно естественны. Ей все же это казалось почему-то удивительным и она говорила, что очень мне завидует: —Если-бы я была на вашем месте, как я была-бы счастлива!..“ говорила она.

Как я говорил, А. В. Луначарский поселился с разрешения Губернатора в Полотняном Заводе. (Разрешение это добыто было при посредстве Д. Д. Гончарова). Там он затевал целый ряд нововведений и хотел было вступить в заведывание фабричной конторой. В. Н. Радилова, член нашего кружка, была уже приглашена туда для заведывания библиотекой, а меня он уговаривал перейти на службу в контору. В это время как раз возникла забастовка на фабриках Говара по части введения 8-ми час. дня, а рабочие Полотняно-Заводской фабрики потребывали увеличения заработной платы. Начались наезды начальства и полицейского и жандармского, и я заблагоразсудил на время отказаться от переезда туда, хотя Д. Д. Гончаров и А. В. Луначарский оба уговаривали меня согласиться. Впрочем, А. В. пришлось отказаться от своих затей и он, главным образом, занялся там литературными работами.

У меня и сейчас осталась от того времени копия одного из его произведений того времени драматическая поэма „Искушение", которая, кажется, никогда не была напечатана.

Мы часто из Калуги ездили в Полотняный завод довольно большой компанией и проводили там время в чудных парках Гончаровского имения. Бывал там также вместе с нами и Ив. Ив. Скворцов. Конечно, и там не обходилось дело без очередного реферата или доклада.

В нашем кружке стали в то время принимать участие свежие силы: вступили в него В. Н. Доброхотова, окончившая гимназию, которая и раньше, будучи гимназисткой, много помогала нам. Библиотекарша Е. М. Роганова из своей квартиры при библиотеке сделала нечто в роде нашего сборного пункта, где каждый из нас мог узнать—кто куда на сегодня подевался и кстати напиться чаю с ситным хлебом. Посещали наши „засидки" и сестры Савины—Елена Николаевна и Екатерина Николаевна. Словом полку нашего прибывало да прибывало.

VII.

Начало нового столетия, как известно, принесло в русскую жизнь много нового. Рабочее движение все крепло и разросталось. Уже не было фабричного или заводского уголка в России, где бы это движение не выливалось в осязательные формы забастовок и требований об улучшении общего положения рабочих, условий труда, повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Вместе с тем как то освежалась и вся атмосфера русской общественной жизни. Уже легче дышалось и чувствовалось, что в истории страны действительно наступила новая эра, новая интересная эпоха.

И в нашем захолустьи, в Калуге, жизнь становилась все содержательнее и богаче фактами, характеризующими наступление этого нового времени. Отовсюду из фабричных районов приходили известия о начавшейся организации среди рабочих, о прокламациях, которые распространялись по разным поводам и часто в значительном числе экземпля-

ров. Интерес к легальной литературе повысился весьма заметно среди самых широких слоев населения. Журналы „Жизнь“, „Мир Божий“, „Научное Обозрение“ сделались очень распространенными журналами и даже солидный „Вестник Европы“ стал помещать беллетристику из жизни „новых“ рабочих. (Повесть „Тяга“ Боборыкина), „Искра“ и „Заря“ стали необходимой настольной литературой каждого более или менее интеллигентного человека. Количество получаемой литературы так увеличилось, что „Искру“ можно было прочитывать уже по порядку №№, а не через пятое на десятое, как раньше.

В это время, после крупных студенческих безпорядков в Москве, в Калужские уездные тюрьмы было выслано из Москвы несколько человек студентов, а в числе их в Медынскую тюрьму был законопачен мой старый знакомый Александр Петрович Татаров. Я принял было некоторые меры, что бы завязать с ним письменные сношения, но он вскоре сам пожаловал на нашу общую квартиру к С. П. Дмитровецкой, Разсказам о студенческом движении не было конца. Часто после А. П. вспоминал тот момент, как они были заперты в Москве, в Манеже, вспоминал, какую большую организаторскую и руководящую роль играл студент Ираклий Церетелли... „Татарыч“ как мы звали А. П., очень скоро завязал связи с разбросанными в разных местах товарищами, и в наших руках оказалась целая уйма всякой печатной и литографированной, преимущественно студенческой литературы. Много тут было свежего и интересного.

Конечно, с приездом высланных студентов в Калугу, а они в конце концов все с'ехались сюда, жизнь нашей „широкой“ компании еще расширилась. К ней примкнуло много будущих студентов, а через них учеников реального училища и гимназии. Трудно припомнить, кто и когда в это время появился на нашем гаризонте, но, кажется, тогда стали появляться у нас Дионисий Радимов, Траубенберг, Соколков, Страхов, Бастунский и многие другие. Влияние нашего „узкого“ кружка все расширялось, но вместе с тем чувствовалось, что жизнь начинает перерастать его значение и что в перефериях широкой компании начинают зарождаться новые „узкие“ центры.

К этому времени, между прочим, относится появление в Калуге сразу в значительном количестве эсэровской литературы. Не помню, когда именно, но должно быть в 1901 году я уже был знаком со Львом Александровичем Печковским, служившем в то время на ж. д., а вскоре познакомился и с Кролевцом Это были старые партийные работники, так сказать остатки „народовольцев“ и несомненно, что зарождение идей с.-р. и распространение в Калуге литературы этого направления было делом этой группы, пополнившейся немного позже Высоцким; (позже член Ц. К. партии С.-Р), который отбывал в то время здесь военную службу. Он имел самые тесные связи с центрами зарождающейся партии С.-Р., и, как мне кажется, ему в особенности обязана Калуга широким распространением здесь с.-р. литературы. Отношение к этой литературе даже со стороны тех, кто считал себя и „правоверным“ марксистом было самое внимательное: „Революционная Россия“ читалась также охотно, как и „Искра“.

К этому же времени должно быть относится и образование в Калуге кружка С.-Р. направления Но я о них знал очень мало и потому не могу сказать, из кого они состояли в то время и чем занимались. Помню, что наши знакомые рабочие очень заинтересовались новой литературой и часто обсуждали вопрос о том, кто был прав в том или ином спорном вопросе „Искра“ или „Рев. Россия“.

Наш кружок раньше лишь помогал распространению чужих прокламаций (первомайских и др.), которые чаще всего поручал ему распространить М. П. Доброхотов, но в 1902 г. он решил напечатать первомайскую прокламацию сам.

Торжественно собрался наш кружок в комнате Е. М. Рогановой при библиотеке для обсуждения проекта первой нашей прокламации к рабочим... Здесь были на лицо все силы нашего кружка, так как каждому хотелось принять участие в настоящем, серьезном деле. Были представлены и обсуждены два пректа. Один принадлежал мне, а другой И. А. Голубеву. После тщательного и горячего обсуждения второй из них был окончательно принят к напечатанию. Через несколько дней прокламация в количестве 225—250

экземпляров была готова, и я передал ее Баташеву для распространения в мастерских, депо и заводах.

Прокламация была распространена удачно и насколько нам стало известно, рабочим понравилась.

VIII.

Как раз в это время в Калуге появился проездом А. В. Пешехонов, и через В. В. Сытина просил некоторых членов нашего кружка спешно посетить его в гостиннице „Рига“, где он остановился только до вечернего поезда. Мы были у него в следующем составе: В. В. Сытин, я, и Рерих. А. В. прочитал нам целую лекцию о том, что надвигается переворот.

„Трудно сказать, когда он начнется, говорил А. В., и во что для начала выльется, но что он надвигается это чувствуется. Высшие бюрократы бегут с некоторых постов, как мыши с тонущего кробля, а это лучший признак приближения бури“.

Так как А. В знал, что в Калуге есть какая-то организация и полагал, что таким организациям не дурно быть готовым ко всяким событиям—он предлагал нам связаться с центром (С. П. Б., Москвой) и другими городами на предмет деловых сношений, хотя бы и в будущем. Конечно, мы с радостью ухватились за это предложение. Мы знали, что А. В. свяжет нас не с центром с.-д. организации, но мы полагали, что важно вообще установить такую связь с центрами в интересах революционных партий, которые тогда не так резко расходились в своей работе, за исключением, конечно, разногласий в вопросах об аграрной программе и о терроре, работе, и охотно помогали друг другу всякими средствами. Между прочим, А. В. рекомендовал нам, если к тому представится возможность, накапливать какие нибудь средства для того, что-бы в надлежащий момент поддержать центр. Затем сообщив нам адреса, по которым можно писать ему и другим лицам, он уехал, а мы долго и тщательно обсуждали, как осуществить все намеченные в этом собрании предположения.

Помнится, Рерих была в восторге и от того, что сообщил А. В. Пешехонов и от его обших взглядов на грядущую революцию. „Какой настоящий революционер в нем чувствуется“ говорила она.

Вскоре после выхода в свет нашей прокламации из Калуги уехали в Киев—Рерих, И. К. Никитин и молодой техник Никифор Вилонов, который хотя не был членом нашего кружка, но был приятелем Никитина и принимал деятельное участие в некоторых наших предприятиях. Рерих, получив разрешение на проезд в Киев, охотно бросила Калугу, так как была не удовлетворена своей деятельностью здесь. Там она много работала, по преимуществу среди работниц; здесь практическая живая работа вообще плохо налаживалась и она загрустила по Киеву и оставленным там друзьям. Она уговаривала и меня немедленно же ехать в Киев, что бы примкнуть там к организации и начать „настоящую“ революционную работу, а не варится в собственном соку. В то время я не решился на это, а затем вскоре во время отпуска, летом, уехал в Самару к Ив. П. Доброхотову, который жил там.

После возвращения из Самары, я решил окончательно уехать в более людный город, чем Калуга, где бы, действительно, можно было принять участие в настоящем рабочем движении и увидать подлинную революционную работу. На это особенно подтолкнули меня письма моего старого товарища П. П. Суханова, жившего в то время в Киеве, и Рерих.

„Дядя Митяй! писал Суханов,—я знаю, что если ты приедешь в Киев, то раскаиваться не будешь. Следовательно—не думай—приезжай“.

Я решил ехать и написал Рерих письмо о том, что бы она заранее помогла найдти мне место на жел. дороге, где у нее было очень много знакомых.

В конце лета 1902 г. в Калуге снова появились Б. В. Авилов, М. П. Доброхотов и кто то еще из наших старых знакомых. По обычаю, было устроено несколько дамских прогулок в бор, за реку, причем в этих прогулках принимало участие очень значительное количество членов нашего

кружка. Б. В. в кратком докладе доказывал необходимость для нас связи с своей партийной организацией, о помощи ей, так как она ощущает большой недостаток в средствах и об оживлени работы на местах.

Помниться, как будто он тогда же дал нам возможность регулярно получать „Искру“ и „Зорю“, для чего указал нам адрес, по которому можно было требовать их высылки.

IX.

В это время действительно, как предсказывал А. В. Пешехонов, в русской жизни чувствалось приближение чего то нового. Грозные раскаты весенних демонстраций и затем забастовок уже встряхнули почти всю Россию, и ясно было, что движение все растет и принимеет большой размер.

Осенью 1902 г. я простился со своими друзьями, сел в поезд и уехал в Киев. Случайно в поезде мы оказались вместе с А. Д. Высоцким и всю дорогу до Курска проговорили с ним о задачах надвигающейся революции и той роли, которую в этой революции должна играть так быстро растущая партия С.-Р.

Не надолго я остановился в Курске, где виделся со своими старыми знакомыми А. Я. Минаевым и В. В Сытиным. По приезде в Киев, я вскоре же устроился в Коммерческой Службе Управления Киево-Полтавской ж. д., где заведывающим был Е. А. Могиленский, очень просвещенный и видный железнодорожный работник. Я очень скоро перезнакомился со всеми товарищами по службе и начал вместе с некоторыми из них усердно посещать лекции в Университете и особенно в Политехникуме, где в семинарии проф. С. Н. Булгакова читали очень интересные рефераты на тему о религии и социализме, в которых живое участие принимал сам проф. Булгаков и студент Вольский (Владимир).

Несколько позже я был представлен Е. Э. Рерих товарищу „Сергею“, а тот познакомил меня с кружком железнодорожных рабочих, в котором я должен быть начать чтение лекций по истории раб. движения и политической экономии и, таким образом, моя „настоящая“ работа нача-

лась. Я совершенно не видел как прошла зима, до того интересно и полно жилось мне в Киеве. Доклады в литературно-артистическом обществе, лекции в Университете и Политехникуме, работа в кружке и дискуссии на собраниях пропагандистов, занимали все мое свободное от службы на ж. д. время.

X.

Весною 1903 г., в мае должна была состояться рабочая демонстрация в Киеве.

К 18 апреля и 1 мая она оказалась неподготовленной и состоялась лишь 3 мая, в воскресенье. Так как полиция и жандармы успели кой что узнать о ней, то она вышла, в общем, неудачной. Рабочим со своим красным знаменем удалось пройти лишь небольшую часть Владимирской улицы (от оперного театра) и по Прорезной. Внизу Прорезной от Крещатика их встретили солдаты, а сзади по пятам шли толпы городовых, засада которых оказалась в оперном театре.

Я непременно решил принять участие в этой демонстрации, и потому все время ждал появления флага на углу Фундуклеевской улицы.

Когда же он появился на углу Прорезной, мне пришлось бежать бегом, что бы присоединиться к демонстрантам. После оттуда, с Прорезной уже выхода не было, и я вместе с Н. А. Константиновым, своим сослуживцем по ж. д., был арестован и отведен в Старо-Киевский участок, где нас после обыска и разсортировки отправили партией в 48 чел. в Лыбедский участок, при чем сопровождавшие нас солдаты держали ружья „на руку“ и всю дорогу гремел барабан. Мы от души смеялись над этой торжественной церемонией когда шли по Владимирской улице до самой Кузнечной. В Лыбедском участке мы засели прочно. После допроса, устроенного нам чинами жандармск. и общей полиции нам определили и наказание—по 2, 3 недели, 1, 2 и 3 месяца, ареста при полиции, при чем совершенно неизвестно было, почему одному было назначено 2 недели, а другому 2 месяца. Мне был назначен 2-х месячный арест.

Сидели мы там мирно. Но потом решили добиваться улучшения пищи, на которую нам давалось всего пятачек и удлинения времени прогулок. После отказа начальства, мы об'явили голодовку и не ели два дня. Начальство забезпокоилось. Об'явили, что денег прибавят до 20 к. в день на душу, а прогулки удлинят путем организации новых постов городовых, так как старых не хватало. Так как мы просили, между прочим, отправить нас в тюрьму, если в участке нельзя улучшить нашего положения, то вскоре по прекращении голодовки нас отправили в Киевскую тюрьму, а утром на другой день заковали в наручники и отправили по разным уездным тюрьмам. Я попал в Бердичевскую. Просидел там до 4-го июля, был освобожден, приехал снова в Киев, и снова устроился на службу на старое место. Участие в демонстрации лишило меня возможности начать снова работу в кружках и я по совету „Сергея“ и Рерих решил несколько отдохнуть, так как тюрьма со всеми ея „мытарствами“ все таки оказала вредное влияние на мое здоровье.

В конце лета 1903 г. в Киеве произошли крупные безпорядки на почве забастовки ж. д. рабочих. Были столкновения рабочих с войсками (недалеко от ж. д. вокзала на Соломенке), были убитые, раненые и масса арестованных. Я был очевидцем этого столкновения и оно никогда не изгладится из моей памяти...

XI.

В конце октября 1903 г., В. П. Доброходова написала мне, что в Калуге начались аресты и что, повидимому, всем нам предстоит засесть. Кроме того, Вера сообщала, что арестованных уже до 30 чел. Я очень удивился такому большому числу арестованных, тем более, что Вера Петровна и никто из ее братьев еще не был арестован.

Здесь нужно сказать, что по приезде в Киев я очень усердствовал по части снабжения калужан нелегальной литературой.

„Сергей“ и Рерих прямо таки запрещали мне отделять часть литературы для Калуги, говоря, что это не допустимо. Но я все же умудрялся, доставал. Ко мне приезжал один

раз Песоченский с письмами от Татарова, и я с ним послал довольно об'емистый тючек различных С.-Д. и С.-Р. изданий, затем позже был у меня И. А. Голубев, с которым я также уделил кое что для Калуги.

Сам я, когда ездил туда—тоже всегда привозил литературу. А так как она всегда была с печатью Киевского Комитета, и я вел оживленную переписку со многими калужанами то естественно, что мне нужно было почиститься, как говорят, и приготовиться

В ту же или другую ночь, как было получено письмо от Веры Петровны; я был арестован.

Первое время пришлось сидеть в Старокиевском участке, а затем меня перевезли в Лук'яновскую тюрьму.

Здесь я устроился в камере, где сидели 6 человек, а в числе их мой старый товарищ Андрей Мельницкий, который был старостой нашего корридора. Жизнь в Киевской тюрьме в то время походила на жизнь в благоустроенной гостиннице: гуляли по полдня, то одна, то другая половина корридора; обеды, организованные на средства Комитета, через посредство известных в городе лиц были отличные, литература нелегальная и письма получались исправно-лучших условий нельзя было желать от тюрьмы.

Кажется, недели через две меня повезли в Калугу и, по приезде, поместили на вокзале, на верху, в кабинете начальника жандармского отделения кн. Туркестанова. Потом пошли нудные и продолжительные допросы, уговоры и другие обрядности, которые всегда практиковались жандармами и прокурорами для выматывания у привлеченных к дознанию души.

Устал—ли я тогда очень или другие привходящие обстоятельства (я узнал, что много калужской молодежи, менее всего причастных к кружку, сидит в тюрьме) подействовали на меня, и я, убедившись, что жандармам все известно о наших делах, решил дать показания более правильно устанавливающее мою роль в этом деле, чтобы снять с некоторых товарищей неправильно приписываемые им деяния.

Нужно—ли говорить, что мне пришлось потом очень горько в этом раскаяться, так как материал, которым меня убедили жандармы в том, что им „все известно" был далеко не первого сорта.... Собственно, хуже всего было, по моему, намерение жандармов привлечь часть нашей компании к делу о подготовке покушения на Плеве... Черт его знает, из каких паутин сплелось это дело, но мне казалось, что его необходимо разбить и опровергнуть...

Плохо было то, что возможность такого „дела" я предвидел и „раньше"...

Как бы то ни было, но калужские жандармы к „делу о 24" 1903 г. привлекли ни много, ни мало до 50 чел. Когда меня привезли в Калугу в декабре 1903 г., там уже сидели: В. П. Доброхотова, В. Н. Радилова, И. А. Голубев, П. Н. Баташов, Ф. Г. Титов, Е. Н. Адамович, П. П. Каннинг, А. П. Страхов, Н. И. Попов, А. П. Татаров, С. И. Соколков, В. В. Дурасов, Алеева, Л. А. Печковский, Я. А. Чистяков, И. К. Никитин и др. Впрочем, некоторые уже были выпущены в то время. После периода допросов, которые продолжались вестись почтенное число дней и вечеров, меня отправили в Медынскую тюрьму, а позже, дней через 15—снова перевезли уже в Калужскую тюрьму. Здесь мы сидели вместе с И. К. Никитиным, Я. А. Чистяковым и Л. А. Печковским. Пока мы сидели в камерах под церковью—было еще сносно, но нас вскоре перевели в так называемые карцерные камеры—там было очень плохо.

Наши калужские знакомые помогали нам, присылая молоко и другую снедь, и благодаря их заботам мы не голодали.—

Почти с первых же дней моего заключения в Калуге я открыл, что мы гуляем одновременно с нашими соседями——В. П. Доброхотовой и В. Н. Радиловой. Я узнал точно когда они гуляют, узнал, как расположен, прогулочный дворик женского отделения, и очень скоро мог видеть хоть один только глаз В. П. и переговариваться с ней. Для этого мне приходилось „обставлять" надзирателя Дьячкова следующим образом: я гулял быстро, что—бы задать орга-

низму и особенно легким возможно больший моцион в течении того короткого времени, которое, полагалось на прогулку.

Дьячкову надоедало двигаться за мной следом и он уставал, становился на средине двора и наблюдал за мной, вращаясь вокруг самого себя.

Я быстро подбегал к воротам женского отделения и шептал на ходу не оборачиваясь:

—Ты здесь?...

—Да... Доносился до меня тихий, как шелест молодой листвы—шопот В. П.

А я уже шагал обратно, и Дьячков глядя на меня не догадывался—отчего так уверенно и твердо ступают мои ноги, отчего грудь поднимается выше, а на притворно-каменном лице нет-нет, да и скользнет еле сдерживаемая улыбка. Подходя следующий раз к воротам, я вижу в отверствие от пробоя один глаз.

—Здорова?...

—Да, а ты...

Новый поворот, и быстрое шаганье к противоположным воротам бездушной стене... Вскоре я снова у ворот.

—Ты бледен... слышу я ласковый шопот.

—Ничего, ничего... шепчу и я.

Так мы и говорили почти каждый день.

Тюрьма вообще очень сильно повышает изобретательность заключенных, и я, не довольствуясь нашими разговорами, умудрялся передать иногда и письмецо В. П. или Радиловой, пользуясь для этого и окном камеры, выходившим на дорожку, по которой мы ходили на прогулку и всяческими другими, случайностями.

Приблизительно в феврале 1904 г. Вера Петровна и В. Н. Радилова были на свободе. В конце марта мне устроили последний допрос и об‘явили, что я могу быть выпущен на свободу, если уеду в Полотняный Завод.

Я, конечно согласился, и в начале апреля уже был на свободе и, повидавшись с некоторыми калужскими друзьями, уехал в Полотняный.

Здесь потянулась для меня довольно однообразная жизнь. Пристав, к которому я попал под надзор, был довольно добрым и умным человеком и не особенно безпокоил меня разными формальностями.

Вскоре я устроился в контору кожевенного завода Кожевниковых на службу, и снова втянулся в привычную трудовую жизнь.

За это время в Полотняном произошел целый ряд значительных событий. В апреле 1903 г. здесь была крупная забостовка рабочих всей фабрики в целях повышения заработной платы, при чем исправником был арестован мой брат Федор Васильевич и одна из работниц Романова. Впрочем, забостовка после уступок Д. Д. Гончарова вскоре прекратилась и арестованные были выпущены.

Были забостовки также и на фабриках Говарда. Словом наши захолустные „углы"—перестали быть равнодушными к своему положению, деятельно реагировали на всякое изменение в этом положении и были чутки к общим интересам.

Рабочие уже великолепно разбирались в нелегальной литературе и доподлинно знали, что такое эс-деки и эсэры.

Кружок моих старых знакомых также вырос и так сказать возмужал.

Сергей Кожевников писал довольно красивые стихи, находясь под очень сильным влиянием Горького, и посылал их в „Русское Богатство", а Захар Петрович Жотиков увлекался декадентской литературой. Он выписывал „Весы" и восторгался той вычурной поэзией, которой был наполнен этот журнал. Он частенько говорил мне:

—Вы эс-дэки очень схематичны и прямолинейны. Вы логичны, как таблица умножения, а это ужасно скучно.

Когда же он хотел ободрить меня, то это принимало такой вид:

—Димитрий!...не унывай...мы еще поработаем на земном шаре!...

Благодаря тому, что он стал профессиональным фотографом, он находился в самых хороших отношениях с массой Полотняно-Заводских и Троицко-Кондровских рабочих и, конечно, очень деятельно вел среди них пропаганду. Было только досадно на то, что этот кипучий человек не мог дисциплинировать своих взлядов настолько, что бы сделатся определенно партийным работником. Выходило у него как то так, что ему очень претила „эс-дековская" односторонность, и он был склонен больше к широте „эс-эровской" программы. Позже и эта широкая, „как море", программа, оказывалась потом тоже недостаточно отвечающей его взглядам и он уже увлекался анархическими партиями и раз как-то сказал мне:

—Нет, Димитрий, скажу откровенно: анархо—коммунизм вот это вещ...Остальное скучно как-то...

Наши беседы всегда происходили в присутствии того или иного количества рабочих и я был очень удовлетворен тогда, когда наблюдая, что взгляды моего друга не находили особенного сочувствия среди них.

XII.

К осени 1904 г., когда на юг стали лететь журавли мне сделалось очень скучно в Полотняном Заводе, и я отправил слезное прошение в Жандармское Управление о разрешении переезда в Киев. В ответ я получил предложение приехать в Калугу, где после продолжительной беседы и всяческих предостережений со стороны Нач. Управления, мне было дано это желанное разрешение. За эти дни пребывания в Калуге я видел много своих бывших товарищей, и с радостью мог убедиться, как глубоко, широко и прочно пустила теперь корни с.-д. мысль. Вокруг Е. А. Колесникова, с которым я тогда познакомился,—роился новый, очень многочисленный улей с.-д. молодежи, из которых позже вышли довольно постоянный кадр энергичных работников.

По приезде в Киев, я при помощи А. В. Луначарского устроился хронекером в газете „Киевские отклики“, где и проработал до окончания Калужского „дела“. За то время меня раза два таскал в Охранку знаменитый А. И. Спиридович, бывший в ней начальником.

Он не мог спать спокойно, зная, что я жил в доме матери Луначарского и должен был знать, по его мнению, что делает и затевает А. В., несмотря на то, что тот в это время уехал заграницу. Это в очень сильной степени отравляло мое существование. Я уже собирался куда нибудь уехать из Киева, как вдруг в одну темную ночь, недалеко от охранки, Спиридович был прострелен насквозь одним из киевских рабочих.

Безпокойства мои прекратились. Кстати пришло извещение из Калуги, что наше дело прекращено и мы свободны. Мне даже снова разрешили поступить на Киево-Полтавскую ж. д., куда я ушел, не удовлетворившись газетной работой, и очень шумной, но безтолковой жизнью, которую вели, в большинстве сотрудники газет в Киеве. Мне очень захотелось уйти и зарыться в книги, а это мне могла дать привычная работа на ж. д., вносившая большую определенность и независимость в жизнь.

В заключение необходимо сказать еще несколько слов о том значении и о том влиянии, какое наш кружок имел на развитие последующих организаций в Калуге.

Несмотря на то, что он был в сущности „детской“ организацией, так как состоял в большинстве из очень молодых людей, с далеко еще неоформившимися и неопределившимися взлядами на всю сложность и глубину социальных промблем и не имевшими достаточного и житейского опыта, что бы стать твердо на избранном пути и неуклонно итти к намеченным целям—он все же оказал определенное влияние на то, что последующими организациями среди рабочих и учащихся были прочно усвоены с. д. идеи, тогда как незадолго до „ликвидации“ нашего дела в 1903 г. в Калуге были очень благоприятные условия для распространения программы С. Р.

Я помню, с каким восторгом разсказывал мне П. Н. Баташев о том, как он однажды вел пропаганду среди крестьян.

„Выступал я на днях, в деревне. О чем им говорить? Дай, думаю, о земле да об обидах чиновников им разскажу... Очень внимательно слушали... Даже прослезились некоторые... А пожилых было больше, чем молодых... Необходимо в деревни навертываться“.

А между тем, П. Н. один из самых старых членов С.-Д. организации. Но, уже революция 1905 года лишний раз подтвердила старую истину о том, в чьих руках находится дело революции...

И вот, я думаю, что большая заслуга первого с.-д. кружка заключается в том, что он сохранил эту истину от зари рабочаго движения в Калуге, до светлого дня побед и достижений, которыми так богата история русской революции 1905, 1917 годов...

VIII.

Когда я заканчивал свои воспоминания, мне попала в руки весьма интересная книга А. В. Луначарского „Великий переворот“, в которой несколько страниц посвящено описанию его жизни в Калуге и в Полотняном Заводе.

На этих, между прочим, страницах разсыпано столько неточностей, что я считаю необходимым сказать о них здесь несколько слов.

В своей книге А. В. говорит, что Д. Д. Гончаров был социал-демократом и уездным предводителем дворянства.

В качестве человека, достаточно хорошо знавшего Д. Д. позволю себе утверждать, что последний ни тем, ни другим не был. Он очень сочувствовал освободительному движению, был в очень хороших отношениях со многими социал-демократами, но как только образовалась партия „Народной Свободы“ сделался ея ревностным и деятельным членом. Предводителем же дворянства (Малоярославецким) был брат Д. Д.— Борис Дмитриевич Гончаров.

Точно также позволительно указать здесь, что А. П. Барт никогда не был чиновником особых поручений при

губернаторе, а А. А. Племянников—управляющим казенной палатою. Оба они были начальниками отделений казенной палаты.

Помнится мне, что статья А. В., напечатанная в „Образовании“ называлась—„Трагизм жизни и белая магия“, а не „Белые маги“, как это напечатано на стр. 26 книги.

Наконец, последнее. Касаясь организации Каприйской партийной школы, А. В. говорить, что эта школа...— „вдвойне обязана замечательному человеку—М. Вилонову.... Тов. Вилонов, **уральский** рабочий, приехал на Капри по настоянию и на средства организации, к которой принадлежал, что бы спастись от грызшей его чахотки. Натура необыкновенно могучая и психически, и физически—тов. Вилонов нажил чахотку в результате жистокого избиения, которому был подвергнут после побега из Уфимской тюрьмы“...

Здесь, кажется, все верно, за исключением для нас калужан очень важного обстоятельства—тов. Вилонов был калужским техником. Никифором (а не Михаилом) Вилоновым, об от‘езде которого в Киев вместе с Рерих и Никитиным я расказывал в своих воспоминаниях. „Михаил“ была его партийная кличка. Так звали его в организации.

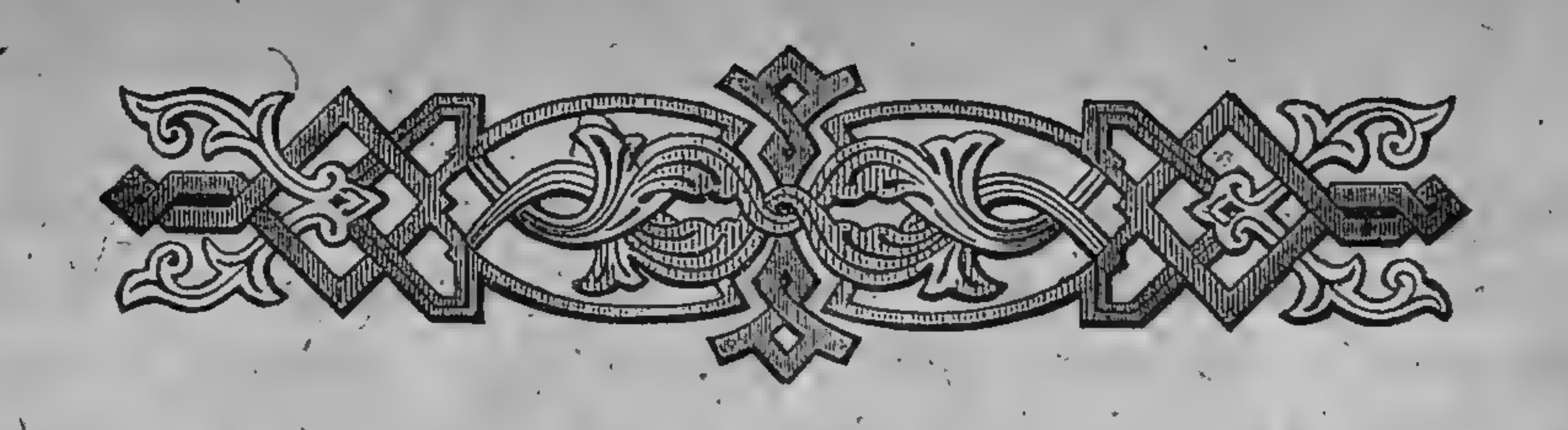
Д. Разломалин

Авг. 21 г.

Коррпдор в старом корпусе в Калужской Губернской Тюрьмы.

Странички из прошлого.

В начале декабря 1903 года, когда я в Калужской Контрольной Палате писал доклад по поверке годового отчета казенного винного склада, к моему столу подошел сторож и сообщил мне: „вас спрашивает пристав“.

Дело было совершенно ясно. С месяц тому назад в Калуге жандармы арестовали целый ряд лиц; у меня был произведен обыск, а вчера вызывали на допрос студента Татарова и А. М. Ларина (с.-д.), которые обещали мне после допроса зайти и рассказать, в чем дело, но так и не зашли.

Шепнув своему сослуживцу, которого я ежемесячно облагал данью за чтение „Искры“, чтобы он уничтожил запрятанную в столе шифрованную записку, если я не возвращусь, пошел в приемную, и здесь от ожидавшего меня пристава Протасова узнал, что в моей квартире идет вторичный обыск и что жандармский адъютант Гурьев и товарищ прокурора Викман требуют туда меня. Поехали. В доме все было, как и следовало ожидать, вверх дном. Искали переписку с знакомыми, которую Гурьев перечитывал во время первого обыска, но из которой взял

только несколько писем. Я сообщил ему, что это чтение доставило мне очень мало удовольствия, и поэтому все письма уже уничтожены. Тогда мне было об'явлено постановление о моем аресте и о препровождении меня в жиздринскую тюрьму, и я с тем же Протасовым отправился на его лошади на вокзал. Как сейчас помню, день был солнечный, слегка морозило. Настроение мое было отнюдь не удручающее (в течение этого месяца я свыкся с мыслью о неизбежности отсидки), и мы с приставом мирно беседовали о том, что „пора бы и снежку быть". Очень кстати узнал, что на вокзале будет допрос, и сейчас же решил, вопреки указаниям ходившей тогда брошуры „Как вести себя на допросах", придерживаться уже испробованной мною в Харькове в 1900 году и давшей тогда хорошие результаты тактики: от показаний не отказываться, быть „искренним", но от всего отпираться.

Предстоящий допрос меня сильно интересовал. Дело в том, что мы никак не могли узнать, какие обвинения пред'явлены арестованным товарищам. А арестованы месяц тому назад были не только социал-демократы, но и социалисты-революционеры и целый ряд других лиц, не принадлежавших, как я знал, ни к тем, ни к другим. Был арестован семинарист Соколов, который только мог знать кое-что о семинарской организации, к которой я был близок; был арестован В. В. Дурасов, хороший малый, но совершенно не революционер, человек, увлекавшийся „Освобождением" П. Струве; был арестован рабочий П. Н. Баташов, чрез которого одно время шла от нас литература; был арестован и заведомый прохвост Песоченский (служивший в Управлении Сызр.-Вяз. жел. дор.), которому мы совершенно не доверяли,

но который, не по нашей вине, знал кое-что про многих.

И так, я многого ожидал от допроса. Но то, что мне было пред'явлено на этом допросе, превзошло все мои ожидания: после вступительной речи Гурьева о том, что „пытки теперь отменены“, и я могу не сознаваться в таких вещах, за которые могут „снять голову“, во всем же остальном самое лучшее сознаться,—мне пред'явлено было обвинение в принадлежности к „партии социал-демократов и социалистов-революционеров“! Так по крайней мере, формулировал обвинение жандармский ротмистр Гурьев в присутствии товарища прокурора Викман.

Из этого допроса я заключил, что никаких серьезных улик против меня не имелось: говорили о том, что я присутствовал на вечеринке у Колесникова, что не представляло никакого значения: там было очень много народа и большинство, пожалуй, из бывших на этой вечеринке и слушавших раферат А. В. Луначарского (что то вроде „о боге и сатане“), декламацию и пение—никакого отношения к политике не имело; говорили и о том, что я имел отношение к кружку семинаристов, но что это был за кружок—не выяснилось, не назывались также и фамилии входящих в этот кружок.

Спрашивали, не видал ли я в Калуге прокламаций и нелегальной литературы—и только. Не о моих связях с „чужестранцами“ (Перес, Луначарский, Авилов, Скворцов, Руднев), ни о поездках в Тулу и Москву, ни о майских прокламациях, ни о с.-д. кружке—ни полслова! Мой арест Гурьев об'яснял знакомствами: „водились с теми, которые арестованы за хорошие дела—вот и сами попались“.

Вообще этот допрос очень меня успокоил, и всю дорогу до Жиздры я спал великолепно, зная, что уж теперь то меня не арестуют! Конечно, сон мой был бы значительно хуже, еслибы я был опытнее по части первых допросов: я бы знал, что первый допрос— обыкновенно пустая формальность, которую надо произвести над арестованным в течение 24 часов со времени его ареста. Настоящее же обвинение пред'является потом, когда привлекающийся к дознанию успеет насидеться вдоволь.

В июле 1903 года, напр., когда я был арестован по делу издания „Калужского Рабочего", то на первом допросе жандармский ротмистр пожелал мне „скорого освобождения", и только через полтора месяца меня допросили „по настоящему".

В Жиздру приехали рано утром, и с вокзала я проследовал на извощике с моими двумя телохранителями прямо в тюрьму, где меня и сдали под роспиську, какому то полицейскому чиновнику, исправлявшему в то время должность начальника тюрьмы. Сам же начальник тюрьмы Лавров в то время болел свирепым запоем. В редкие минуты просветления он боялся ходить не только в тюрьму, но и мимо нея, шел сгибаясь под окнами, если было необходимо пройти мимо здания. Пьяный—наоборот—делался очень энергичным и смелым: ходил (правда, с ватагой надзирателей) по камерам и орал на уголовных самым отчаянным образом. С политическими был значительно тише.

Из последних в момент своего водворения в жиздринской тюрьме я застал, кроме людиновских рабочих (Табашников, Лазарев. Евтеев; фамилию четвертого не помню), также двух калужан—Дурасова

и Соколова, механически „пришитых“ к одному „делу“ со мной. Вскоре их освободили, и до прибытия в нашу тюрьму Баташова и Титова из калужской оставался здесь я один.

Камеры „политических“ в то время помещались в нижнем этаже, в особом корридоре, запиравшемся почти на целый день. „Свобода слова“ была полная

Хотя дежурные надзиратели время от времени и покрикивали „не разговаривать“ (а один из них Куренков, молодой малый, даже пытался окружить нас таинственностью Петропавловки, называя не по фамилиям, а по номерам камер), мы не только переговаривались между собой через „волчки“, но и с уголовными, сидевшими во втором этаже—через форточки.

Людиновцы же наиболее обжившийся в этой тюрьме народ ежедневно во все горло пели Марсельезу и Варшавянку. Так что знаменитой тюремной азбуке, изобретенной Бестужевым (декабристом), я выучился „по принципу“, а не в силу необходимости.

Сейчас же в день моего прибытия Соколов и Дурасов посвятили меня во все, что сами знали по нашему делу, но из разговора с ними я ровным счетом ничего себе не уяснил. Что именно про меня и про моих товарищей по нашему с.-д. кружку известно было жандармам для меня продолжало оставаться загадкой. Что Адамович, Радилова и Доброхотова сидят в калужской тюрьме, это я знал и раньше; слышал в последние дни, что в Киеве арестован Д. В. Разломалин и привезен в Калугу; предполагал, что арестован А. М. Ларин, раз он не повидался со мной после своего допроса; Н. Н. Попов

и М. И. Кнутов—мне было известно—оставались на свободе. Относительно семинаристов я тоже был спокоен. Приходилось предполагать, что жандармы знают далеко не все и не всех.

Зато с первого же дня для меня стала вполне ясна роль упомянутого выше В. В. Песоченского, этого первого по счету калужского провокатора. Им был состряпан, если можно так выражаться, „Калужский Комитет Российской Социал-Демакратической Рабочей Партии“, как гласила надпись на немедленно изготовленной комитетом печати. В „Комитет“ вошли кроме Песоченского два студента А. П. Страхов и А. П. Татаров—оба с.-р. и два в то время полусознательных рабочих: Титов и Баташов. Роль этого единственного в своем роде Комитета сводилась к тому, что члены его присваивали себе литературу и нашего кружка, и эсеровскую и накладовали на каждую брошуру, каждую прокламацию свой знаменитый штемпель.

Страхов и Татаров долго в разговорах со мной по этому поводу отрицали самое существование „Комитета“ и только тогда, когда я „пред‘явив“ им один из №№ „Искры“ с их печатью, припугнул их, что разоблачу их подвиги в этой самой „Искре“, если они не ликвидируют свой „Комитет“ и не перестанут заниматься стяжанием чужой литературы,—они сознались и дали обещание сделать и то, и другое. (Оба обещания, как оказалось, остались неисполнены).

Так вот глава этого „Комитета“ Песоченский сидел около трех недель в жиздринской тюрьме. Когда же его освободили, уголовные арестанты видели его гуляющим по городу с жиздринским жандармским

ротмистром. Проговорился о связях Песоченского с жандармами и пьяный начальник тюрьмы.

Понял я тогда и то, почему жандармы нахватали и свалили в одну кучу такую разнокалиберную публику: всех арестованных Песоченский знал, как „революционеров“, всех их имел возможность „наблюдать“ на вечеринке у Колесникова, куда он сумел затесаться весьма легко, кое-что о многих он мог слышать от Баташова. Но что знают жандармы помимо Песоченского,—повторяю, оставалось для меня пока загадкой.

Потянулись бесконечные однообразные дни, заполняемые чтением уголовных романов, доставляемых из библиотеки Полицейского Правления, перечитыванием надписей на стенах камеры, где, помимо списка арестованных „политических деятелей села Людинова“ (их было арестовано человек 12, но за исключением четырех остальные были скоро выпущены), я встретил знакомые фамилии сидевших в 1901 году студентов В. И. Соколова и А. А. Нахалова, и разговорами с политическими и уголовными. Людиновские рабочие сразу же показались мне более интересными собеседниками, чем сидевшие здесь калужане. Некоторые из людиновцев работали в Екатеринославе, двое были убежденными социал-демократами.

Из уголовных особенно интересен был Гриша Зверев, молодой малый лет двадцати, ограбивший какую то церковь. Он беспрепятственно разгуливал по всей тюрьме, останавливался перед волчками политических; его „марсальеза“ была слышна наверное и мирным жиздринским обывателям—до того громогласно было исполнение. Администрация тюрьмы

почему то боялась его. Надзиратели ежедневно упрашивали его по вечерам: „Гриша, иди в камору: сейчас поверка будет“. И только месяца через полтора по моем водворении в жиздринской тюрьме Гришу одолели: был вызван конвой человек в десять и при его помощи надзиратели сволокли Гришу на веревках вниз, где и заковали. Но и закованного по рукам и ногам и посаженного в одиночку Зверева все время караулил конвойный с винтовкой, пока опасного арестанта, неукоснительно ревевшего марсельезу, не перевели в другую тюрьму.

Отношение уголовных к „политикам“ было самое дружелюбное. Чрез форточки между верхом и низом ходила „почта“, передавался взаймы табак, спички. Иногда шел и „товарообмен“: если у политика были деньги, на выписанный чай можно было при посредстве бичевки получить сверху марку, конверт с бумагой, сотку водки, отправить письмо на волю.

Помню, однажды, когда у меня отчаянно болела голова, стоило только об этом сообщить кверху,— и моментально уголовные прекратили и пение, и пляску.—Пляску, от которой трещал потолок!

7-го января 1904 года, как раз в день своих именин, я подвергся второму допросу. Этот допрос уже велся по настоящему, с пред'явлением подробных обвинений. Допрашивали товарищ прокурора Бутеноп и ротмистр князь Туркестанов.

Первым делом они попытались меня ошеломить подробной историей появления в свет майской прокламации 1902 года: было указано, кем был составлен первоначально текст этой прокламации, как собрание с.-д. кружка не приняло этот текст и пору-

чило составить прокламацию мне, как в страстной четверг во время „стояния" я и Попов отпечатали на гектографе эту прокламацию в квартире Ларина. „В 1903 году", закончил Бутенон первую часть допроса, „опять была выпущена майская прокламация"

—„Что же, и эту прокламацию составлял и печатал я?"

—„И эту вы"...

Из того, что место и время печатания второй прокламации уже не было названо, я заключил, что тов. Кнутов, у которого мы с Поповым печатали прокламацию, по всей вероятности, к делу не привлечен. А подробная история первой „ямы" (как мы тогда называли прокламации) в связи с допросом Ларина, о котором я выше упоминал, наводила на мысль о том, что так или иначе, Ларина заставили показывать... Майской прокламацией дело не кончилось. Мне предъявили текст письма, привезенного мне от одного из товарищей, жившего в другом городе, Песоченским. Письмо это, начинающееся обращением „Дорогой Жан" и содержащее перечень литературы, пересылаемой вместе с письмом, было сейчас же по получению мною уничтожено. На мой вопрос, откуда они взяли письмо, раз у меня во время обыска такого письма не было отобрано, Туркестанов заявил, что текст письма им сообщил на допросе посылавший мне его товарищ!

—„Как же он спустя год мог восстановить точный текст письма?" спросил я, на что Туркестанов, не сморгнув глазом, выпалил:

—„Понадобилось—так и вспомнил!"...

Вести о Песоченском, как о провокаторе, таким образом, подтвердились еще раз: несомненно, им в

свое время с письма была снята копия и передана жандармам.

Затем, после ряда мелких вопросов второстепенного характера от кого было получено то или другое взятое у меня письмо и т. п. (между прочим, в Контрольной Палате, где также производился обыск, в моем столе было взято одно письмо, написанное мною, но не отправленное. Жандармы этого письма не поняли, благодаря чему уцелел один человек и один № „Зари"). мне сказали, что я знал о готовившемся покушении на министра внутренних дел Плеве, „если бы он приехал в Калугу на освящение Николаевской гимназии"...

На все эти обвинения я старался дать „исчерпывающий ответ": говорил, что все, взводимое на меня выдумка. Прокламации, по всей вероятности, печатал и составлял тот, кто меня оговаривает в этом; письмо и литературу быть может мне и посылали, но я ни того, ни другого не получал, относительно предполагавшегося приезда Плеве в Калугу—первый раз слышу. В конце концов я разоткровенничался до того, что высказал соображение, что не является ли донос на меня делом какого-нибудь из моих сослуживцев, желающего занять мое место в Контрольной Палате?..

Когда же Бутеноп пытался привлечь меня на путь раскаяния сообщением о деле Екатеринославской с.-д. организации, где сознавшиеся и оговорившие других были выпущены и, таким образом, отделались несколькими месяцами предварительного заключения, просто сознавшиеся были высланы в другие губернии, а самые упорные-согласны в Восточную Сибирь,—я предложил ему два вопроса: 1)

поможет ли мне, если я на себя и на других наговорю то, чего не было и 2) хочет ли Бутенон сказать, что и меня, если я не буду подтверждать их обвинений, ожидает Восточная Сибирь?

На оба вопроса ответ был отрицательный, а когда я спросил, как же мне быть: врать на себя—нельзя, а показаниям моим они не верят,—Бутенон, разозленный до крайности, приказал жандармам отвести меня в камеру. (Между прочим, во время этого допроса выяснилось, что Н. И. Попов арестован.)

Только оставшись один, я почувствовал, что хладнокровие с меня слетело в один миг. Мысли путались в голове, кипела злоба на тех, кто так позорно и трусливо выдавал. Кто это был, я не мог все еще понять; ясно было только, что не один Ларин.

Несколько часов под ряд я мерял шагами свою камеру, и выкуренных мною папирос за это время хватило бы дня на три...

Соколков и Дурасов еще до моего допроса выбыли из нашей тюрьмы и, можно было предполагать, были уже на свободе. По крайней мере, относительно Соколкова я знал это наверное: вскоре после его ухода я получил из дома коробку копчушек с двугривенными в желудках. А как раз мы с Соколковым обсуждали возможность такого способа доставления денег в тюрьму на руки.

В то время передача и пересылка продуктов с воли в тюрьму происходила беспрепятственно. Получал я и книги, предварительно, конечно, просмотренные жандармами. Но, пока был начальником тюрьмы Лавров, шла почти исключительно беллетристика—на русском и французском языках.

Значительно к лучшему изменилось положение дел во всех отношениях, когда начальником жиздринской тюрьмы был назначен А. Н. Ипатов, которого я знал, когда он еще был вольноопределяющимся. Выгнаный за что то из полка он пошел по тюремной части: сначала отбыл „стаж“ помощником в калужской тюрьме, а затем явился и к нам уже в качестве „царя и бога“. Человек очень недалекий и немалый самодур, к политическим он относился довольно хорошо. За все свое время я помню только один конфликт, происшедший с Табашниковым, но и этот конфликт окончился всего на всего отсидкой Табашникова, в „одиночной“ камере на верху (фактически Табашников все время проводил среди уголовных), так как карцер, по об'яснению Ипатова, был занят: там Ипатов, страстный фотограф, проявлял свои негативы...

Сразу, на первом же обходе тюрьмы, новый начальник, зайдя в мою камеру и выслав надзирателей в корридор, сообщил мне об освобождении из Калужской тюрьмы целого ряда лиц, арестованных по „делу 24-х“, подтвердил еще раз наши предположения о провокаторстве Песоченского и выразил надежду, что мы с ним будем в хороших отношениях. Через некоторое время, узнав как то, что я пишу стихи (многие ли интеллигенты не грешили этим в тюрьме?) он попросил меня написать акростих на одно женское имя, под которым, конечно, поставил свою подпись. С этих пор он сделался постоянным об'ектом моей „эксплуатации“. Книги из дома стали приходить уже помимо жандармов, письма—также. Чрез жандармов шли только увещательные письма от отца с предложением чистосердечно сознаться, а потом, когда началась японская война,—подать про-

шение на высочайшее имя о разрешении итти в добровольцы.

На первое предложение я писал обыкновенно, что сказал все, что знаю, но—увы!—мне не верят, и я не знаю, как мне быть. На второе—мной, чрез жандармов же, был дан ему решительный ответ: пусть идет тот, кому плохо живется, а я здесь чувствую себя очень недурно. И я почти не преувеличивал относительно своего самочувствия, когда писал так. Действительно, мне не хватало только свободы передвижения. Газеты я читал в день их получения в Жиздре, переписывался свободно с кем хотел (все письма, где слово „Ипатову" на конверте было подчеркнуто волнистой чертой доставлялись мне в целости и сохранности), выписывал книги прямо из Москвы (напр. „Очерки реалистического мировоззрения" были выписаны тут же, как только я прочитал об'явление о выходе в свет этой книги), пользовался последними №№ „Образования" и „Современного Мира". На прогулку я шел, когда мне было угодно—до поверки—и гулял сколько угодно. В отношении питания и раньше дело обстояло недурно, так как я все время своего заключения состоял на государственной службе и получал жалованье, а с приездом Ипатова был откомандирован в мое распоряжение уголовный, раньше бывший поваром.

После Пасхи, которую мы провели в общей камере у людиновцев—нас запирали в наши одиночки только на ночь,—наши камеры были почти все время отперты.

Приезжавшие ко мне посетители, начиная с отца и кончая „двоюродной сестрой", проводили со мной целые дни в квартире начальника тюрьмы, конечно,

без всякого постороннего уха и глаза. Когда ко мне впервые приехал отец, он ожидал, наверно, встретить несчастного сынка в мрачном подвале, но встреча произошла менее драматически: его сын сидел в общей камере среди людиновцев и калужан за товарищеским чаем... — „Вот видишь, как мы здесь страдаем“, сказал я ему весело после обычного христосования. Отец только покрутил головой...

Так подробно я останавливаюсь на описании прелестей жиздринской тюрьмы только потому, что эта тюрьма не являлась тогда, да пожалуй и позже, таким уж исключением: в уездных тюрьмах того времени к „политикам“ начальство относилось почти везде хорошо, особенно к интеллигентам. В медынской, напр., тюрьме в 1901 году студент Лукомский был отпускаем начальником тюрьмы по вечерам в гости и в городской сад. В 1908 году в Боровской тюрьме К. Д. Введенский пользовался всеми теми благами, которыми я пользовался в 1904 г. в Жиздринской. По крайней мере, лично я, бывший тогда на свободе, получал от него также письма (конечно, не через жандармов и прокурора), которые мне живо напоминали мое жиздринское сидение.

Время шло необычайно быстро. Помимо оживленных разговоров с Батащевым и Титовым (Людиновцы весной были выпущены) и занятий „охотой“— ловля голубей—я очень усердно занимался повторением „Капитала“, изучением исторического материализма, а также—французским языком.

Раз в неделю выходил у нас и журнал „Тюремные Щи“. Читали этот журнал исключительно сотрудники...

Плохо было одно: очень малая осведомленность о том, что происходит в общественной жизни. Питались мы в этом отношении почти исключительно „Русским Словом“, редко „Русскими Ведомостями“. Переписываться с Калужскими товарищами, бывшими на свободе, я все таки не рисковал.

Лучше стало с половины июля, после убийства Плеве (накликали—таки жандармы!): как известно, вскоре „повеяло весной“, наступила „Эпоха доверия“, и газеты несколько „распоясались“. Насколько мало были мы в „курсе дела“, может показать наш спор с Дурасовым, когда он еще сидел рядом со мной. Он говорил, что до революции в России еще пройдут десятки лет. Я, на основании прежних своих наблюдений над жизнью в центрах (Харьков, Москва, Киев, Одесса), ручался за десять лет. И первые раскаты грома загремели немного более, чем через год.

О начавшейся русско-японской войне мы узнали, конечно, немедленно. Вначале сведения были очень скудны: попадали совершенно случайно бюллетени, сообщали кое-что надзиратели, а также уголовные с верхнего этажа, ходившие на работы в город и имевшие возможность кое-что слышать, а то и по просту стащить где нибудь газету.

Между прочим, доставлением мне бюллетеней решил воспользоваться для своей „карьеры“ надзиратель Суворов, что то уж очень охотно начавший пускаться в разговоры по „внутренним делам“ и, наконец, предложивший мне передать через него записку на волю. Пронырливый и слишком угодливый надзиратель всем нам внушал подозрение, и я составил записку „для воли“ по французски. В за-

записке рекомендовалось тем, кто желает пользоваться шпионами, выбирать людей поумнее. После этого наша дружба окончилась.

С приездом Ипатова газеты пошли регулярно, и о войне мы знали все, что появлялось на столбцах „Русского Слова“.

Отношение наше к войне было определенное: с самого начала все мы были „пораженцами“, все определенно мечтали, как нас разобьют „вдрызг“.

Не имея понятия о том, какую военную силу представляла из себя в то время Япония, мы узнали, что раз такое маленькое государство рискнуло на войну с Россией,—за ее спиной стоит какая-нибудь из европейских держав, которая рано или поздно выступит активно. В беседах с товарищами по этому поводу я неоднократно приводил им слова Энгельса о том, что внешняя война могла бы значительно ускорить падение самодержавия, при чем под внешней войной мы понимали исключительно войну неудачную.

Кличку „пораженцев“ можно было, с некоторыми оговорками, применить и к уголовным. Вот характерный случай, показывающий „патриотизм“ последних. Один из них, бывший урядник, осужденный за преступление по должности и отсиживавший последние дни, показал мне написанное им прошение на имя вдовствующей царицы о восстановлении его в правах. Прошение было очень жалостное: матушка—царица приглашалась, во имя семьи несчастного урядника, служившего ей и ее мужу, воздействовать на своего сынка.

Заканчивалась слезница уверением, что бывший урядник с удовольствием бы сложил свою голову в

бою с коварным японцем. Когда я спросал автора, неужели он пошел бы на войну, последний сказал: „да ведь это я так написал, к примеру: а если вы думаете, что еще и на войну могут взять—ну их всех к чертовой матери и с их помилованием".

Такие же „патриотические" чувства обнаруживали уголовные и после 30 июля. В тот день, когда стало известно—прочитали в церкви—о рождении наследника, я на прогулке слышал, как один уголовный сообщал чрез открытое окно—чуть ли не на другой конец тюрьмы—другому, умиленным голосом, что он „плакал от радости... на душе легче стало"... а когда вышедший „манифест" обманул его ожидания, та же чувствительная душа несколько дней подряд изощрялась, к великому удовольствию всего тюремного населения, в изобретения многоэтажных „приветствий" по адресу и августейшего родителя, и царицы—матушки, и любезного наследника ....

Зато неподдельной радостью встретила вся тюрьма, от „шпаны" до „порядочных арестантов" известие об убийстве Плеве 15 июля, сообщенное мною наверх сейчас же после прочтения на прогулке „Русского Слова"

Помню и наше ликование в этот день, и то, как „Титыч" попытался уличить меня в непоследовательности: „если вы против террора, почему же вы довольны, когда покушение прошло удачно"? На это я ему ответил, что еще в 1902 году на квартире Кнутова нам с Поповым точно такой же вопрос только по поводу убийства Сипягина был предложен с.-р. А. Д. Высоцким (сын чайного фабриканта, отбывал в Калуге воинскую повинность вольноопределяющимся), и мы ему сказали, что довольны были

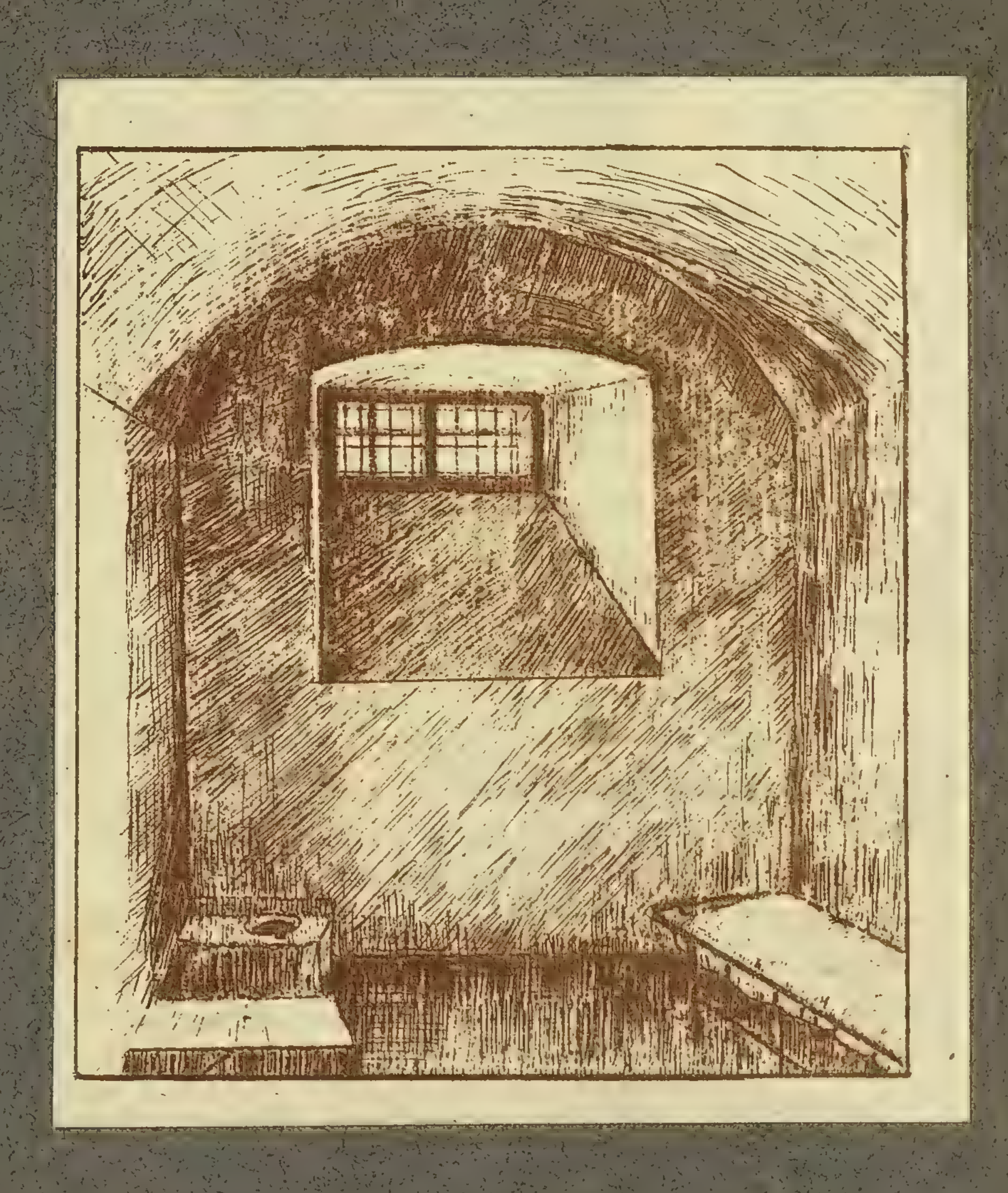
бы не меньше, если бы Сипягину проломил голову упавший с постройки кирпич ...

А дни все шли и шли. С весны я переселился в освободившуюся камеру людиновцев—два окна на солнечную сторону, масса воздуха. Занятия гимнастикой и продолжительные прогулки—все это очень благотворно отражалось и на здоровьи, и на самочувствии. Решив, что по окончании отсидки мне служить уж не придется, строил планы с Баташевым о „бродячей жизни“.

По вечерам развлекались граммофоном начальника, квартира которого была очень близко от наших окон. Звуки граммофона, правда, одно время чередовались с воплями сумасшедшего, раздававшимися сверху: „Пить хочу! Воды хочу! Надзиратель, дай воды!“. . .

Баташов и Титов заходили ко мне „в гости“. Однажды Титов сидел у меня, когда начальнику зачем то понадобилось пойти в его камеру. Камера была пуста! Началась беготня, поиски. Наконец, я позвал начальника к себе, и из за печки вылез сконфуженный „Титыч“... Этот случай, конечно, наших взаимных визитов не прекратил. Для визитов и разговоров у нас были установлены определенные часы—остальное время посвещалось чтению.

В конце лета я получил чрез начальника письмо от отца, в котором говорилось, что он хлопочет о взятии меня на поруки, а приблизительно в половине сентября к нам в тюрьму явился новый ротмистр—третий по счету—только что переведенный откуда то из Западного края Колоколов. Этот был совсем в другом роде, чем Гурьев или Туркестанов. Те обнаруживали слишком малое знакомство с на-

Подцерковная одиночка Калужской Губернской Тюрьмы.

щими политическими партиями, и, если большинство наших Российских синих мундиров походили на одного из этих двух, книга подполковника Рожанова „Записки по истории революционного движения в России“, выпущенная Департаментом полиции в 1913 году, являлась крайне необходимой для наших политических Шерлоков Хольмсов, ротмистр Колоколов, наоборот, был совершенно „в курсе дела“ (Мое первое впечатление подтвердилось, когда я, уже будучи на свободе, был им вызван в качестве свидетеля по делу Б. Авилова.)

Колоколов приехал в Жиздру заканчивать наше дело.—„Ваше дело меня совершенно не интересует“, заявил он: „не я его вел. Хотите—прибавляйте что нибудь к своим показаниям, хотите—нет. Мне совершенно безразлично.“

От него мы узнали, что теперь политические дела уже не решаются административным порядком, как до этого времени, а передаются для разбирательства в Судебную Палату. Очевидно, „Эпоха доверия“, начавшаяся после убийства Плеве, сказывалась и здесь: правительство старалось придать своей борьбе с революционерами тень законности и стало расправляться с ними на европейский манер...

Этот третий „допрос“ был очень короток и ничего нового ни жандармам, ни мне не дал. Лишь в конце допроса Колоколов решил поиграть со мной как кошка с мышью и, „внезапно“ сообщив мне, что скоро я буду освобожден под залог—„дело за формальностями“,—уставился на меня во все глаза. Но...Эффекта не получилось: я был приготовлен к этой радостной вести и ни волнения, ни восторга не обнаружил.

„Формальности“ тянулись недели две, и явился опять Колоколов. На этот раз уже не он посетил меня, а я его, сделав в сопровождении жандармов прогулку по всей Жиздре. Колоколов об‘явил мне, что дело закончено, и я имею право просмотреть в этом деле все, что меня касается. Понятное дело я воспользовался этим новым правом и с жадностью набросился на показания товарищей по процессу.

Предо мной понемногу вырисовывалась грандиозная картина человеческой трусости, картина, которую я теперь назвал бы ходячим словцом „шкурничество“.

Громадное большинство привлекавшихся выдавало во всю. Находились и такие, которые показывали не только то, что им было известно, но услужливо предлагали свои соображения. Напр., Канинг, указывая, что у Доброхотовых он видел нелегальную литературу, спешит добавить: „думаю, что ее привозил М. Н. Доброхотов, так как после его приезда (из Харькова) она всюду лежала“.

Запуганные синими мундирами „деятели“ сообщали о разговорах, которые велись с глазу на глаз и которых никто не мог подслушать; сообщали о своих чувствах к тому или иному „предмету“; старались уяснить, почему они вступили на революционный путь и т. д. и т. д. Выдавали не только новички в революционной работе, но и люди, видавшие и тюрьму и административную ссылку! И самое обидное и досадное чувство я испытал, читая широко-вещательные показания одного из товарищей, которому я верил больше, чем себе самому, который был старше меня по работе и опыту и который... топил не только нас, но и людей, уже выехавших

из Калуги и никакого прямого отношения к нашему делу не имевших. „Дело о Б. В. Авилове“, по которому я впоследствии вызывался свидетелем, возникло благодаря неуместной откровенности, выражаясь мягко, этого товарища.

Было и жутко, и противно. Люди, что называется, распоясались, будучи уверены, что их показаний никто кроме жандармов не прочтет. Ведь, не наступи „весна“ после Плеве, нам не дали бы и понюхать „дела“, а разослали бы административно по разным губерниям Европейской и Азиатской России, и все было бы шито-крыто. По крайней мере до тех пор, пока Революция не передала жандармских архивов в руки бывших государственных преступников.

Одно радовало: рабочие за себя постояли! Никого не выдал ни Титов, ни Баташов. Последний, правда, исписал что то около шести листов кругом, но все это была „философия“, по выражению Колоколова, предупредительно советовавшего мне пожалеть время и не читать показаний Баташева. Но я читал ее, эту „философию“, с особенным удовольствием, мысленно видя взбешенные лица сыщиков в жандармской и судейской форме, не имеющих возможности из этой „философии“ выудить ровным счетом ничего.

Конечно, не выдал никого и Н. И. Попов, выдающийся теоретик марксист и хороший практический работник, к глубокому моему горю так скоро вырванный из рядов партии неизлечимой душевной болезнью.

Очень стойким оказался также рано покончивший счеты с жизнью с-р. А. И. Шалаев. Он не ри-

совал в своих показаниях, подобно некоторым из своих товарищей по партии, штемпелей...

Показаний „привлекавшегося“ первоначально Песоченского в деле не было. Копии записки, которая была пред‘явлена мне („Дорогой Жан“)—также: дело было очищено от агентурных показаний, так как оно направлялось в Судебную Палату.

После чтения этих признаний я понял, почему так свирепо смотрели на меня Буденоп с Туркестановым: я явно смеялся над ними, державшими в руках все нити дела, когда с невинным лицом младенца терялся в предположениях, кто и по чему мог на меня налгать и спрашивал у них совета, что мне делать!

Этого чтения показаний товарищей по делу я до сих пор не забыл и, конечно, не забуду никогда. Впечатление было так сильно, что я в своем добавлении к прежним показаниям признал за собой вину —чтение некоторых нелегальных брошур и посещение собраний, происходивших в бесплатной Гончаровской читальне. Каюсь, это была слабость, но она была первою и последнею: в последующих двух процессах я совершенно ни в чем не оказывался, по моим словам, виновным. Но и здесь я выдавал только себя, не запутывая других...

Опят—беготня по камере и бесконечный ряд папирос... Даже заря близкой свободы как то потускнела, отошла в даль! А свободу возвестил под росписку через несколько дней все тот же начальник Ипатов, добавив: „за мной ваши кормовые деньги, рублей семь не то восемь—вечером отдам.“

Книги и вещи уже были уложены. Сказав „до свиданья“ Баташову, и Титову, которых тоже

обещали выпустить под залог (они и были выпущены, с небольшим опозданием), распрощавшись с надзирателями и уголовными, я оставил—теперь думаю, что навсегда—жиздринскую тюрьму.

И вот я еду назад в Калугу, один, без жандармов! Должно—быть вследствие этого я не мог всю ночь заснуть... И всю дорогу, под стук колес, я не мог отвязаться от заключительных строчек написанного мной в тюрьме стихотворения.

„Дело рук людских решетка и стена,
Так разрушить их рука людей сильна.

Хочешь счастья—пред несчастьем не робей,
На дороге станет что—в куски разбей!“...

На следующий же день я пошел на службу, в Контрольную Палату Оказалось, что я все время, сидя в тюрьме, „служил“ благодоря своеобразной тактике жандармского полковника Шлейфера, справедливо полагавшего, что „человек без места скорее сделается революционером“—так, по крайней мере об'яснял он хлопотавшему за меня Управляющему свое согласие на оставление меня на службе. Записку, которую я просил уничтожить, уничтожил сам: ни товарищ, ни жандармы не могли отыскать ее в столе.

За десять с лишним месяцев моего отсутствия Калуга сильно „полевела“: полевели не только мои сослуживцы, в большинстве люди двадцатого числа, жившие будничными интересами,—полевели и мои родные, до тех пор крайние монархисты. Моя мать, которая прежде в разговоре иначе не отзывалась о В. И. Засуличь, как „Верка Засулич“, теперь стала много „левее кадетов“! Да и вообще Калужский обыватель, тот самый обыватель, который, помню, года

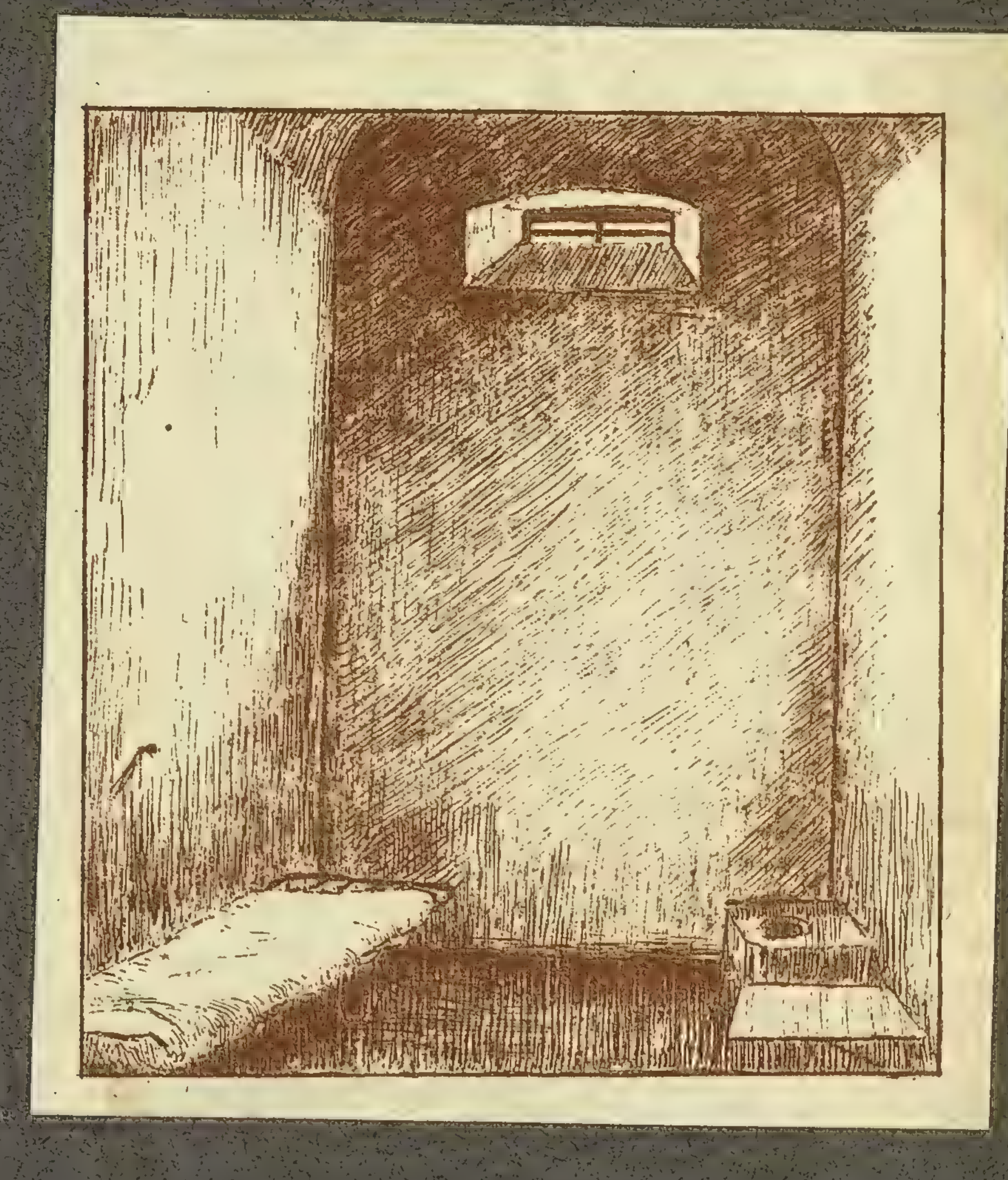
два тому назад со страхом и оглядкой шептал об аресте М. С. Перес, моего учителя по марксизму,— теперь посмелел и хотя немного начал походить на живого человека.

„Все течет, все изменяется!"

И. Голубев.

Август 1921 г.

Секретная одиночка срочного корпуса Бутырской
Губернской Тюрьмы.

Из воспоминаний о кружке семинаристов-марксистов.

Когда стихийно нарастает свежая и бодрая волна общественного под'ема, она легко и быстро захлестывает в свои неотразимые об'ятия чуткую и отзывчивую молодежь. Что то неизбежное и роковое таится в этом тесном союзе передовых идейно-общественых движений и молодых, идущих друг другу на смену, поколений.

Попал и был втиснут в такую волну в конце 90-х г.г. и я, когда наша общественная жизнь пробудилась от ледяного холода и покрылась бодрыми весенними ручейками оживления, предвещавшими скорый конец зиме. Ужасный голод 1891-1892 г.г. и вскоре последовавшая за ним кончина Александра III, (1894), олицетворявшего в своей тяжелой руке гнетущую реакцию, разбудили томительную спячку русской интеллигенции, охваченной после неудач в политической борьбе с правительством мрачным разочарованием, тоскливым унынием и болезненным равнодушием, уклонявшейся от широких задач и зарывшейся в маленькие дела культурного строительства. Тягостное удушье 80-х годов сразу кончилось, и растаяло оцепенение, крепко сковавшее живую мысль и леденивщее горячие порывы к делу. Новому поколению интеллигенции были чужды прежние настроения уныния, оно было полно надежд и сил и принесло с собою новые песни.

Сомнения и разочарования в успехе борьбы, родившиеся после поражения народовольцев, повели к исканию новых путей, которые были уже найдены „Группой Освобождения Труда“, усвоившей марксизм и положившей в основу всех своих чаяний и действий рабочий класс. Марксизм, опираясь на политический пример европейского пролетариата, аргументируя историей всех классов, делавших политическую борьбу орудием для достижения своих социально-экономических целей, как и в соответствии с общими положениями доктрины научного социализма, начал с утверждения тезиса, гласящего, что политическая борьба есть необходимое средство социального переустройства и что эта борьба есть политическая борьба пролетариата, слагающегося в самостоятельную рабочую социалистическую партию.

Марксизм-то и явился источником бодрости и деятельного оптимизма, боевым кличем молодой России, как бы общественным ее бродилом. Он усвоил и настойчиво пропагандировал определенный, освещенный вековым опытом запада практический способ действий а вместе с тем он оживил угасшую было в русском обществе веру в близость возрождения России, указывая в экономической европейзации ее верный путь к этому возрождению. Русский марксизм был совершенно чужд каких-либо слащавых иллюзий, напротив, со всей энергией он выставил принцип социально-политического реализма, трезвого и научного понимания русской действительности. Им нанесен был смертельный и окончательный удар экономическому славянофильству русского народничества.

Марксистское течение нашей общественности сразу заговорило так явственно и энергично, что даже до появления в свет легальных произведений марксизма—В. В. (Воронцев), Н. К Михайловский, Н. И. Кареев и др. народники-суб'ективисты открыли уже оживленную полемику в печати, главным образом в Русском Богатстве“, с этим направлением нашей интеллигентской мысли и таким образом сразу помогли пробудить к нему любопытство и привлечь общее внимание. Так Михайловский уже в 1892 г. начинает метать свои первые стрелы против незримых еще на поверхности литературы русских учеников Маркса и их мнимого стрем-

ления к обезземелению крестьянства. В. Воронцов в следующем году регистрирует оживление буржуазной тенденции среди русской интеллигенции, а Н.—он заканчивает свои „Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства“ выпадом по адресу немецких статей г. П. Фон-Струве.

Но если придерживаться строго хронологических рамок, то первое выступление легального марксизма принадлежит П. Струве, выпустившему в 1894 году „Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России“. Только Н. Тулин (Ленин) отметил в своей, не увидевшей тогда света, статье ревизионистские и вовсе не марксистские ноты, заметные в этом произведении. В свое время эта книга имела большой успех и сразу была расхватана читателем, особенно в связи с полемикой вокруг нея, ведшейся Н. К. Михайловским. Настоящим же манифестом марксизма была книга Н.-Бельтова-Плеханова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ г. г. Михайловскому, Карееву и К°,“ которая вышла годом позже труда Струве. Блещущее искрами остроумия, сверкающее тонкой диалектикой и захватывающее недюжинным литературным талантом произведение Плеханова произвело решительную бурю в народнических кругах и сделалось настоящим евангелием молодого поколения.

Эти книги пробили каменную стену безмолвия, которая была создана цензурой для представителей нового течения и положили начало длинной серии работ марксизма, появлявшихся одна за другой в печати. В 1896 году Плеханов под псевдонимом Волгина выпустил новую книгу „Обоснование народничества в трудах г. В. В.“, С. Н. Булгаков „О рынках при капиталистическом производстве“, И. Гурвич „Экономическое положение русской деревни“ Статьи М. И. Туган-Барановского в „Мире Божьем“ об экономической факторе и идеях довершали легальную пропаганду нового учения.

Тогда же начала появляться и переводная марксистская литература. Вышла книжка Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, „Очерки и этюды“, К. Каутского, в издании Львовича, в 1896 г. В. Д. Бонч-Бруевич издал „Критику некоторых положений политической

экономии“, Маркса, вышедшую вслед затем вторым изданием; в том же году появился III-й том „Капитала“ — Маркса, а в 1898 году Николай — он выпустил 2-е издание I-го тома „Капитала“ (1-е издание вышло еще в 1872 г.).

Везде и всюду марксисты задорно смеялись над народниками-суб'ективистами, думающими, что настроение личности может вести к изменению существующего строя. Они не боялись пренебрежительно отказываться от наследства „шестидесятых годов“, как понимали его народники, трунили над идеалистами-народниками, отдающими себя на служение деревне. Народничество оказывалось в смешном виде и теряло одну позицию за другой, а горячие волны нового учения бурно лились рокочущим потоком по провинции, всюду увлекая в свои струи ряды последователей из молодежи. Особенно успешно потекла пропаганда марксистских идей с того времени, когда в руки марксистов перешел, бывший народнический журнал „Новое Слово“ (Март-Ноябрь 1897 г.). Всюду в больших, а часто и малых городах начали появляться одиночки, а потом и кружки марксистов.

И у нас в Калуге зарождение марксизма, первые шаги его истории связаны с такими же одиночками и кружками. Это были кружки школьников-гимназистов и семинаристов: кружки зеленой, юной и незрелой молодежи, в которых было много туманного, расплывчатого и неясного, но общее устремление их, общий абрис, уклон их мышления был определенно марксистский, тем более, что наша с.-д. группа и Комитет вели свое начало по личным связям деятелей от таких именно кружков.

К одному из этих кружков (семинарскому), принадлежал и я.

I.

Это было в 1896 году. Я был во втором классе семинарии, когда от своего приятеля по классу я однажды по секрету узнал, что в семинарии водятся „атеисты“, которые не веруют в бога. Как это не покажется странным, но в недрах богословской школы, более всего толкующей и учащей о боге, появлялись наиболее прямые, резкие и беспощадные отрицатели его существования. Был ли тому причиной мертвый, бездушный формализм, с каким велось здесь

дело религиозного воспитания, или какие другие причины, судить об этом сейчас не буду, но только факт безспорный, что религиозное чувство у некоторых питомцев здесь выветривалось совершенно. Одним из таких „атеистов“ был и А. А. Дубов, с которым познакомился мой товарищ. Фамилия была мне знакома, потому что его отец, сельский учитель жил в нескольких верстах от моего села. Это был талантливый человек, с большими интересами к общественным и политическим вопросам, старавшийся и других направить на путь истинный. Поступивши потом в Казанский Университет, он и там принимал деятельное участие в организации общесеминарского союза в 1900—1902 г. Не знаю каких общественных воззрений держался Дубов, был ли он народником или марксистом. Скорее всего он стоял на стороне представителей „критически мыслящих личностей“, потому что у меня уцелел полученный от него указатель книг и статей, рекомендуемых для выработки миросозерцания, составленный в этом духе. Этот указатель натолкнул и меня составить потом свой литературно-критический указатель....

И нашу мысль будил Дубов, давая нам читать Писарева. Знаменитый критик пришелся нам по душе своим молодым задором, юношеской смелостью и бодростью мысли, прямолинейностью своих взглядов, остроумием, а также безпощадным сокрушением авторитетов.

В моей голове произошел целый переворот; пробудившаяся мысль с жадностью набрасывалась на вопросы об обязанностях перед обществом и народом, о ценности своего „я“ и пр., так что и я сделался отрицателем и разумным эгоистом, а Писарев, на покупку сочинений которого я постарался сберечь несколько рублей, сделался моим любимым писателем. Однако в народники, путь в стан которых начинался с увлечения идеями 60-х годов, я не попал. Дубов в том же году кончил курс в Семинарии, а у меня в 1897—98 учебном году появился новый знакомый И. А. Голубев, бывший класса на четыре старше меня. Мои товарищи Д. Д. Панютин, К. А. Сергиевский и А. А. Паршин, еще ранее познакомись с ним, и я уже от них слышал о народниках и марксистах, при чем товарищи себя причисляли к последним и с большей самоуверенностью иронизировали

над общиной и артелями. Однако только от Ив. Алексеевича я узнал подробно об обоих течениях, и постепенно, не отдавая себе отчета, также склонился на сторону марксистов, хотя личность, культу которой я был предан чрез Писарева, инстинктивно протестовала и удерживала меня сразу и беспрекословно признать превосходство нового учения, считавшего личность величиной социологически бесконечно малой. Впрочем, и в этом случае бодрый задор молодых марксистов, высмеивание ими устаревших народников, светлые надежды и оживление, убежденность людей, обретших истину, а также дух времени перевесили мои симпатии в эту сторону. Писарев теперь уступил место политической экономии Русская марксистская мысль 90-х годов преимущественно работала в плоскости „экономики", ибо в экономике лежал ключ к решению наиболее злободневных вопросов русской политической жизни. Молодое поколение марксистов девятидесятников переживало разгар борьбы с народнической самобытной теорией экономического развития России. В. В. Ник-он и др народники доказывали, что капитализм, а стало быть и рабочее движение не может в России развиваться, по тому что он, разорив крестьянство, разрушает свой собственный внутренний рынок, а новые внешние рынки России уже недоступны, при этом они ссылались на якобы марксистскую теорию кризисов, а в действительности на теорию мелкобуржуазных утопистов в роде Сисмонди.

И в наших разговорах стали теперь слышаться имена К. Маркса, Энгельса и др. Первой книжкой экономического характера, прочитанной мною, был „Труд и Капитал" (Б. С. Свидерского), которую я основательно проштудировал и проконспектировал, а первой марксистской книжкой были „Очерки и этюды" К. Каутского, которые нам доставали И. А Голубев. Ознакомившись далее со статьями Туган-Барановского в „Мире Божием" об экономическом факторе и идеях, мы перешли к чтению „Нового слова", которое мы доставали в Городской Библиотеке. В этом журнале на нас произвели большое впечатление дерзость и сила диалектики, а также остроумие и блеск изложения в статьях Н. Каменского-Плеханова по знакомому нам уже вопросу „О судьбах русской критики"; нравились живые короткие полемические заметки Novusa-Струве на „Разные темы" и казались несокрушимыми

по своей авторитетности, уверенности тона и силе аргументации статьи В. Ильина „К характеристике экономического романтизма“ (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты), посвященные полемике с народниками. Привлекал наше внимание и Nemo — Булгаков, писавший статьи в стиле Плеханова, за которого его долго считали; не прошли непрочитанными критические опыты и В. Иванова (В. И. Засулич). Особенно нам рекомендовали прочесть статью В. Зомбарта: „Социальное движение в XIX веке“. Мы оказались уже настолько осведомленными, что знали, кто такие псевдонимы, и их краткие биографии подкупали наше любопытство и подогревали любознательность и энергию к преодолению статей, которые казались часто трудными и не во всем понятными.

В тот же год, помнится, через того же И. А. Голубева и через упомянутых товарищей в мои руки попали и первые нелегальные издания, о существовании которых мы ранее ничего не слыхали, не подозревая, что имеется такого рода литература. Это были: известные брошюра народоправцев „Насущный вопрос“ и одна книжка „Рабочего дела„. Держа в первый раз в руках эти издания, я чуствовал какой-то невольный трепет: ведь это были запрещенные книжки, за вкушение и нахождение которых грозило не только увольнение на школы, но и арест, а может быть, и ссылка в места не столь отдаленные. Тем не менее одну из понравившихся мне статей я переписал для себя. После до нас дошел „Коммунистический Манифест“ в переводе Плеханова в виде литографированной тетради. О важности и значении этого произведения нам было сообщено, и мы переписали его для себя. Этот писанный экземпляр еще и до сих пор цел у меня...

I I.

Итак перед моими глазами открылся новый, совершенно неведомый мир, целая область знания чрезвычайно заманчивая и привлекательная. Наивные взгяды постепенно рушились. Религиозное чувство, которое было сильно во мне с детства, испарялось. Интересно, что перелом у меня совершился безболезненно, хотя и не сразу. Я сделался равнодушен ко всему, что считал святым и неприкосновенным прежде...

Хотя я теперь тоже стал толковать об общине, кустарной промышленности, капитализме, социализме и проч.. как и мои товарищи, однако осязательно до боли и тоски чувствовалось, сколь мало мы знаем, как мы наивны и бессодержательны, перепевая слышанное с чужого голоса. „А может быть, это и не так, как говорит Иван Алексеевич и марксисты? Может быть, правы народники?“ Шевелился иногда где то в глубине души червь сомнения. Невольно сама собой зародилась мысль сплотиться в кружок и общими силами учиться самостоятельно во всем разбиратся и выработать в себе устойчивое миросозерцание. Чтобы не было больших толков и чтобы не попасть в руки начальства от нескромных разговоров, я и мой сотоварищ Д. Д. Панютин решили поселиться на квартире, где не было бы семинариста старше нас. В 1898—99 учебном году мы нашли квартиру на Воробьевке в д. № 6 и зажили компанией под моим старшинством. Кроме меня и Панютина из семинаристов были еще В. Д. Баталин. Наша квартира и играла роль центра, вокруг которого действительно вырос и сорганизовался кружок. На почве общих интересов у нас уже давно установились дружеские отношения с К. А. Сергиевским, В. Е. Никитиным, Д. В. Кариженским, А. А. Паршиным, а приятелями В. Д. Панютина были более молодые—И. А Сергиевский, А. В. Крылов, который одно время жили с нами вместе на квартире, И. П. Азбукин и др. Непременным ежедневным посетителем нашей квартиры сделался И. А. Голубев, уже кончивший курс, независимый теперь человек, имевший постоянные связи и общение с внесеминарским миром, со студентами, статистиками и ссыльными. От него мы узнавали все политические нелегальные новости, а также литературно-общественные злобы дня.

Собравшись на сходку в праздничный день у нас на квартире, мы решили организоваться в кружок, целью которого была выработка общими усилиями общественно-политического миросозерцания и самообразования. Для воплощения в жизнь поставленной цели мы должны были доставать книги, делать небольшие взносы из своих скудных средств на приобретение книг в кружковую библиотеку, время от времени собираться для обсуждения дел кружка и для обмена мыслей по разным вопросам.

Председателем кружка был выбран я, но всегдашним нашим советчиком, направителем и идейным руководителем до своего поступления в Харьковский ветеринарный институт, был Иван Алексеевич, который, конечно, как посторонний, держался оффициально в стороне, но идейно руководил нами, пока мы не стали сами на ноги. От Голубева мы получали указания, какие книги и в каком порядке читатать; он же сообщал сведения о вновь выходящих интересных книгах и через него же мы доставали необходимую нам литературу, если ее не было в библиотеке. Руской экономической литературы было тогда еще мало вообще, а марксистской и того менее. Она только нарождалась. Поэтому мы читали экономические книги, относящиеся до заграничных стран. У нас в ходу был: „Курс политической экономии" Чупрова в литографированном виде, „Основания политической экономии" А. Скворцова и „Политическая экономия" Исаева, Тойнби: „Промышленный переворог в Англии в XVIII веке, Ченей: „Аграрный переворот в Англии в XVI веке", Сборники „Промышленность", „История труда", „Народонаселение", „Освобождение крестьян", „Землевладелие и сельское хозяйство", изд. Водовозовой, „Экономические этюды" Н. Водовозова, Зибера, „Очерки первобытной экономической культуры", Гобсона: Эволюция современного капитализма", Гиббинса, „Промышленная история Англии", Карла Бюхера „Происхождение народного хозяйства", Ланге „Рабочий вопрос", „Экономическая система К. Маркса", Дементьева „Фабрика что она берет у населения и что ему дает", а также „Возникновение семьи, частной собственности и государства" Фридриха Энгельса, „Возникновение брака и семьи" К. Каутского, Мы следили по каталогам за вновь выходящими изданиями О. Н. Поповой и особенно М. Водовозовой, которые нам почему—то казались близкими к марксизму. Из беллетристики мы очень увлекались романом Беллами: „Через сто лет". Но этого, разумеется, было мало, а потому мы добирались до статей и в журналах" Значение экономического фактора в истории", „Экономический фактор и идеи" Туган-Барановского в „Мире Божием"; „Генезис идей" и „Распространение идей" и др. статьи Л. Крживицкого в том же журнале; также „Очерки по истории русской культуры" Милюкова и „Общество, государство и церковь

на Западе в XVI веке „Виппера (там—же), были нашим излюбленным чтением. Статьи и книги не просто читались, но и конспектировались; кое какие из этих конспектов хранятся у меня до последнего времени, Заканчивали мы книгами Струве и Бельтова, которые нам давали на самый короткий срок, и статьей последнего (Кирсанова) в „Научном Обозрении" за 1898 год „О роли личности в истории".

Но наше самообразование не было односторонним: у нас были любители и других наук. Младшие увлекались критикой и публицистикой—Писаревым, Добролюбовым и Шелгуновым, а также естественными науками, почему у нас были Клодт „Картина мира", „Ботаника" Бородина, Гетчинсона „Вымершие чудовища", Агафонова „Настоящее и прошлое земли", „Биология" Лункевича, „Физиологические очерки" Сеченова, Тимирязев „Чарльз Дарвин и его учение„ и „Жизнь растения" Феррьера „Дарвинизм", Дебьер „Первобытные люди" и др.

Я заинтересовался сочинениями Михайловского и ломал голову над „Что такое прогресс?". Читали мы и Ключевского, производившего на меня впечатление, и все мы старшие и младшие с большим интересом отдавались чтению беллетристов—народников, как потому, что не были запрещены для библиотек, так и вследствие близости к нашему внутреннему миру уроженцам деревни сюжетов из народной жизни. Беллетристы—марксисты же еще не выступали заметной и яркой чредой. Хотя у нас были и сочинения Глеба Успенского, но он, не имел такого успеха среди нас, как Златовратский; сочинения последнего пришлось разрезать на части, для большей скорости обращения. Кроме названных писателей у нас были: Решетников, Каронин и даже Наумов, популярности которого много содействовала статья Плеханова, посвященная ему в „Новом слове".

Любопытно, что сладкозвучная поэзия автора „Устоев" отнюдь не увлекала нас в сторону сочувствия общинному быту, так как мы хорошо были знакомы с ним на практике. На нас наоборот, производили глубокое впечатление протокольные романы Решетникова и мрачные разсказы Каронина, заставляя нас остро ставить на обсуждение вопрос, что же нужно для того, чтобы вывести народ из бездны темноты,

гнета, нищеты и мрака невежества к свету, к свободе, и счастливой жизни. Ответ сводился к тому, что мы должны все свои надежды возложить на рабочих, ибо „революционное движение восторжествует как движение русских рабочих, или оно совсем не восторжествует“ и следовательно мы должны в будущем примкнуть к этому движению.

Некоторые из нас, кажется, первый Панютин стали мечтать о чтении самого К. Маркса, тем более, что в 1898 году вышло второе издание „Капитала“ в переводе Н-она. Но мы знали, что брать его на стороне было неудобно, так как было известно, что книга написана трудно, а потому скоро с нею не справиться, и держать ее пришлось бы крайне долго, между тем книги всегда давались для чтения на короткий срок. Поэтому и Панютин и я решили накопить по грошам из скудных своих средств по 2 рубля и купить себе „Капитал“. Помню и сейчас торжество и радость, с какой мы принесли домой выписанные для нас А. Б. Баталиной-библиотекаршей городской библиотеки, книги. Поминутно мы хватались за увесистый том и нервно листовали его, то там, то здесь. Но читать книгу пришлось уже позднее дома, в деревне.

III.

Между тем необходимо было подумать о воплощении в жизнь постановления сходки об основании библиотеки. Идея ее устройства по существу дела была не нова, так как и раньше семинаристы иногда целым классом в складчину покупали интересовавшие их книги, чаще всего литературную критику Белинского, Добролюбова, Писарева, беллетристов—народников и кое какие книги по естествознанию. Так у пятиклассников была такая небольшая библиотечка, хранившаяся в разных руках. Были и отдельные группы, любившие Писарева и его приобретавшие. Мы решили покупать в первую очередь экономистов и иногда книги по естествознанию, а потом уже и другие, которых нельзя было получить в городской библиотеке. Обычно выписывали книги через городскую библиотеку, любезная и симпатичная библиотекарша которой А. Б. Баталина никогда не взимала с нас за пересылку книг никакой добавочной платы. Разумеется, книг на наши взносы 1 руб. $1^1/_2$ руб. в год мы могли выписать сразу немного и создание библиотеки было бы очень медленно, если

бы библиотека неожиданно не пополнилась со стороны. Благодаря Ивану Алексеевичу, нам пожертвовали Каутского „Очерки и этюды", книжку Курти „О швейцарском законодательстве", а также романы Решетникова в отдельном издании и Златовратского те книжки, которые обращались у нас раньше; через него же к нам перешло небольшое собрание журналов, известных под названием „Летучей Библиотеки" карандашные инициалы которой „Л. Б". стояли на этих книгах. Главным образом это были: „Мир Божий" и вырезки из Отечественных Записок „Современника" и „Дела". Откуда она взялась, теперь уже не припомню*). Таким образом первый краеугольный камень был заложен, а на нем быстро стали расти и сама библиотека. Через год бывшие пятиклассники, о которых говорено выше, оканчивая курс, решили вместо дележки оставить свои книги младшим товарищам, и они перешли в нашу библиотеку.

Эти успехи начатого дела мы считали благоприятным симптомом, залогом прочности организации. Энергия наша подогревалась, и мы окрылялись надеждами.

Скоро начал пополняться новыми членами наш кружок, так как мы считали необходимым вести „просвещение" товарищей. Мы присматривались к ним, взвешивали их с точки зрения „благонадежности" (в смысле умения молчать и конспиративности) и давали им читать какую либо книгу, чаще всего Беллами. В зависимости от проявленного отношения к книгам, товарищ посвящался в тайну и присоединялся к кружку или так и оставался только читателем, а иногда его и вовсе оставляли в покое. Вскоре после основания кружка, мы завязали сношения с более старшими нас А. П. Смирновым, Д. Н. Демидовым и В. В Всесвятским, которые жили вместе, были уже знакомы с марксизмом, являлись его сторонниками и осторожно старались пробудить интерес к нему у других. Они вошли в лоно нашего кружка, но стояли от нас, как более старшие, дальше, серьезной роли не играли и влиянием у нас не пользовались. Они были более сдержанны и осторожны, нежели мы.

---

*) Она взялась из Орла, привез ее, повидимому Перрес, земский статистик.—Сообщение Д. В. Разломалина.

Участие в кружке наложило на нас особую печать. Мы приобрели озабоченный вид, ходили, „нахмурив лоб, наморщивши чело“, точно чем—то были заняты особенно серьезным; иногда таинственно шептались с другими членами кружка, вечно куда-то спешили, часто с книгою под мышкой, так что сразу можно было видеть, что нас осаждают глубокие думы. От других товарищей мы действительно отличались прочным интересом к текущей политическо-общественной жизни, в которой проявляли порядочную осведомленность.

Мы сделались всегдашними подписчиками Городской библиотеки, где чаще всего спрашивали серьезные книги, почему и библиотекарши нам уделяли больше внимания, чем другим; иногда в „Книге для записи новых книг“ читателями, мы вносили пожелание о выписке какого либо нового произведения марксистов. Кроме того мы аккуратно каждый день после обеда посещали кабинет для чтения в библиотеке, где читали газеты. Особенным почетом у нас пользовались „Русские Ведомости“, в которых нас увлекали корреспонденции И. (Иоллос) из Берлина, Н. К. из Парижа и Шкловского (Дионео) из Лондона. Из других газет мы пробегали „Сын Отечества“, а потом „Северный Курьер“, начавший выходить с 1 Ноября 1899 года, и после „Курьер“.

Мы настолько уже освоились и увлекались газетно-журнальным миром, что я с весны 1899 года стал выписывать сразу три журнала и все марксистские: „Начало“, „Жизнь“ и „Научное Обозрение“. Моему примеру последовали А. М. Баталин и В. Д, Панютин, подписавшиеся также на „Жизнь“ в рассрочку. „Начало“ выпустило всего три книжки, из которых первая была двойная, апрельский номер был конфискован цензурой, а после майского журнал был насильственно прекращен. Журнал, по нашим сведениям, редактировался П. Струве и М. И. Туган—Барановским, хотя редактором подписывался кто-то другой. Нам на первых порах казалось, что в „Начале“ возродилось „Новое слово“, и мы возлагали на него большие надежды. Однако появление на его страницах „Воскресших Богов“ Мережковского, наполненных в первой части чертовщиной, а также других сотрудников из лагеря символизма и декаденства, отсутствие яркой беллетристики в марксистском журнале нам казалось

странным и непонятным. Запрещенная апрельская книжка к нам все же попала, но большого впечатления не произвела так как найти в ней что-то выдающееся не удалось. Журнал издавался вообще как-то неудачно, неряшливо, и в нем частенько попадались места с вырезанными страницами. Наше внимание в „Начале" привлекли две заметки: Д. Д. Гончарова о быте рабочих в Полотняном заводе и еще какого-то автора „О Калужских рогожниках". Из статей же с особенным любопытством мы читали работу начинающего писателя Б. В. Авилова „Новый опыт экономической гармонии", посвященную злой критике только что вышедшего труда профессора-народника Н. А. Каблукова „Об условиях развития крестьянского хозяйства в России".

Когда „Начало" прекратилось, я подписался вместо него на „Мир Божий", получивший себе в наследство от „Начала" роман Мережковского. Но „Мир Божий" начал уже „выдыхаться", и марксистских статей в нем появлялось все меньше и меньше, почему в наших глазах он на время заслонился „Научным Обозрением", где печатались иногда с 1898 года статьи марксистов — Плеханова, (Кирсанов), В. Ильина, П. Карелина — (В. Засулич) Санина и др. Гораздо интереснее нам казалось жизнерадостная, свежая, молодая и бодрая „Жизнь". Там были молодые беллетристы — Горький, Вересаев, Чириков, Тан, Серошевский и др. Статьи писались для большого читателя популярно, доступно и занимательно, так что мы сразу втянулись в самую гущу вопроса „о рынках", о которых спорили П. Нежданов-Черевапин, А. Изгоев, Булгаков, В. Ильин и др. Хотя этот журнал впоследствии и стали называть органом ревизионизма (П. Орловский), потому что там появились статьи Струве, подкапывающиеся под трудовую теорию стоимости и призывавшие к пересмотру учения Маркса, однако, мне кажется, это неверным, потому что Струве отнюдь не был главным запевалой в журнале и не на нем держался экономический Отдел. Столпами его были П. П. Маслов и Нежданов, которых отнюдь нельзя назвать ревизионистами, сотрудником его был и В. Ильин (Ленин). Вернее это был журнал, где находили себе место разные течения, намечавшиеся тогда в марксизме.

Чтобы покончить с научными интересами этого времени, отмечу еще, что книги Ильина „Экономические этюды и ста-

тьи“ и „Развитие капитализма в России“, вышедшие в 1899 году, были немедленно приобретены нами и считались окончательно решавшими вопрос о капитализме в России. Труд Туган-Барановского „Русская фабрика в прошлом и настоящем“ вышел тогда же и также был для нас выражением торжества марксизма. Даже книга Р. Гвоздева „Кулачество—ростовщичество“ не прошла незамеченной нами, и нашлись любители, прочитавшие и ее. Особенно же был популярен „Краткий курс экономической науки“ Богданова, попавший к нам только во втором издании. А по этой книжке мы узнали и другой его труд, „Основные элементы исторического взгляда на природу“ (1899), также обращшвшийся у нас.

IV.

Увлечение журналами натолкнуло и нас на мысль издавать свой рукописный журнал. Особенно горячо ухватился за него экспансивный А. М. Баталин. После долгого обсуждения у нас на квартире решили вынести этот вопрос на сходку, которая снова собралась у нас. Проект был встречен сочувственно, и я был избран редактором журнала, который был назван „Вперед“ в подражание немецкому „Vorwartzy“, о котором мы слышали, но не знали, что это газета, а не журнал. О „Neue Zeit“ мы не слышали. Сотрудничать согласились и старшие.

Муки родов первого номера были тяжелые. Все мы до сих пор писали только сочинения на заданные темы, а здесь приходилось самим выбирать и темы и материал. Естественно, что номер вышел недоноском и выглядел ублюдочным. Я что-то написал от редакции, при чем, помнится, больше сказывалось писаревское, чем марксистское влияние. Была далее статейка: „И скучно и грустно и некому руку пожать“ на тему О необходимости организации кружка единомышленников. И. Е. Беляев дал беллетристический очерк—„Отец Егор“. А. П. Смирнов поместил статью с изложением трактата Руссо: „О неравенстве“. Только И. А. Голубев написал небольшую заметку марксистского характера.

Наше детище встречено было сочувственно читателями, и мы выпустили до конца учебного 1899 года еще три номера. В последующих номерах содержание постепенно улучшалось. Д. Д. Плотин дебютировал статьей „Возникновение

брака и семьи по Каутскому и Энгельсу". Я дал заметку о „Блудном сыне" Чирикова (Мир Божий 1899 г. № 3); Смирнов поместил критическую статью „О ведении дела и направлении журнала", на которую мне, как редактору, пришлось писать ответ: „Страшен сон, да милостив Бог"; была статья об экономическом факторе в истории. Постепенно была введена хроника и появились другие текущие отделы. Журнал сумел продержаться при мне четыре года, то сокращаясь до двух номеров в год, но зато увеличиваясь по количеству статей, то подвергаясь изменению. Один год он разделился на две части: в первой, выходившей отдельно, помещались разнообразные отчеты о деятельности групп, на которые распадался кружок по конспиративным соображениям, когда разрослось число его членов; к ним присоединялась вводная статья редактора. Вторая часть посвящалась статьями по разным вопросам.

Из этих статей я помню свою статью „Н. Г. Чернышевский", „которая нравилась читателям, как единственная в кружке биография знаменитого мыслителя. Другая моя статья была названа „Разложение христианства на Западе перед Реформацией", в которой я пытался подойти к религиозным явлениям с классовой точки зрения. Кроме того я составлял статьи о происхождении семьи и собственности, о роли личности в истории, о происхождении самодержавия в России. Материалы для них у меня уцелели, но только не припомню, успел ли я разработать их. Из других статей припоминаю: биографию Бакунина, статью о Герцене, об учении Ч. Дарвина, статьи, посвященные критике кружковых дел и др. Были и переписки нелегальных изданий. Закончу о журнале. Он просуществовал еще 1902 и 1903 год, превратившись при новой редакции в журнал с политическим и социалистическим оттенком, будучи почти весь наполнен переписками или переделками из нелегальных изданий. Когда он прекратился и где находится ныне, не знаю.

В том же 1899 году у нас возникло стремление обзавестись гектографом и переиздавать нелегальные произведения с целью более широкого их распространения. В этом отношении большую опытность и настойчивость обнаружили братья Панютины и А. М. Баталин. У меня сохранился кем то дан-

ный в то время рецепт гектографа на 200 экземпляров, который приготовлялся из 2-х фунтов глицерина и 1/4 фун. желатина. Первым нашим изданием на гектографе была небольшая нелегальная былина, выпущенная по случаю избиения студентов 8 февраля 1899 года в С. Петербурге и воспевавшая ректора В. И. Сергеевича и полковника Галле. Опыт вышел удачным и песня была распространена. Успех окрылил нас надеждами, и у издателей явилось желание переиздать что нибудь более серьезное.

Нелегальная литература к нам попадала часто, имея своим источником высланных политиков. Как раз в эти годы—1899—901 к нам в Калугу попали марксисты: сначала И. И. Степанов-Скворцов, а потом А. В. Базаров-Руднев, А. А. Богданов-Малиновский и А. В. Луначарский. И. И. Скворцова и В. А. Базарова я знал только в лицо и не встречался с ними. Оба они были очень заняты литературными работами и подготовили в Калуге к печати: „Общественные движения в средние века и в эпоху реформации“ (Каутский История социализма, том I) и книгу Кулемана „Профессиональное движение“, вышедшую в издании Н. Х. Фосса и Д. Д. Гончарова в 1901 г. Обе книги я приобрел немедленно по их выходе через И. А. Голубева от переводчиков или от издателей „со скидкой“, чем особенно гордился. Случайно приходилось слышать, что Скворцов ведет какую-то тайную пропаганду, но где и кому, мы не считали удобным допытываться. Богданова я ни разу не видал, хотя „Краткий курс экономической науки“ во втором издании был одной из любимых наших книг. Были известны его „Основные элементы исторического взгляда на природу“ и „Познание с исторической точки зрения“, тогда же приобретенные нами. Но зато я случайно встретил И. И. Давыдова, зачем-то попавшего на короткий срок в Калугу тоже молодого марксиста, только что выпустившего понравившуюся нам книжку „Что же такое экономический материализм?“ Чаще всего мы встречались с А. В. Луначарским и всегда в кабинете для чтения в городской библиотеке. Он казался тогда очень молод. Так же, как и мы, он всегда читал „Русские Ведомости“ и „Северный Курьер“. Как известно, и литературная деятельность его началась в Калуге с корреспонденции в „Северный Курьер“. Здесь же он написал и первую жур-

вальную статью „Педагогические идеи Гербарта“, помещенную в „Русской мысли“ (1901 год), которая прошла незамеченной. Нам было известно, что он, несмотря на разсеянный образ жизни, пишет большой труд об эстетике с точки зрения марксизма, которого мы ожидали с большим любопытством. Но книга не вышла, а появилась только известная статья „Основы позитивной эстетики“ в „Очерках реалистического мировоззрения“, через несколько лет по от'езде А. В. из Калуги. Зато первое публицистическое выступление Луначарского в „Образовании“ за 1902 год с блестящей статьей „Трагизм жизни и белая магия“, написанной по поводу сборника „Проблемы идеализма“, сразу выдвинуло его в наших газетах в ряды видных публицистов. Кроме И. А. Голубева с А. В. Луначарским познакомился и кое кто из нашего кружка, в том числе и я. Из его нелегальных выступлений того времени припоминается один доклад-реферат о социал-демократическом движении в России, сделанный им в небольшом кружке лиц за рекой на Можайке. Он тогда увлекался мелодекламацией, выступал на домашних литературных вечерах, часто ездил в Полотняный завод к Гончаровым, иногда зайцем в Москву. Пробыл он с год с небольшим и затем, по тогдашним слухам, уехал в Вологду к Богданову, на сестре которого, как нам передавали, он скоро потом женился.

Пребывание названных писателей в Калуге не прошло бесследно, так как благодаря им эмпириокритицизм и философское учение Богданова нашли себе в последующее время последователей среди нас. Както всегда интереснее читать произведения автора, которого знаешь. И я лично всегда следил за летературами выступлениями невольных Калужских гостей-марксистов и аккуратно читал все их статьи, книги и даже переводы и с своей стороны в своих беседах с товарищами и знакомыми всегда рекомендовал познакомиться с направлением, предоставителями которого были эти авторы; а при выписке книг в библиотеке всегда ставил их в первую очередь, содействуя таким образом пропаганде их учения. Наконец жил в то же время в Калуге и наш Калужский марксист Б. В. Авилов, принимавший участие в переводе книг: Кулемана „Профессиональное движение“ и Шульце—Геверница „Очерки общественного хозяйства и экономической политики России“.

Из других ссыльных нашим знакомым был статистик П. Н. Быков, кажется тоже марксист, у которого была хорошая библиотека. У него поселился на квартире товарищ Голубева А. С. Зюков, служивший тоже в Статистике и тоже последователь учения К. Маркса. Зюков бывал у нас на квартире, а мы у него и через него, а иногда и от самого Быкова получали книги из его библиотеки.

Таким образом источник получения нелегальщины у нас был прочный. К нам попадали: „Письмо родителей“ по поводу избиения студентов, отрывок из марксистской поэмы „Борьба“, Диккштейн „Кто чем живет“, „Академики и Социализм“ Бебеля, „Чудная“ Короленко, „Письма о России“ Энгельса, „Экономическое учение К. Маркса“ в изложении Каутского, „Подпольная Россия“ и „Андрей Кожухов“ Степняка, брошюрки по истории революции 48 года, „Весенние мелодии“ Горького и др. Из них произведения Степняка мы получали от Г. П. Доброхотова и Е. Купецкой, с которыми я познакомился уже в начале 1902 года, от них же мы получили в этом году „Искру“ и „Революционную Россию“. Доходил до нас и ряд различных прокламаций и шутливых песен, появившихся тогда главным образом в связи с забастовками студентов и рабочих и подвигами полиции. Нелегальные издания мы обычно списывали „для себя“. А некоторые из них мы переиздали. Нами был переиздан „Коммунистический манифест“ и „Письма о России“ Энгельса; перепечатывали их на гектографе летом в деревне. Особенно удачны были „Письма о России“ Энгельса, выпущенные в количестве около 100 экземпляров. Они были распространены частью в кружке, а частью взяты на сторону. Переписывалось нами и „Экономическое учение К. Маркса“ в изложении К. Каутского, почему-то срочно, сразу по частям, но издавать его собирался кто-то другой, так как об'ем его был не по нашим техническим средствам. Наконец припоминается, что в это же время кем то был переиздан с негатива портрет К. Маркса тоже нелегально, и распространялся у нас. Я вклеил свой экземпляр в первый том „Капитала“, в котором он цел до сих пор.

V.

В последнее время мы оставили квартиру на Воробьевке, и после кратковременного житья в других местах прочно

обосновались в Жоринском переулке. Смена квартир обусловливалась, между прочим, и пригодностью их с точки зрения удобства наблюдения за нами. Нас уже окрестили „нигилистами", „атеистами" и даже „социалистами", так, что и бдительное око начальства смотрело за нами довольно подозрительно, часто осматривая наши книги и делая обыски. Вспоминаю, как однажды мы переполошились, когда в гололедицу при полной почти невозможности проникнуть к нам на квартиру у Чортова мостика, к нам ввалился помощник инспектора и накрыл нас врасплох. Я сидел за „Историей материализма" Ланге, В. Д. Панютин за только что приобретенными разсказами Вересаева, его брат за „Капиталом", а Баталин за „Научным Обозрением". На полках этажерки и в разных местах разбросаны были обычно скрываемые номера „Мира Божьего" и другие книги с инициалами „Л. Б." (Летучая Библиотека"), а в них кое что нелегальное. Невежество педагога, большого любителя выпивки и мало смыслившего в науке, спасло нас. Благонамеренность названия „Мира Божьего" избавило его от просмотра; Ланге был выдан за пособие для сочинений по философии; „Капитал" вызвал даже одобрение, ибо обнаруживал в его читателе самые благонамеренные тенденции к обогащению. Зато Вересаев долго вертелся в руках аргуса, пока наконец тоже был благополучно возвращен владельцу. Хуже всего пришлось „Научному Обозрению", которое, в отличие от других книг, было в характерном желтом переплете городской библиотеки, брать книги из которой, было запрещено семинаристам. Пришлось долго извиняться и указывать, что для сочинений приходится брать книги отовсюду. „Научность" помогла уломать и тут.

Помимо школьного начальства нами, повидимому, интересовалась и охранка, внимание которое, вероятно, привлекали наши знакомые, а через их и мы. Иногда против нашей квартиры или вблизи от нея по целым часам стоял подозрительный извозчик, который всегда был „занят", или шмыгали „гороховые пальто".

В Жоринском переулке жить было удобнее, потому что в нем посторонний наблюдатель был сразу заметен, а с другой стороны был ход под горку, ходить которым было не

легко, а потому в случае надобности выйти из квартиры можно было незаметно. А нам это было нужно, потому что иногда приходилось распространять в разных местах прокламации, переписанные обычно от руки во многих экземплярах. Эти произведения были и на политические и на свои ученические злобы дня. Разсказы и подробности случайных свидетелей о нахождении начальством или о доставлении ему прокламаций всегда вызывали у нас взрывы гомерического хохота, тем более, что все эти наши проделки сходили нам с рук благополучно. К сожалению, у меня не осталось ни одного оригинала прокламаций, так как они, во избежание возможных осложнений, уничтожались нами, и мы всегда были „чисты".

Между тем кружок наш рос. Сплотившись сами в прочное ядро и чувствуя твердую почву под ногами, мы старались распространять свои идеи возможно шире, и вовлекать под свое идейное влияние возможно больше товарищей. Теперь к нам присоединились В. М. Тихомиров (†), Н. А. Селезнев (был арестован на семинарском с'езде), К. Я. Виноградов, П. Н. Ильинский, К. Фабиан, Н. Спигерев (химик), Вл. А. Вознесенский (Жор †), Вл. Жданов (†), Н. М. Никольский (Начальник Главного Ветеринарного Управления, член РКП), бр. А. П. (†) и М. П. Архангельские (были арестованы за распространение прокламаций в Жиздре), Ф. Ф. Победоносцев, Я. А. Чистяков и мн. др. Всего у нас было несколько десятков человек членов. Особенно заметно было влияние нашей библиотеки. Книги нашего кружка ходили по всем классам, передаваясь из рук в руки. „Просвещать" мы считали необходимым и инако мыслящих, даже признанных по различным соображениям непригодными ко вступлению в кружок. Интересно при этом, что ни одна наша книга не пропала и не была конфискована начальством, хотя сыскная практика была постоянно у него в ходу. Ни одного разу не попали к нему в руки ни журнал, ни нелегальная литература.

С ростом кружка росла и наша библиотека. Когда я оканчивал курс в 1902 году, в ней было уже около 500 томов хорошо подобранных книг. Разумеется держать ее на ученической квартире даже по частям было не безопасно,

прятать ее было трудно потому решено было поместить ее у кого-либо из частных лиц.

Ее любезно согласился приютить у себя Д. В. Разламалин, с которым мы давно были знакомы: к нему и должны были ходить два наших библиотекаря А. В Крылов (Бакистый) и кажется, И. Н. Азбукин. Они же обязаны были давать ежемесячные отчеты для помещения в журнале о состоянии библиотеки, читаемости книг членами кружка и обращения их у посторонних Куда девалась эта библиотека после нас, я не знаю...

К нам на квартиру захаживали студенты, реалисты и гимназисты. Из последних мы были в близких сношениях с А. А. Нахаловым и особенно с М. С. Костецким, который тоже был марксистом и через которого наша библиотека пополнялась несколькими книгами, поступившими от его неблагонадежных знакомых ссыльных, С. А. Порецкого и И. И. Горбунова-Посадова, тоже живших в Калуге в ссылке. Через него я познакомился с С. А. Порецким (†), известным популяризатором и сотрудником „Журнала для всех".

Порецкий не был марксистом, а потому и не привлек особенного моего любопытства, да и встречался я с ним только несколько раз.

В это время у меня появились знакомые и из рабочих. Интерес „марксиста" к рабочим вполне понятен и естественен. Я познакомился с одним печатником в типографии Яковлева, фамилии которого теперь не припомню, и вел с ним беседы на обычные тогда темы о заработной плате, об условиях работы, о длине рабочего дня, об эксплоатации, о домашнем быте, о хозяевах и т. д. Сокровенной целью этих разговоров было вызвать ноты недовольства своим положением и пробудить „классовое самосознание", но я скоро охладел к своему знакомому, потому что он был уже почтенного возраста, отец семейства, недурно зарабатывал и признаков недовольства не обнаруживал. Вообще он поразил меня отсталостью, правоверностью и патриархальностью своих воззрений... Гораздо податливее и восприимчивее по части „самосознания" были два других рабочих—П. Суханов и П. Бахашев, оба молодые ребята, познакомившиеся с Сер-

гиевским, Панютиным и мной. Но с ними я встречался редко, только на Никитской улице; к тому же они находились под воздействием более нас опытного И. А. Голубева...

VI.

Описываемое мною время 1899—1901 год было полно общественного оживления, под'ема энергии и бодрых надежд. С разных сторон неслись громкие, „весенние мелодии“ и явственно слышались крики „буревестников“. Время от времени внезапно раздавались отдельные взрывы и сверкали огненные вспышки, грозные предвестники быстро близившейся и нароставшей революционной бури. Все бродило и прорывалось то там, то здесь, расшатывая и ослабляя состарившиеся и омертвевшие вековые устои.

То рабочие стачки, стихийно вспыхивавшие в разных концах России, то студенческие волнения 1899 и 1901 г.г., то крестьянские беспорядки разрывали своим шумом спокойствие обывателя, будили и будоражили его, повышая общий тонус жизни и вызывая нервное настороженно—ожидающее настроение. В порядке вещей, что среди семинарской молодежи атмосфера также была сгущена и насыщена горючими газами; слухи о всевозможных волнениях и беспорядках, а также и о „бунтах“ в некоторых семинариях заставляли настороженно ожидать возможности и у нас „бунта“, который действительно и вспыхнул в марте 1901 года.

В одно из Воскресений, кажется, 18 марта, мы вдруг узнали, что за рекою застрелился семинарист Лазаревский, незадолго до этого за что-то удаленный с казенного содержания. Весть о его смерти моментально облетела всех семинаристов и сыграла роль искры, вызвавшей долго ожидавшийся взрыв.

В этот день в зале семинарии было назначено религиозно-нравственное чтение, на которое должен был прибыть архиерей Макарий. А. М. Баталин (ныне Старший Инспектор РКИ в Москве) и решил сделать после чтения публичное заявление архиерею о тягости, бесчувственности, бессердечности и гнете семинарского режима, доведшего до самоубийства несчастного юношу, и требовать смены администрации. По слухам одноклассники покойного одновременно собирались „показать им“...

Когда Баталин сообщил о своем намерении старшим членам кружка, то последние решили, что работа кружка важнее семинарских беспорядков, которые успеха не достигнут, а могут с корнем уничтожить всю работу кружка. Между тем кружок имел уже серьезное идейное влияние далеко не случайного характера и вырывать его с корнем, с нашей точки зрения, было бы непростительной ошибкой. По этому с Баталина взяли слово, что он будет действовать один. от себя, а о кружке, когда его будут водить по мытарствам, чтоб не говорил ни звука, Мы предвидели и предчувствовали, что во всем будут винит кружок, когда начнут отыскивать виновных в происшедшем.

Действительно выступление Баталина было поддержано массовыми беспорядками: битьем стекол и ламп, ломаньем парт и пр., перепугав до крайней степени начальство Шуму было много. В синодских кругах даже носился слух, будто семинаристы высекли инспекцию...

По случайному совпадению в это же время произошли беспорядки в нескольких других семинариях, так что получилось впечатление, что семинаристами руководит чья-то таинственная рука, какой-то революционный комитет. А тут случайно мне сделалось известным, что наши беспорядки будет спешно расследовать не безызвестный редактор „Миссионерского Обозрения“ В. М. Скворцов, и я немедленно предупредил распущенных раньше времени на пасхальные каникулы и раз‘езжавшихся по домам товарищей, чтобы в дороге держали ухо востро и не попали на удочку Скворцову, у которого были хорошие сыскные способности. Действительно, на Тихоновой пустыни он встретился с нами и, разнюхивая подробности от подвыпивших семинаристов, от кого-то узнал, что о его миссии нам уже известно. Это утвердило его во мнении, что делом руководил „революционный комитет“ из центра. Поэтому расследовать беспорядки к нам были присланы еще епископ Никон и какой то синодский чиновник.

Опытные сыщики старались во что бы то ни стало разыскать кружок, о существовании которого, они каким-то образом были уже осведомлены. Но привлекаемые члены кружка при допросах держались стойко и твердо, никого и

ничего не выдавая, и мы знали, что при хранении бумаг в надежном месте, при отсутствии списков, нас ничем уличить нельзя. Помню и теперь 3-х часовой допрос, которому подверг меня и Б. М. Тихомирова почтенный сыщак, дав только нам почему-то аудиенцию у себя на квартире. Все его вопросы и подходы вертелись вокруг кружка, который он даже находил полезным, и хотел только узнать его програм-му; но взятки оказались сухи. Про меня он сказал, что я безнадежно уже испорчен, хотя улик против, к сожалению, никаких нет.

В результате в числе пострадавших и уволенных вкупе с Баталиным было и несколько кружковцев, но кружек остался цел; я и К. М. Тихомиров также уцелели. Зато вся администрация во главе с архиереем была смещена.

Меня отдали под строжайший секретный надзор инспекции, о чем меня, впрочем, как лучшего ученика, по секрету предупредили доброжелатели-педагоги. Помню, как однажды я шел за бритвой к В. Е. Никитину и, не успев войти в квартиру, узрел вслед за собой инспектора семинарии, увидевшего меня случайно издали и решившего накрыть меня с поличным... на собрании. Но он немножко поспешил.... А когда я после Рождества остался на месяц у отца в деревне, и серьезно штудировал „Критику некоторых положений политической экономии“ и „Капитал“ Маркса, то отец неожиданно получил запрос из семинарии, действительно ли я нахожусь у него. Оказалось потом, что кто-то сообщил администрации, будто меня видели в чужой губернии, едущим на какой-то нелегальный с'езд. Это был сущий вздор, но он оказал мне медвежью услугу, так как при поступлении моем в Варшавский университет из Губернскаго Правления дали туда, при истребовании свидетельства о политической благонадежности, отзыв, что я „опытный агитатор“, который, действует очень осторожно!. В результате меня попросили взять свои документы обратно, так что я принужден был искать приюта в другом месте....

Приближался 1902 год, когда я должен был окончить курс. Учащиеся выпускного класса одной ногой стояли уже за дверями школы, и наши разговоры вертелись вокруг во-

проса о поступлении в высшие учебные заведения. Характерно, что мы относились в общем пренебрежительно к университетской науке, не имея о ней определенного представления. Мы говорили, что марксистам необходимо учиться экономическим наукам, пройти настоящую школу марксизма, а в университете они построены не по марксистски, стало быть, в общем нам нечего там делать. Кто может, должен ехать за границу и там изучать науку. В России же итти в университет имеет смысл только с целью приобретения знакомств с миром нелегальных деятелей и вместе с ними сделаться профессиональными революционерами. Однако такие разговоры и мечтания скорее обрисовывали только наше настроение и велись под влиянием чувства, так как у шестиклассников они прекрасно уживались с так называемым у нас семинарским „академизмом".

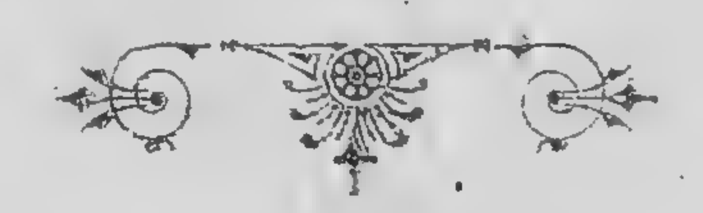
Как известно в описываемые годы по России прокатилась волна семинарских беспорядков и невольно рождался вопрос, вызываются ли они условиями только семинарской жизни, а следовательно на будущее время следует ли выставлят требования узкие, чисто учебно-семинарские; или корни этих волнений таятся в общих политических условиях, следовательно и выступление формировавшегося тогда общесеминарского союза связать с общерусским политическим движением и потому требовать политических свобод. Старшие из нас оказались более консервативны, может быть из боязни не кончить школу: они обнаружили узость взглядов и высказывались за „академизм". Младшие-же И. А. Сергиевский, Селезнев, Крылов—стояли за политическую окраску движения и за переход кружка от занятий теоретическими и семинарскими вопросами к практической пропаганде и за участие в общеполитическом движении.

Обычно все вопросы у нас решались на собраниях делегатов от групп, на которые распадался кружок, а важнейшие вопросы обсуждались на сходках в бору или на Можайке. И по упомянутому вопросу решительные дебаты происходили в мае 1902 г. в бору. Младшие без труда взяли верх, так как старшие особенно серьезно и не противились им: сдавали уже последние экзамены и шестиклассники расставались навсегда с семинарией и отходили от кружка.

Руководство перешло к следующей смене товарищей с Ив. Сергиевским, А. В. Крыловым, Лихачевым и др. во главе. Они уже прямо повели с.-д. пропаганду, уверенно идя этим путем, так как у них теперь был надежный рулевой и постоянный руководитель „Искра".

Имена же Сергиевского, Вознесенского, Лихачева, Снегирева, Жданова и иных, вероятно, встретятся в других воспоминаниях.

Д. М.

С. Д. Митин (Мохов).

Из истории возникновения и деятельности Калужской Группы Р. С. Д. Р. П. 1903—905 г. г.

Мне,—как одному из первых участников образования в Калуге Группы Р. С. Д. Р. П., трудно описать ее историю. Полагаю, то же скажут и мои первые товарищи по группе, ибо история группы—то же, что и история нашей жизни, так как других целей, кроме партийных, у большинства из нас не существовало. Поэтому, пусть не удивляются т. т. и простят мне, если на следующих страницах моего краткого очерка временами прочтут как будто не о партии, а о лицах и отношениях между ними.

Первыми организаторами „Группы“ в 1903 г. можно считать Фетисова В. В., Лихачева А. П. и меня. Об'единение этой тройки произошло в том же году случайно. С Фетисовым я учился в Калужском техническом ж. д. училище В 1903 году мы должны были окончить курс, и по установленным правилам отбыть на жел. дороге 2-х летнюю

практику. За 3 года учения в Техническом училище мы не были—ни только товарищами, но и, как одноклассники, далеко отстояли друг от друга. Лично я к нему даже питал некоторую неприязнь после одного неприятного случая между нами еще на первом году ученичества в Техническом училище.

Сближение наше произошло на первой или второй недели 903 г. после рождественских каникул. Причиной послужили два спора, происшедшие в классе между училищным попом и нами, а потом между учениками во главе с Сидоровым, а с другой стороны опять—Фетисовым и мною. В первом случае на тему о любви и боге, во втором о Пушкине. Неожиданно мы с Фетисовым оказались единомышленниками и подружились. Оказалось так же, что мы оба любили читать и много прочли общего. В период перед великим постом несколько разсказов Горького, Андреева, Вересаева, Чирикова, Чехова и др. мы прочли вместе. Не помню кому из нас попала в руки „нелегальщина“ и кто первый „рискнул“ ею поделиться, но за время до Пасхи мы уже прочли по несколько брошур и листовок—имя рек им забыл, за исключением листка „Пауки и мухи“ и брошурки, в которой разсказывалось о речи Николая II к волостным старшинам и о подвигах Фанагорийцев издания Соц. Революционеров.

К этому времени Фетисов свел знакомство с семинаристом V кл. Лихачевым, который стал нашим главным поставщиком нелегальной литературы. Так перед самым отездом учеников на Пасху по домам, „Петрович“ снабдил нас десятком мелких брошюр и двумя десятками листовок.

Будучи уже кратко знакомы с партией „Народной Воли“, со смертью Александра II, с жизнью и рево-

люционной деятельностью Софьи Перовской, Желябова, Кибальчич и др., нас тянуло „в народ", оба мы были полны порывов со страстью пробуждающихся революционеров.

В последний день от'езда по домам, когда мы собрались в укромном уголке столовой технического училища поделить между собою литературу, мне пришло в голову предложить Фетисову отправиться по деревням с целью агитации и пропаганды под видом фабричных, возвращающихся в деревню к празднику. Фетисову мысль понравилась. В тот же день мы,—переодетые подобающим образом, поездом отправились ко мне в Желябужскую, а оттуда в д.д. Федосово Филенево, Фелисово, Гурьево, Н. Дол, Борановка и др. Странствовали 4 дня, разнося с собою в корзиночке нелегальщину и маскировку ввиде сотни Троицких листков. Это короткое хождение в народ богато было впечатлениями, и в будущем послужило нам большим практическим уроком-не бросаться очертя голову. Возвратясь в Калугу, мы выслушали целую отповедь от Петровича (в этот момент Фитисов свел меня с ним) за легкомысленное отношение к революционному делу и к нелегальной литературе, которую нельзя так сорить,—как мы себе позволили.

Нам досталось, но мы все таки были довольны: эта прогулка доставила нам связь с одним очень интересным и горячо отозвавшимся крестьянином, тогда же мы привлекли на свою сторону 2-х братьев Михайловых Ѳ. и Н., учеников младшего класса технич. училища, в деревню к которым мы так же заходили.

После пасхи мы усиленно вели подготовительную работу по организации кружка учащихся в техни

ческом училище в надежде оставить по себе „потомство“. До нашего выпуска из училища мы имели человек 7 учеников, которые охотно брались за чтение новых писателей и которым, с осторожкой, наедине и под строжайшим секретом, можно было дать один—два нелегальных листка. Перед нашим выпуском из училища в мае было с ними устроено одно собрание, где совместно прочитали одну из нелегальных брошюр М. Горького „Весенние мелодии“. Этим кружок спаялся. Оставалось давать ему направление и вести за ним наблюдение.

Из того кружка сейчас хорошо остались у меня в памяти лишь 2 брата Михайловых, Борисов А. В., Иванов П., Минаков и Дмитриев.

В 20 числах мая, перед последним экзаменом, случился наш первый провал,—не кружка, а только Фетисова и меня.

Провалил нас швейцар,—в свое время высланный из Петрограда рабочий.

Мне лично в привлечении наших членов кружка и вообще по пути пропаганды приходилось подходить к людям осторожно и завоевывать их исподволь.

Фетисов, обладая редким темпераментом и такой же энергией, часто брал людей, что называется,—силой. Это ли было причиной, поддался ли он на репутацию высланного и довольно интересную личность швейцара, но ему—Фетисов нередко давал кое какие листовки, в том числе большой литографированный том Л. Толстого—„Царство Божие внутри нас“.

Последнюю книгу швейцар долго не возвращал под разными предлогами. Наконец возвратил, а на

другой день с экзамена вызвали к начальнику училища сперва Фетисова, а затем меня.

В кабинет к начальнику М. В. Преображенскому меня привел надзиратель Х. И. Иссинский.

Я застал метающего громы начальника и нахохлившегося Ваську.

— „Какие вы книги с Фетисовым читали и раздавали читать?“—крикливо и резко отрезал мне начальник училища.

— „Читали Горького, Пушкина, Гоголя, а раздавал их инспектор“, был мой ответ.

— „Что-о?!“

К Фетисову:- „Так вы не сознаетесь? Смотрите, потом не тужите!“—„Хрисанф Иванович! позовите швейцара“.

— „Слушаюсь!“ — коротко, конфиденциально, Вошел швейцар с‘ежившися, крадущейся походкой, смотрящий куда то по сторонам.

—„Какие книги давал Вам этот молодец?“

—„Вам известно какие, Ваше В. Б.!“

—„Я никаких не давал!—перебивает Фетисов“

— „Видите!“—обращаясь к обоим.

—„Можешь идти!“—приказал швейцару.

Швейцар ушел. Следовала длинная пауза.

— „Ну-с, вы будете и теперь отрицать? Спрашиваю вас последний раз?“—взгляд на Фетисова.

— „Да, отрицаю!“

Поворот головы ко мне...

— „Я ничего не знаю и не понимаю, в чем дело“, ответил я.

— „Значит, нечего с вами говорить...—Хрисанф Иванович, пойдите и попросите по телефону жандармского полковника, сдать этих молодцов!“

Надзиратель ушел. Начальник опустился на стул, взял руками голову и, опершись на стол локтями, молчал. Мы переглянулись, обменявшись твердыми взглядами... Жуткая минута—все пропало: экзамены, мечты и будущее.

Прошло минут 5, и мы увидели доброе, ласковое и грустное лицо Михаила Васильевича, так ему несвойственное. Затем услышали тихий прерывающийся голос:

— „Я знаю... есть кружки учащихся. Был я и сам молод, увлекался. Бывал на всевозможных сходках. Вот прошло с тех пор десятки лет. Многие испортили себе жизнь. А все—плетью обуха не перешибешь. Не знаю, что вас толкает на этот путь. Мне вас жалко. Хочется предостеречь. Вам через 3 дня выходить из училища, а я должен передать вас в руки власти. Скажите мне по совести, почему вы не сознаетесь. Я думал, вы раскаетесь и по долгу службы обязан поступить с вами так, как приказал надзирателю. Вы видите, что нельзя доверять. Он сказал про вас мне. Если бы вы сознались, может быть уладили бы дело. А теперь, скрой я вас, он выдасть и меня“.

Мы не перебивали.

Так, с двумя-тремя паузами, мы выстояли около полчаса, забыв даже об ожидаемом приезде жандармов.

„Бог вам судья!“ закончил, Михаил Васильевич. По очереди троекратно расцеловал обоих, перекрестил и отпустил напутствуя: „пусть останется между нами, ни слова швейцару... берегите себя!“

Урок не прошел даром. На протяжении нескольких лет мы работали благополучно, пока не пришел первый вал революции.

II.

Через три дня после описанного выше события, наш выпуск получал в училище назначение на практику. Все получили места и профессии, заранее избранные. Нам же было отказано. Меня назначили в оборотное депо Ряжск II, а Фетисова—в Службу Пути на ст. Алексин.

Мы были в отчаянии: Фетисов больше года готовился к поступлению в Реальное училище с целью через него перейти в высшее учебное заведение. Вне г. Калуги он этого сделать не мог.—Мне предстояло поддерживать семью, живущую в двадцати верстах от города, кроме того, моей мечтой было серьезно заняться поработать в области электротехники.

Обратились к начальнику училища... На все наши доводы ответ был ясен... нас раз'единяли и высылали. Только на третий или четвертый день Михаил Васильевич согласился не препятствовать, если Управление Дороги согласиться нас оставить в г. Калуге. Управление согласилось назначить в мастерские при ст. Калуга, при условии согласия принять нас сверх штата начальником мастерских Саввиным.

Упросили... Оказалось, что из нашего и предыдущего выпуска техников в мастерских решено было образовать бригаду в 11 человек по самостоятельному ремонту паровоза. Ничего лучшего нельзя было и ожидать. Мы могли начинать работу в группе старых товарищей по классу, на элементарную честность и долю товарищеского чуства

которых можно было положиться. Бригада эта составилась из техников: Герне, Живилова, Циглер, Нефедьева, Якушова, Гуськина, Фетисова, Баташова, Баранова Д., Милованова и меня. Из них никого в то время нельзя было считать своим на столько, чтобы можно было, хоть одному, дать нелегальную листовку; посвятить же в наши главные намерения среди рабочих совсем не представлялось возможным.

В первые же дни работы в ж. д. мастерских, Фетисов отказывается от мысли поступления в Реальное училище. Обсуждался этот вопрос между нами и был разрешен по простым сооображениям, что революционную работу успешнее вести в рабочей блузе, чем инженером или даже техником.

На совещании нашей тройки (с Петровичем) решено было: прежде всякой агитации среди массы листками, главным образом, начать агитацию и распропагандирование отдельных лиц. Создать организацию хотя бы в виде кружка, который бы, при случае нашего провала, мог бы послужить связью с рабочими мастерских. В то же время кружок техников в училище связать через Петровича с кружком семинаристов, для чего Борисов А. непосредственно был связан с Петровичем, но в нашу тройку не входил. На работу среди учеников техников решено было обратить самое серьезное внимание, так как они естественно должны были идти на смену нам и вообще выходили из училища в гущи рабочей массы.

В июле 903 г. работа в кружке техников замерла с раз'ездом учащихся на летние каникулы. Петрович уехал на время в деревню. Но за это время к нам примкнул высланный из Смоленска, рабочий Прохор Зотов („Зотыч"), работавший на заводе Киселева или

Грибченкова. Для пропаганды среди рабочих на лето мы получили через Петровича от семинарского кружка десятка 2 брошюр и этим пробавлялись до осени, иногда что нибудь перехватив у местной интеллигенции.

Связь с интеллигенцией установилась приблизительно в конце июня. Не помню кем, но однажды мы с Фетисовым были приглашены на собрание местного „кружка“.

В начале мы думали, что входим в местную партийную организацию. Помню наш священный трепет, „посвящаемых“, но оказалось, что это просто кружок интеллигенции, разбавленный полдесятком учащихся. Первое собрание было за рекой. Нас с Фетисовым на Живом мосту встретила В. Доброхотова и указала дорогу. Если не точно, то приблизительно помню состав этого собрания:—Доброхотовых двое,—брат и сестра, Никифоровых два—брата и сестра, Роганова, Громова, Купецкие мать и дочь, Вознесенский (Жор) кажется С. Н. Преображенский (Николдон). Нахалова, Щепетова и еще человек восемь-десять. Видимо это собрание было первым, не подготовленным. Докладчиком были—Роганова и Жор. Доклад был посвящен еще живому событию об убийстве Балмашевым Сипягина: несколько слов из истории партии и борцов и заканчивался предложением данному собранию положить начало местной организации в виде кружка, в котором предполагалось выработать программу рефератов, (поручая это отдельным членам), о революционном движении в России и за границей, разбор программ партий, по истории культуры и политической экономии. Тут же стал вопрос о прохождении политической экономии и приглашении, как лектора, Фосса.

Мы с Фетисовым на этом собрании не раскрывали рта, но на обратном пути с Жором завели разговор о приглашении в кружок рабочих, имея в виду ввести Зотыча и двух—трех из ж. д. мастерских. Жор отнесся неопределенно, высказав сомнение в пользе для рабочих от этого кружка, где будут зачитываться рефераты, вряд ли понятные для неподготовленных рабочих.

Петрович к вхождению нашему в кружок отнесся холодно, процедив сквозь зубы лишь одно слово:— „Лабудистика".

Недели через две—то же собрание в сокращенном виде сделало прогулку по Оке на моторной лодке Доброхотовых,—были кто то из Никифоровых, Роганова, Громова, Доброхотова, Жор, студент Агуров с товарищем. О кружке разговоров не было, но в личных беседах с отдельными лицами мы заводили разговор о приглашении рабочих, но сочуствия не встретили.

Следующее собрание произошло с приглашением еще новых лиц, всего до 20—25 человек. Читала реферат Роганова. Тему не помню. Между прочим, на этом же собрании постановлено: **вести протоколы собраний** с мотивами—„**оставить истории следы и потомству** (революционному, конечно) **опыт.**"

Мы набрались смелости открыто поднять вопрос о приглашении рабочих.

Вопросом живо заинтересовалась Никифорова Е. и Циолковская Л. Роганова выступила против по всевозможным конспиративным условиям, между прочим и по предшествовавшим соображениям Жора. За недостатком времени вопрос был перенесен на следующее очередное собрание, которое произошло на

кв. Купецкой у Загородного сада и почти целиком было посвящено этому вопросу. Решительно на нашу сторону перешли Циолковская, Никифорова, посредственно поддерживали Никифоров А. Д., Купецкие и один два человека из остальных. Вопрос таким образом провалился. Мы заявили, что из кружка выйдем. В конце августа мы уже не считали себя его членами поддерживая связь лишь с отдельными лицами: с Никифоровым до некоторой степени идейные и товарищеские; с Жором, Рогановой, и „Николдоном“—по литературному делу. Но этим за лето не ограничились наши „встречи“. Разочаровываясь в интеллигенции и, видя, что кружок собирается только в будущем стать партийной организацией, мы искали тот таинственный орган, который ставил свою печать на брошюрах, попадавших нам в руки,—именно: „Калужский комитет социал-демакратической партии“.

Больше месяца мы допытывали о нем всех встречных и поперечных и только в начале августа нашелся, товарищ, устроивший нам знакомство с „комитетчиком“. Дело происходило на бульваре после гулянья в одну из темных ночей под елочками у фонтана.

Подходили мы так же с некоторым волнением новичков, как при первой встрече с интеллигентским кружком. В темноте нам сунул кто-то в широкополой шляпе руку и что то пробасил.

Заговорили... Начав наш разговор до некоторой степени отвлеченно, мы скоро вылили свою тоску по настоящему делу и комитету.

Личность под шляпой запустила обе руки в карманы и, с не совсем скромным апломбом, но доста-

точно громко, чтобы заставить нас оглянуться, заявила: „хорошо, я доведу до сведения о вашем желании и если вы окажетесь достаточно подходящими людьми, мы вас примем в организацию".

У меня екнуло в сердце, но... все таки казалось странным, что о таком „важном деле", так просто и почти небрежно, говарила „шляпа".

Мы подняли вопрос о литературе... о необходимости выпуска прокламаций и получали короткие ответы.—„Будет, сейчас мы заняты более важным делом".

На этом кончили, назначив через несколько дней свидание на том же месте. К следующему свиданию мы узнали его фамилию. Это был П. Баташов—родственник токарю ж. д. мастерских В. М. Баташову (впоследствии член. с.-д. фракции 2-й Госуд. думы).

Встретясь там же, заговорили об организации. К нашему удивлению „комитетчик" заговорил, что партии С. Д. и С. Р.—ерунда, что он думает создать что то более высокое и всеоб'емлющее, а что,—покамест он держит про себя и выскажет лишь через некоторое время.

Попробывали поговорить о прочитанных нами брошюрах. Ответы его так же были странны и выражались либо в малопонятных афоризмах, либо просто—тем же словом—ерунда. Нам даже показалос, что он некоторые из них не читал.

Проговорили часа два безрезультатно и решили, что мы не туда попали или нас считают не достойными внимания. Этим все и кончилось.

В начале осени произошел еще случай, оттолкнувший нас еще больше от интеллигенции и после

которого мы пришли к окончательному выводу, что за небольшим исключением в Калуге ничего путного нет.

Состоялась вечеринка в д. Колесникова. Ожидался Луначарский. Мы были приглашены и потащили с собой Семена Макаровича Пшенай—Северина.

Билет... Пороль... Проходим. В доме полно. Пестрота не хуже провинциального дворянского собрания. Духота, буфет и сутолока, напоминающая театр. Дамы, барышни, семейные мужчины, гимназисты от 5 класса, чиновники, юристы и пр. и пр. Осталась в памяти одна особочка в кисейном с бантой и красной лентой через плечо.

Полно всякого разговору. Тут и весь ареопаг кружка; тут и Фосс—будущий лектор.

Мы шныряли в надежде найти интересных лиц и товарищей, у кого можно было бы, при нашем безденежье перехватить „пол лика“ для буфета.

Видили Титова за стаканом чая с интеллигентами Он довольно осанисто восседал за столом и к нам отойти не мог. Полтинника не достали, а когда прослушали декламацию дамы с бантом и пение „не смейся, паяц“, терпения не хватило ушли.

Дорогой журил нас Семен Макарович, за аскетизм и необщественность, убеждая что на таких вечеринках устанавливаются связи и сплачиваются силы. Мы остались при убеждении, что потеряли вечер, не пройдясь к рабочим.

В начале сентября или конце августа вернулся из деревни Петрович. Сейчас же мы сплотились в одну группу, т. е. Петрович, Фетисов, я, Зотыч и П. Никитин—рабочий ж. д. мастерских. Перед нами

стояли вопросы: об организации кружка ж. д. рабочих, о возобновлении кружка техников о переходе к широкой агитации среди рабочих и о том, чтобы во что либо свести распыленные одиночные связи среди рабочих мелких заводов в городе и учащихся в различных учебных заведениях, помимо семинарии и технического училища.

III.

Вступая в новый период работы, мы спешно организовывались, расчитывая использовать все связи и средства. Кружок техников быстро с'организовался, пополненный еще новыми членами— как то: Кизиком, Покровским, Ивановым II, и др. За некоторым исключением весь кружок был товарищески тесно спаян, хорошо конспирировался, но вне стен училища активной работы проявлять не мог и часто сам нуждался в идейном руководстве.

Организация семинаристов, об'единявшая вокруг себя несколько своих кружков, вела серьезную пропагандистскую работу в своих кружках; через тов. студентов она имела сносные связи с Москвой и др. городами, дававшими им возможность относительно правильно снабжаться литературой и периодическими изданиями в роде „Искры", с естественным, конечно, опаздыванием на один—два, а иногда и три месяца. Кроме этого, всеми членами у них строго осуществлялось правило: „что попало в руки—не выпускать, а давать только на срок". Для нашей группы к их, по тому времени солидной библиотеке, доступ был открыт. Но и тут „Петрович" был аккуратен—все на срок.

Одной семинарской библиотекой обойтись мы не могли. Выйдя формально из кружка интеллигентов, с некоторыми лицами мы все-же связи не порывали и периодически делали набеги — достать две—три

брошюры, узнать новости. Но был момент, немного раньше, когда мы с Фетисовым и этого не могли делать. Беда заключалась в том, что по окончании теоретического курса в училище перед поступлением в мастерские, у нас двоих насчитывалось ровно 6 рублей, а у „Петровича"—„вечный не разменный пятак". На эти деньги нам предстояла перспектива прожить два месяца до получения первого жалованья. Безплатную „квартиру" нам предоставил в четырех этажной беседке в своем саду наш бывший воспитатель по ж. д. училищу Семен Ма́карович Пшенай - Сиверин. Что же касается питья, пищи и всего прочего, то ровным счетом,—не больше не меньше с железной дисциплиной мы расходовали на двоих по 16 копеек в день.

Конечно, при этих условиях досталось от наших нашествий и саду и огороду Семена Макаровича. Доставалось не только библиотекам, но и чаям интеллигентов, к которым мы были вхожи. Но когда оба остались без сапог, и начали ходить в мастерские Фетисов в „опорцах" а я в галошах, когда даже рабочие не пропускали нас мимо в цехе без окриков: „Максим Горький", „Толстой", хождение к интеллигенции неволно пришлось прекратить. Лишь Семен Макарович на нас весело посматривал, улыбался в ус и подбадривал: „Ничего, ребята,—заживем"! Мы, правда, не смущались и даже на бульвар по вечерам лазели через забор и жалели, что таким же путем нельзя ходить к нашим товарищам интеллигентам.

Обновив купленные в день получения жалования сапоги, мы в первую голову направились к С. Н. Преображенскому. Застали его в собственном чистеньком флигелечке за зубрежкой какой то брошюры Каутского. Вывели заключение, что к реферату в

кружке готовится. Он нам дал адрес, где мы кое что получили из литературы. Так и ныряли по всем, стараясь потом не возвратить под разнами предлогами или совсем глаз не казали, смотря по человеку.

Так „Жор“, например, нам не особенно нравился и его мы старались обирать безвозвратно, хотя и он был человек в свою очередь настойчивый и аккуратный, любил так же „зацепить“ у других и не сразу отдать.

В агитационной и пропагандистской работе приходилось нам встречаться с учениками и ученицами гимназий и реального училища, но после двух—трех нелегальных брошюр мы старались тем или иным путем сбыть их в кружок интеллигентов.

Встречались и такие, которые сами не имели склонности идти в интеллигентный кружок и предпочитали поддерживать в то время связь с нами, как например, Ломакина и Преображенская—ученицы казенной гимназии, постоянные жительницы г. Козельска. Впоследствии через них отчасти были завязаны связи вообще с Козельском.

Лично я сделал попытки завязать связь с мужской гимназией и реальным училищем. Из гимназии на первое собрание пришли: Высоцкий с двумя ему близкими товарищами, а из реального—Семенов.

Все оказались людьми „без огня“, читать брошюрки читали, а к делу склонности не проявляли; кроме того, были из последних классов и пришлось бросить.

Лишь потом в 904 году принял участие в работе перифереи Группы Нахалов—„Аграрий“ ученик реального училища, где сорганизовался небольшой кружок, по выражению „Агрария“—одно горе.

Все эти связи и кружки, за исключением семинарского, идейно были не сильны и не богаты даже лицами, но все-же приносили большую пользу Группе в технической работе хотя-бы тем, что-бы найти средства, передать литературу разбросать по всему городу прокламации, сострянать гектограф и пр. и пр.

Самый же центр работы был основан в мастерских ж. д. при ст. Калуга.

К началу октября здесь сорганизовались небольшие 3—4 групки по цехам, остановясь лишь на чтении нелегальной литературы и подпольной кропотливей агитации и пропаганде по привлечению новых членов. В полном же смысле партийной работы не было.

Группа сознавала, что без широкой массовой агитации, без идейной и организационной работы в кружках, она обречена на мертвячину и деморализацию в среде рабочих. Некоторые рабочие как, например, Титов, с небольшой групкой конспиративно поддерживал связ с интеллигенцией и, по первому впечатлению нашему, был немного уже „заморожен", способен больше на конспиративные беседы и „чаепитие", чем на активную работу. Так же не более развит был токарь мастерских В. М. Баташов, впоследствии член с.-д. фракции во 2-й Государственой Думы, избранный от Моршанских мастерских по Тамбовской губернии. Хороший товарищь, но вообще по своему культурному уровню и духовным запросам на столько отошол от рабочих, что, естественно, при медленном темпе и узком масштабе работы, не мог уйти в нее с головой, и на половину пробавлялся гуляньем к интеллигенции и даже к С. Р.

При таких условиях оставался один выход—звать интиллигенцию или семинаров.

Лучшие, по нашему мнению, Никифорова, Циолковская, Купецкая и пр. раз‘ехались из Калуги по университетам и курсам.. Пришлось семинаристам поступиться своей „схимой“ (отщепенство).

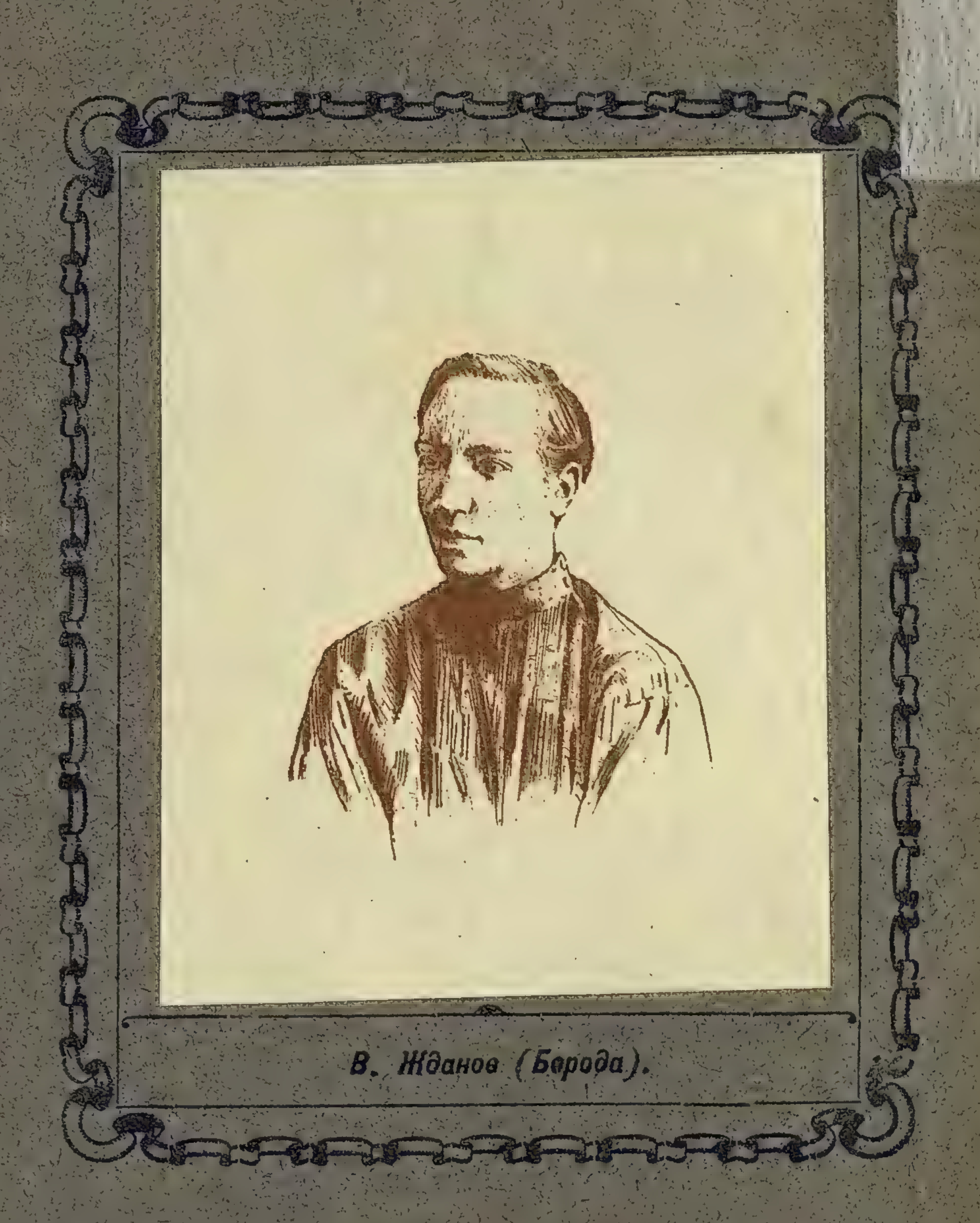
Первым пришел полноправным членом „Бак“— Крылов А., а на помощь по издаиию прокламаций „Борода“—Жданов В.

К этому времени из беседки мы перешли на новую квартиру—Стар. Козинка, д. Ворончукова (площ. № 11 Фурье) Произошло несколько собраний с наиболее сознательными рабочими от мастерских по вопросам, как организовать разброску прокламаций, а главное, с чего начать, чтобы глубже и шире захватить массы. Решено было начинать исподволь, т. е. начать с освещения экономического гнета рабочих и произвола местной администрации.

Собрания происходили вечером. Окна помимо ставен завешивались одеялами, приход и уход членов так был обставлен, что в течении почти года хозяева квартиры не встретили у нас ни одного человека. Текст первой прокламации был выработан не сразу. В течение 2—3 недель пришлось собирать информационный материал по цехам, чтобы конкретно указать на всю неприглядность жизни рабочих в мастерских и выделить особо свирепых сатрапов администрации.

Сварили несколько гектографов, достали гектографскую ленту, несколько стоп бумаги и все пр.

Оставался вопрос, от чьего имени выпустить обращение к рабочим. Только после 2 собраний с приглашением новых рабочих было решено подписать просто, „Группа рабочих“, поместив впереди лозунг:

В. Жданов (Борода).

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь". Предполагалось за первой—выпустить вторую, третью и т. д., с тем, чтобы к новому году выпустить прокламации за полной подписью Группы Р.С.Д.Р.П., переходя к этому названию постепенно.

Больше недели ушло на письмо и гектографирование. Работали: Фетисов, я „Бак", „Борода" (изредка приходил „Петрович" и Никитин Н.) обыкновенно с 8 часов вечера и до 4-х утра.

Не забывается момент первой копии. Взял „Бак" первую страницу оригинала, распростер над гектографом и разразился мягким баритоном:

— Святителю отче Николае, моли бога о нас.

— Яко мы усердно к тебе прибегаем—поддержали мы, поддаваясь веселому порыву в ущерб завешенным окнам и пр. приемам конспирации.

— Сто пятнадцать—отчеканил через час „Бак" —вот что значить Николай угодник, иначе больше восмидесяти не снимешь.

— Пятая страница—сто сорок,—добавил Жданов. Работа кипела.

Когда, через неделю бессонных ночей, было отгектографировано больше 800 экземпляров прокламаций в 6 или 8 страниц, решено было день отдохнуть и навести порядок в квартире. Гектографы, чернила и бумага унесены, пол и столы замыты, полный мешок прокламаций сложен в пачках по 20 штук под кушеткой. Ночь выспались на славу. Потом к 12 ч. следующей ночи созваны были 2—3 техника, человек 6 рабочих и мы.

Разделили прокламации. По 2 человека должны были разбрасывать их по намеченным рабочим квар-

таlам города: Стоял бесснежный морозный ноябрь,— ночь полусветлая. Как тени обходили мы (я и „Х....в.“ уехал потом в Сибирь) Пятницкую, Солдатскую и Васильевскую, пугая временами собак. Лучшим способом оказался—подсунуть прокламацию между окном и ставнями. Не обошлось и без курьеза. Принимая за сени одну развалюшку, мы проникли в дом и пришлось ретироваться в темноте под окрики какого то, видимо сапожника. Покончив дело, 2 экземпляра прокламаций занесли и подбросили Щепетовым и Колесникову.

В 4 часа утра я лежал дома на кушетке в ожидании Фетисова ходившего на Московскую, Ветку и Пески с Никитиным. У них так же все обошлось благополучно. Весьма не кстати проспали до 10 утра.— отсутствие в мастерских могли связать с этим событием. Наступивший день должен был утвердить нашу веру в начатое дело или принести новые сомнения.

IV.

Вечером, сойдясь на конспиративной квартире, мы переживали счастливые минуты.

Прокламация была очень удачной. Рабочие широко захвачены, особенно реагировали на то, что в ней „хватали за бока“ администрацию. Последняя присмирела. Настроение рабочих приподнятое. Попала прокламация и во многие учреждения гор. Калуги, в том числе Управление жел. дороги, мастерские сл. движения на Васильевской улице и по заводам. Кроме того, мы представляли в каком смущении жандармы не больше 2—3 недель тому назад произведшие большие аресты среди интеллигенции, когда были арестованы члены так наз. „Комитета“ и некоторые из известного нам кружка. Не меньше,

вероятно, был смущен, провакатор Песоченский проваливший „пустой комитет“ и прозевавший группу.

Конечно, полиция и жандармы должны были рыскать и поэтому всякая работа и собрания недели на 2 были прекращены. В эти праздные дни мы занялись „стрельбой“ за знакомыми гимназистками или просто, по выражению загородносадского городового,—„буровили“ по улицам, спугивая иногда парочки.

„Буровить“ долго не пришлось. В массе рабочих с выходом первой прокламации назрел ряд вопросов и даже конфликтов с администрацией. Не только рабочие, имевшие двух или 3-х степенную связь с группой, требовали новых листовок, но даже в широкой массе рабочих не редко можно было слышать имя группы и ожидавших от нее **чего то еще**.

Так, например, в арматурном отделении токарного цеха по случаю низкого процента заработка по вине бригадира вся бригада волновалась; садила по местному выражению „в душу“ бригадного и не редко пожилые рабочие со вздохом досадовали: „чего это нашего старого идола не протащили, авось посмирней был бы“. Примерно, то же происходило и в др. цехах. Ряды рабочих, стоявших за группой сразу пополнились на добрый десяток. Партийной литературы не хватало. Кое-как, доставаемая из Москвы и от местной интеллигенции немедленно расходилась по рукам.

Поднялось настроение и у группы.

На первом же собрании решено было издать еще ряд листовок местного значения на злобу дня и общеполитических, при чем при издании их к под-

писи „Группа рабочих“ постепенно добавляли названия „социалистов“, а в декабре по счету 3 или 4 прокламация была подписана полным именем „Калужская Группа Российской Соц. Демократич. Раб. Партии“.

Через неделю или полторы после первой прокламации и в момент печатания второй, каким то образом узнал наш личный адрес (в то же время это была и конспират. кв.) и пришел к нам член интеллигентского кружка С. Н. Преображенский.

Его приход нас не удивил. Нам было известно, что некоторыми членами интеллигентского кружка был поднят вопрос о сношениях с нами.

Преображенский заговорил о нашей прокламации, о „странной“ подписи (группа рабочих), о нецелесообразности нашего ухода из кружка, о том что мы взяли яко бы ложное направление „постепеновцев“, „экономистов“ и о проч. подобных вопросах еще живых в то время в партии.

Наш ответ в целях конспирации был прост: „мы не знаем, кем выпущена эта прокламация, но предполагаем действительно некоторую группу рабочих, с которой старается связаться“.

Разговорились вообще о партии и партийной работе и, хотя мы, мало имели материалов о II с‘езде, но все же обнаружилось некоторое между нами разногласие в вопросе **каковой должна быть партия.**

Мы решительно были против **опеки рабочего интеллигентскими кружками** и вообще против того чтобы вручать „дирежорскую палочку“ законспирировавшимся центрам—фактически на местах нескольким „умным марксистам из интеллигенции“ В переводе на партийное место мы оказались сторонниками „меньшинства“ II с‘езда.

Тем этот разговор и кончился.—Принципиально не сошлись, а практический вопрос отпал с нашим заявлением, что мы не знаем авторов прокламации.

Видимо Преображенский нам не поверил и ушел снисходительной улыбочкой.

Следующий ряд прокламаций издавался на разных квартирах,—главным образом у нас и на Горшечной улице в д. Кусковой, где жил семинарист К. Виноградов с небольшой компанией учеников.

В этих прокламациях освещено было все стачечное движение 903 года и лозунги рабочих в этом движении. Затем о борьбе рабочих за границей, о профессиональных союзах и рабочей партии, В этих прокламациях не изменно звучал призыв к рабочим давать отпор всем, вступить в борьбу, сплачиваться в легальные и нелегальные профессиональные союзы и Р. С. Д. Р. Партию.

Распространялись они тем же способом, что и первая с той только разницей, что перед разброской не устраивались общие собрания своеобразных почтальонов, а заранее разносились к ним на квартиры. Этим, на случай провала кого либо во время „действия", предупреждалась возможность на допросах провалить другого, как это происходило, по слухам, с провалом „комитетчиков", и кроме того, разносчиков увеличилось до 25 человек—частые собрания которые сами по себе могли привести к провалу. Не обошелся без истории и этот способ. Так, один из нас взяв однажды на Горшечной до 200 листков и засунув их за пояс под пальто, с „брюшком" он пошел найти одного из товарищей на катке у Плотины. Прошмыгнул без билета на каток; встретил одного сознательного техника и попросил его найти кого надо. Техник, ни-

чего не подозревая, предложил ему кресло и пустился с ним по катку. На повороте катастрофа... кресло вверх полозьями, оба кубарем по льду, а прокламации пачками во все стороны. Налетевшая публика помогла подобрать. Товарищ, начинив снова „живот", чуть не бегом „дунул" по снежному оврагу, изобразив толстяка необыкновенной проворности.

Работа по печатанию прокламаций требовала большого напряжения, почти абсолютной тайны издания, много средств и достаточное число „техников". Группа была незначительна и еле справлялись с задачей; в то же время прилив новых рабочих требовал довольно продолжительной обработки их в кружках. Снова выплыл вопрос о расширении самой Группы и увеличении числа пропагандистов для кружков, дабы подготовить хотя бы некоторых рабочих к организационной и агитационной работе.

На помощь пришли опять семинаристы. В группу вошли К. Виноградов и И. Сергиевский, но немного раньше стал отдаляться рабочий П. Зотов. Причиной ухода послужило его страстное увлечение религиозными учениями с их нравственной стороны. В нашей тактике и проповеди безпощадной борьбы он видел опасность воспитания у рабочих классовых эгоистических сторон психики; сам как будто безбожник, он находил вредным смело и громко отрицать бога и проповедывать борьбу; по его мнению христианскую мораль надо для массы сохранять, очищать от поповских искажений, а классовую борьбу вести, не отмежовываясь от религиозно-нравственных учений и наоборот, вводить эти учения для облагораживания личности и самой борьбы.

Этому вопросу было посвящено особое заседание Группы в присутствии Зотыча.

Когда для него И. Сергиевский изложил сущность материалистического мировоззрения и тактику Группы, Зотыч заявил, что он остается при своем мнении, надеется на деле оправдать правильность своих взглядов, и постепенно отдалился от Группы. Отойдя от группы, Зотыч собрал около себя кружок особых искателей, а летом 904 г. покинул Калугу, не оставив связи своего кружка с Группой.

Временами и медленно пополняясь работниками, Группа чувствовала недостаток сил. Безсонные ночи за печатанием прокламаций, на заседаниях, в кружках, не оставляли достаточно времени даже на прочтение самых новых брошюр и вообще на личную подготовку, к тому же и имевшаяся литература постпенно затаскивалась. Необходимы были работники, литература и связи с Центром. Для выхода из положения на Рождественских каникулах (мастерские не работали в те года так же по 2 недели), решено было установить связи с Центром. Хода к Центру кроме как через интеллигенцию, казалось, не было. Пойти к ним—значило обнаружить себя и вряд ли чего либо добиться.

Пришлось попытать счастья связаться с Центром через Тульскую организацию.

Фетисов и я отправились в Тулу; через день догнал нас в Туле Н. Никитин. Действуя через родственников В. М. Баташова и его лично, нам удалось установить [посредственную связь с Тульским Комитетом, через него направить свои пожелания получать от Центра литературу и войти Группой в партию.

Результаты этой поездки сказались не сразу. Литературу в небольшом количестве мы стали полу-

чать, что же касается правомочий на **местную партийную организацию**, то при наличии в Калуге интеллигентского кружка, так же очевидно претендовавшего на это право, ожидать пришлось приезда из Ц. К до осени 904 г.

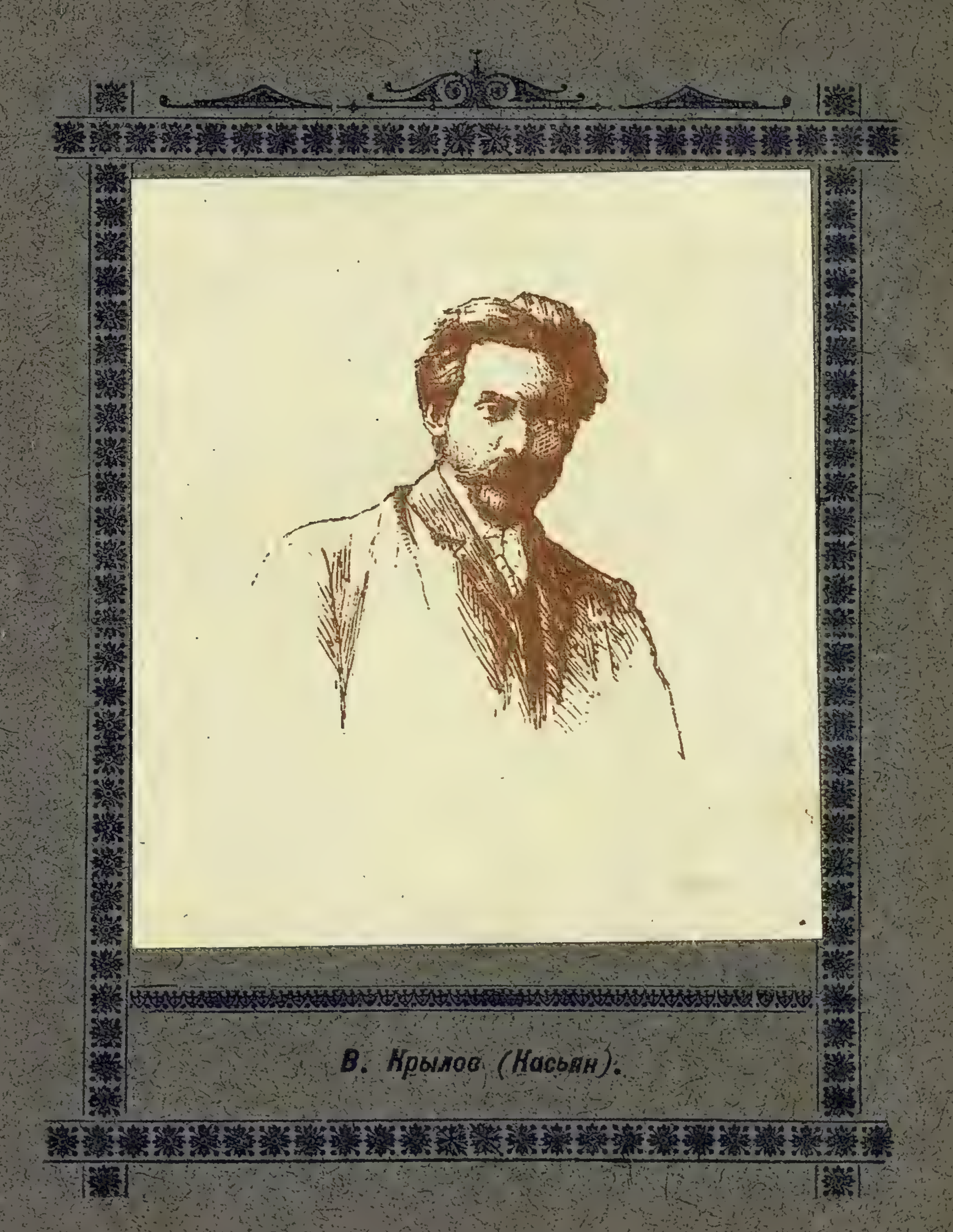
Поправив, с получением нелегальной литературы кое как дела, мы сносно протянули до конца апреля 904 года.

Самым существенным был вопрос об идейных силах и пропагандистах.

Снова пошел на уступку семинарский кружок и выделил для постоянной работы двух товарищей, вошедших в Группу,—Жданова В., раньше принимавшего участие только в печатании прокламаций, и В. Крылова, брата „Бака",—под кличкой „Касьян". Последний, не смотря на свое позднее вступление в Группу, занял в ней до конца одно из видных мест по своей широкой и серьезной марксистской подготовке. С нашей стороны в Группу были кооптирован А. В. Борисов, пробывший в ней очень недолго, и кто то из рабочих.

Таким образом к маю 1904 года Группа без перефирии и кружков состояла из Фетисова, меня, „Петровича" (Лихачева), „Бака" и „Косьяна" (Крыловых), Сергиевского И., Виноградова К, „Бороды"— Жданова, Никитина Н. и кого то из рабочих.

В Группе этого состава Фетисовым был поднят вопрос о приглашении в качестве пропагандистов в кружках—членов кружка интеллигенции. Собрание происходило за рекой. После жарких дебатов, большинство высказалось против, но тут же был поставлен вопрос об организации типографии и ряда „массовок" рабочих.

В. Крылов (Касьян).

В средине апреля учеником технического училища Покровским мне было предложено приобрести в г. Скопине литографский камень.

21 апреля я выехал в качестве практиканта техника по ремонту телеграфных линий на участок Пенза—Сызрань, взяв на себя поручение привесть камень.

Здесь нужно сказать, что я из ж. д. мастерских с одной стороны под давлением нач. мастерских, с другой с целью расширить агитацию и связи я в конце ноября 903 г. перешел на службу в телефонно-телеграфные мастерские С.-В ж. д.

Уезжать от работы и товарищей не хотелось, тем более, что лето обещало быть интересным.

Перед от‘ездом мне о многом хотелось окончательно договориться. Особенно мучил вопрос о слиянии, о помощи работниками со стороны интеллигенции. Хотелось вырешить его с чистой совестью.

Успокоил меня „Касьян“ ответом, напомнив однажды сказанную фразу Колей Никитиным при особых обстоятельствах, а именно: разбрасывали мы как то в конце зимы прокламации и по обыкновению по дороге домой подсовывали в окна нашим интеллигентам, подошли к дому, где жили Х—ы в 4-м часу и увидели в окнах свет и полуоткрытую форточку.

Мигом я за ноги подсадил к форточке Колю и тот, заглянув в окно, забрыкал ногами; я торопливо опустил его в недоумении на землю. На мой вопрос в чем дело, он взял меня под мышки и повлек на окно к форточке. Я поднялся, заглянул и... еле сдержался от смеха: две знакомых с—дечки

в самых откровенных костюмах возились у постели, перестанавливая ее на другое место; третья в таком же виде сидела на другой постели, заплетая волосы и подняв к подбородку колени.

Первым моим порывом было бросить прямо в них прокламации, но сдержался и по примеру Коли задрыгал ногами. Дождавшись момента, когда они улеглись и потушили огонь мы все-таки прокламации бросили, услышав окрик—„кто это?"

Дело, конечно, не в виденном; не одну сотню ставен нам приходилось открывать и не одну видеть сцену из семейного быта, после которых иногда хохотали, вспоминая, целую неделю. Насмеявшись вдосталь и здесь, мы молча возвращались домой. Чувствовалась весна. Мягко хрустел под ногами только что хлопьями выпавший снег, неясные думы и зовы овладели казалось нами, но вот на углу, где нам приходилось разставаться, Коля каким то не свойственным ему тоном изрек: „Нет... им никогда не понять нас. Борьба рабочего другая борьба... Они жертвуют собой и умирают по другим причинам, не так как мы".

Эта фраза и успокоила меня при от'езде.

V.

В Группе сами собою установились правила: где бы то ни было—в обществе или среди товарищей в переферии Группы, не подавать виду, что знакомы друг с другом; фотографическими карточками не обмениваться, обычную переписку не вести, на улице вместе не появляться. По этому от'езжая, я захватил лишь конспиративные адреса для дела и затем в течении 2 месяцев не знал, что делает Группа и что делается в Калуге. С. Покровским, предлагавшим

Вознесенский (Жор).

камень, был установлен шифр. Когда я от него получил утвердительный ответ и сообщил об этом в Группу, меня вызвали телеграммой—с присылкой 85 рублей. Телеграммой вызывался домой на свадьбу. Но приехал в Калугу я все же с пустыми руками: Скопинский продавщик камня в силу какого то случая продать не мог.

В Калуге меня ожидало много новостей: приезжали из Центра—связь установилась; Фетисов вследствие скандала с администрацией в мастерских уволен и уехал в Киев; Сергиевский уволен из семинарии и целиком может посвящать себя партийной работе; дела обстоять хорошо, в Группу намечено кооптировать новых членов.

Сдав деньги, захватив нелегальщины для своих рабочих на практике и для себя, я в тот же день уехал обратно в Сызрань.

Возвратясь в конце сентября, я застал Группу в разгаре работы. Между прочим она пополнилась новыми членами: Циолковской Л. К., Кизиком, (ученик технического училища) и Решетовым—типографским наборщиком, высланным за забастовку и демонстрацию из Москвы вместе с Н. Гавриловым, местным жителем, так же Московским наборщиком.

Под их влиянием устанавливались связи с типографиями, намечались партийные организации и профессиональный союз.

В кружках, правда не многочисленных, замечалось оживление. С интеллигенцией сношения не улучшились, а в связи вообще с партийным разладом после II с‘езда в центре и на местах, казалось пропасть между нами увеличивалась. Поговаривали о III-м с‘езде партии, как о вопросе принципиаль-

ном. Очередным практическим вопросом выдвигался вопрос организовать нелегальную типографию. Условия благоприятствовали, наборщики были; Решетов из типографии Семенова, а Сергиевский из Земской натаскали набор. По чертежам одного из товарищей центра, был сделан типографский станок; добыты все принадлежности. Оставалось найти место, где ее организовать и начать работу.

В средине ноября, как раз кстати при ст. Алексин открылась вакансия Надсмотрщика телеграфа, куда я мог попроситься.

Лично меня это не устраивало: семья жила в Калуге, и ехать в глушь не улыбалось, но другого выхода не было, и я туда переехал.

Задача была трудная. В железно-дорожном мире, а особенно в таком провинциальном уголке, обычно сослуживцы и соседи знают и видят друг у друга всю семейную жизнь, особенно любят ее подсмотреть и посплетничать.

В то время эта станция представляла из себя омут сплетен и дрязг. Все служащие разбились на 2 партии. Одна с нач. станции,—другая во главе с его помощником. Обе стремились сжить друг друга; интриговали, подстраивали пакости и доносили по начальству.

Меня, как нового человека, тянули на обе стороны, но мне пришлось воспользоваться этим в своих целях. Ни с кем—ни близких, ни семейных знакомств не заводить, проявить себя человеком замкнутым и необщительным, всегда в квартире на замке, а на любезные приглашения других отвечать решительным нелюдимым отказом. Так я себя и поставил.

Через неделю все меня оставили в покое, тем более, что по службе у меня много было работы в связи с передвижениями войск на Дальний Восток, часто я бывал в от'езде, а возвращаясь уходил домой „спать" до нового от'езда.

Все шло хорошо, но на мою беду приехал для бурения насыпи за мостом через Оку один мой знакомый, некогда оказавший мне большую квартирную услугу у себя дома в г. Калуге. Зашел ко мне и попросился на время в мою квартиру с 3 пустующими комнатами.

Отказать я не мог, да и было бы подозрительно. Пришлось принять, тем более, по словам знакомого недели на две.

За это время все типографские принадлежности и литературный материал были собраны, оставалось перевести ко мне, приехать туда же наборщику и приступить к делу, а в квартире жил посторонний!

Преодолевая смущение перед нарушением гостеприимства к человеку, которому сам в том же обязан, я предложил ему уйти, вследствие ожидаемого приезда яко бы моего двоюродного брата, психически расстроенного, иногда опасного и нуждающегося в абсолютном покое. Поверил ли мне Д., обиделся ли, до сих пор мне не известно, но ушел, предоставив свободное место Н. Гаврилову.

По железнодорожным правилам, как поселившегося в казенной квартире, пришлось прописать его у местного жандарма и также об'явить своим двоюродным братом психически расстроенным.

Прошла неделя—обжились затем поехал я в Калугу и привез сразу всю типографию с большим казусом по дороге. Отправляясь из Калуги в первом часу с

товаро-пассажирским поездом, после ряда безсонных ночей, закачало меня на мягком диване вместе с моими чемоданами, нагруженными до 6—8 пудов металла и бумаги. Проснулся... Поезд тронулся с какой то станции. Бросаюсь к замороженному окну и вижу вторую платформу „своей“ станции. Быстро выбросил на ходу вещи, соскакиваю, проходит поезд,—увы.. я выгрузился не доезжая до Алексина—на ст. Средняя.

Отчаянию моему не было границ. Следующий товарный поезд, по моим сведениям, должен был итти с рассветом, я должен был прибыть на свою станцию и выгрузиться при всем когалє служащих и жандарме. Делать нечего, со всеми вещами перешел в комнату дежурного по станции—знакомого старичка и насмешил его своим происшествием. В полудреме он мало обратил внимания на мой багаж и утешил меня справкой, что через час придет из Алексина товарный поезд с помогающим паровозом, с которым я могу добраться к дому.

Часа через полтора из Алексина пришел поезд с помогающим паровозом. Беру в помощь сторожа, перенести вещи. Паровоз спешит возвратиться. Мне помогает сам машинист Родионов, (бывший техник) и вдруг... задает мне вопрос:—„что это у вас за тяжести?“..

Я слышу как в его руках характерно в рогожном кульке пересыпается шрифт. Смущаюсь, но темь на паровозе скрывает мое смущение. Я отвечаю: „Гвозди... В квартире пусто, думаю сам взяться за отделку“.

— А это что же?, кивая головой на кассу, завернутую в одеяло, громоздкую, но очень легкую, спрашивает машинист.

— Крышка к ломберному столу. Делал дома, да не успел закончить.

Пристраивая на паровозе чемодан с валиком, бумагой и принадлежностями, весом не меньше 5 пудов, я чувствую что при всей своей относительной силе, не в состоянии скрыть от посторонних глаз его веса и сам отвечаю на молчаливый вопрос: „здесь у меня целая коллекция програмных работ из технического училища... ветрина, жалко было бросить в Калуге... память.

Паровоз тронулся и больше вопросов не было.

Через двадцать минут я выгрузился в Алексине, к своему удовольствию при полнейшем безлюдьи и в самой густой предутренней темноте.

Из боязни натолкнуться опять на какого нибудь доброжелательного помощника, решил сразу весь груз поднять на себя и перенести в квартиру.

С большим усилием, стараясь не шуметь, вхожу в квартиру.

Привернутый огонек лампы помог мне оглядеться и без шума опустить все на пол, но потом я не мог удержаться—так испустить дух из наполненной груди, что мой коллега Гаврилов вскочил с постели и растопырил спросонок в мою сторону руки. Ему померещился паровоз или „косолапый“, наседающий на него.

Остаток ночи был посвящен разборке, сортированию вещей и конспиративному распределению их в квартире.

На следующий день я уехал по участку в сторону Тулы, оставив Гаврилова разбросить из пластин шрифт кассу, по заведенному уже обычаю, заперев

его в квартире снаружи висячим замком, не смотря на то, что дверь имела врубленный в нее замок и запиралась с двух сторон.

Делалось это и раньше для того, чтобы случайного посетителя сразу повернуть от квартиры, а жильцов дома убедить в серьезности болезни (умолишенного) моего мнимого двоюродного брата.

Эта мера впоследствии оказалась очень удобной и предотвратила однажды провал.

Через неделю или две мы окончательно приспособили типографию в квартире.

Неудобства квартиры заключались в том, что она была смежной еще с двумя квартирами в общем казенном доме на 5 квартир. Нас отделяли от соседей лишь капитальные стены деревянного здания.

Звуки, например, кухонной посуды и пр., за исключением разговоров, к нам ясно доходили. Конечно, от нас то же. Возня с типографией могла быть слышна.

Особенно должен быть стучать валик, ходящий по набору в станке во время печатания. Так же могли быть слышны характерные звуки шелеста бумаги и разброски шрифта в кассу. К тому-же печатание могло производиться только ночью во время сна соседей, когда я был свободен от службы и находился дома, запирая на день Гаврилова для набора, бродя сам в поездах по участку. Ночью же звуки более резонируют и слышнее вообще за отсутствием шума в др. квартирах.

Пришлось при всякой работе приспособлять глушители звуков в виде подкладок под станок и кассу одеял, пальто и пр.

Мне не специалисту—типографу особенно интересной казалась тогда вся эта работа.

Первой пошла в печать партийная прокламация Ц. К. „Ко всем рабочим и работницам“ по поводу событий 9 января, печатанная нами в январе же.

Помню, как по заведенной традиции, наложив первый лист на набор, мы тихо пропели Святителю Николаю и прокатили вал.

Первый блин комом. Под движением вала своими позами по неподвижным рельсам, лист бумаги сдвигался, вместо ясного оттиска получались сплошные кляксы вдоль строчек.

„Ну, техник, смекай! Мое дело сделано“, говорит Гаврилов.

Еще два три испорченных листа и причина открыта—в ручную вал ходит косо и этим движением сбирает лист в сторону впереди движущейся своей части. Надо уничтожить рельсы.

Срезали... Проба—великолепно! Работа быстро пошла с легким мягким перекатыванием вала да потрескиванием бумаги при снятии отпечатанных листов со станка.

В одну неполную ноч снято и упаковано 2 или 3 тысячи экземпляров.

Трудно теперь представить, какой подарок Группе я вывез из Алексина с пассажирским поездом в 8 часов вечера.

В половине одиннадцатого я на конспиративной квартире Группы со скромным видом сдавал кипы свеженьких прокламаций и наблюдал за впечатлением.

„Петрович“ привычным жестом потирал ладони с видом озябшего человека, вертелся по комнате и как известный „Карась“ бурсы выталкивал из груди шипяще и протяжно—„а . . а. . аа!“

„Бак“ изрек из писания, а Сергиевский по адресу охранки завязал крепкое словцо с добавлением—„прочхайка вот это дельце“.

Дальше работа типографии вошла в колею: днем я в отъезде, Гаврилов разбирает отпечатанный набор в кассу и набирает новый, ночью вдвоем печатаем.

День отдыха. Вечером к 11 часам отвожу отпечатанное в Калугу и в 12 часов с товаро пассажирским к 3 часам утра возвращаюсь в Алексин. Лучшего по удобству сношений и конспирации ничего нельзя было ни желать, ни придумать.

VI.

Так работали до средины апреля 905 года и все же—провалились: не жандармам и не тем, что кто либо узнал о печатании нами прокламаций, но все же оставлять там типографию стало опасным.

Произошло это случайно. Живя на ст. Алексин и получая сравнительно небольшое содержание, я большую часть отдавал семье в Калугу. Оставшиеся 15—10 рублей нам приходилось тратить на двоих, так как Группа не располагала большими средствами содержать Гаврилова при больших затратах на печатание.

Получая гроши, Гаврилов так же большую часть посылал матери в Калугу. Жили мы, как в свое время с Фетисовым в беседке: на пище Св. Антония, варя по тогдашней поговорке „топор“.

При этих условиях были рады случаю, хоть раз в неделю где нибудь по человечески „налопаться“ Случаи эти нам представлялись у своих соседей.

Через квартиру по общему коридору от нас жил билетный кассир Филатов, самый симпатичнейший человек из служащих всей станции.—Холостяк. С ним так же холостяк—весовщик. Стол они вели общий, готовила им сестра кассира, так же очень любезная и очень пожилая женщина. Все очень добродушные и гостеприимные.

Кассира, еще при приезде в Алексин, я не редко просил будить меня к ночным поездам, когда мне встречалась оказия по службе.

Это продолжал он делать и при Гаврилове.

Проходя по корридору мимо для продажи билетов к ночным поездам, когда нужно, он стучал ко мне.

Может быть это или его вообще общительность и добродушие направляли иногда его к нам. Ходил редко и нам не мешал.

Видя отсутствие у нас кухни, он не редко звал нас на чай, а чай иногда оказывался с закуской и даже выпивкой, любимой весовщиком. Выпить мы были то же „не дураки“, но не распускались сверх 3—4 рюмок. Колю (Гаврилова) туда притягивали еще пара балалаек и гитара.

В свободные минуты, когда все „причиндалы“ типографии отдыхали в конспиративном месте, мы бывало заходили на чаек.

Однажды, в мое отсутствие Коля был не на висячем замке, так как работы не предполагалось. От скуки его все же подмывало приготовить набор заголовка и виньетку, предполагавшейся к изда-

нию брошюры. Работа не требовала большого развертывания типографии. Достал кассу, верстатку с бабашками и начал изображать.

Стук в дверь... Быстро все в одеяло и под постель. Отпирает—у двери „Дятько Митяй", так звали мы кассира. Зовет на минутку показать какие то вещи, привезенные из Тулы.

Коля пошел, и по разсеянности не запер за собой двери. У „Дяди Митяя" оказался чай и Коля со спокойной душой задержался.

В это время на мое имя в телеграфе получена была срочная служебная телеграмма. Ко мне взялся ее отнести один из учеников телеграфа с телеграфистом Меркуловым (впоследствии с. д.). Зашли в открытую квартиру, обошли комнаты—никого. Увидели торчащим из под постели кончик одеяла и, будучи наслышаны о „сумасшедшем", подумали, что он залез под постель спать. Вытащили, и развернув, увидели кассу и шрифт. Полюбовались, запрятали обратно и ушли на станцию. Через час с товарным поездом возвращаюсь я. В присутствии одного из машинистов этот ученик вручает мне телеграмму и вдруг ошеломляет меня сообщением, что был у меня и видел кассу со шрифтом под постелью в одеяле, называя их собственными именами, как бывший ученик Алексинской типографии.

Дальше следовал вопрос, что я на ней делаю.

Стараясь сохранить беззаботный вид, я ответил:

—Привез к Пасхе (дело произошло за неделю до Пасхи) напечатать несколько визитных карточек.

— А где же у вас станок?

— Зачем станок? Между картонных пластин связываю веревочкой и печатаю.

— Напечатайте мне.

— Хорошо, если не будешь болтать, а то за тобой и другие начнут просить.

— Ладно. Я не буду другим говорить. Когда к вам придти? Я посмотрю, как вы работаете.

— Хот завтра,—отвечаю я, чтобы поскорее закончить разговор.

На мое счастье его отозвали.

Машинист в свою очередь задает вопрос:

— Хорошие карточки печатаете?

— Да нет. Выписал, знаете, по об'явлению, 500 каучуковых букв, да ерунда... грубо, штемпельной краской, хуже чем на пишущей машине выходит.

— Знаю: у меня было... Ребятишки растеряли. Я думал настоящие, типографские.

Разговор тем и кончился. Покурили. Время около семи, в восемь поезд... За разговором быстро работала мысль, как бы отправить Колю с 8 часовым поездом в Калугу с типографией.

Прихожу домой—заперто. Нахожу Колю у Митрича за балалайкой. Ради маскировки задерживаюсь у кассира с начала и я. Наконец кассир идет продавать билеты, а мы к себе.

Тут я набрасываюсь на Колю и сообщаю ему о происшедшем... Что делать?

Тяжелых вещей столько, что Коля не берется вывезти их один. Решено—вал около $1\frac{1}{2}$ пуда и 2 стопы бумаги оставить.

Мигом в корзину общим ворохом ссыпал и шрифт, в чемодан уложили остальные вещи... Поезд уже на станции. Усаживаю Колю в вагон и бегу взять у

„Митяя“ взаймы билет до Калуги, так как оказавшиеся у нас гроши должны пойти на носильщика и извозчика в Калуге.

„Митяй“ изумлен... Ряд вопросов—почему, кому зачем?

— С поездом едет из Крыма Колина мать и решила его взять с собой. Остаться до завтра не может.—отвечаю на вопросы „Митяя“.

Проводил... На сердце безпокойно: как то доедет Коля, а главное грызет совесть за провал... За небрежность нашу. Стало пусто. Алексин потерял весь смысл.

На другой день я был в Калуге и привез остальные вещи. Все обошлось благополучно. Намечено уже новое место для установки типографии. Коля даже доволен, что будет ближе к Калуге и не будет голодать, как у меня. А я... Я решил уйти из Алексина вопреки желаниям служебного начальства, и с тем уехал на свое „пепелище“.

VII

Увлекшись эпизодом с типографией, я оставил главную нить разсказа о развитии Группы, а потому позволю вернуться немного назад к лету ранней осени 904 года.

Как я сказал—летом в Группу вошли новые члены и к осени она состояла из товарищей: Сергиевского, Бака, Бороды, Виноградова, Петровича, Циолковской, Лебедева (семинарист), Никитина, Решетова, Кизика и меня.

Близкое участие в работе Группы принимали 2 брата Стефановы реалист Илья и семинарист

Василий, и сестра их из казенной гимназии—Ольга, с подругой Соколовой Е.

За это время связи значительно расширялись не только за счет заводов, ж. д. мастерских, но и по учреждениям, как то—Земство, Управление С.-Ряз. дор. С учителями в деревнях различных уездов, куда попали многие из семинарского кружка по окончании курса семинарии. В то же время завязались связи с рабочими Жиздринских заводов, Мыпиги и др. Вообще, к этому времени в периферии Группы можно было насчитать около 100 человек, из которых свыше 60-ти рабочих.

Связь с Центром наладилась, т. е. с тогдашним „Бюро меньшинства“. Первой ласточкой от этого бюро был Семен Яковлевич, иначе „Франциско“—Кибрик. „Бюро меньшинства“ нас признало, но это еще не значило окончательного закрепления нас партией, как местной организации, ибо в этот момент после Июльской декларации Ц. К. в самом Центре, а так же и на местах разбирался вопрос о соглашении „большинства“ с „меньшинством“.

Ожесточенные фракционные распри и борьба, охватившие партию снизу до верху, не вполне захватили лишь наш город, так как интеллигентский кружок по прежнему из себя представлял все еще не партийный с. д., а скорее академический кружок с несколькими членами социалистической окраски.

Фракционные разногласия вообще в партии, при отсутствии разногласий в самой Группе, нам работать не мешали, поэтому все силы уходили на организационную и пропагандистскую работу в духе „Искры“ и вообще „меньшинства“ партии. Лишь по вопросу о созыве III с'езда Группа высказалась за его целе-

сообразность (вопреки линии „меньшинства"), но лишь при условии правильного представительства и созыва с'езда.

К концу осени и до конца года к нам зачастили из Центра.

Одно время Группа играла даже роль разсыльного пункта заграничных транспортов литературы. Получалась литература на квартиру Стефановых иногда десятками пудов, там разбиралась, упаковывалась и разсылалась по различным городам. Так мне однажды по 30 фунтов и по 2 пуда ящиками пришлось отправлять в Ростов, Иваново-Вознесенск, куда то в Сибирь и по др. городам.

Выполняя даже эту работу, мы все же Ц. К. формально не были признаны до соглашения фракций в самом Совете Партии и Ц. К.

Либеральное движение этого года—банкеты земцев и пр., Группой в Калуге использовывались в духе „меньшинства", т. е. демонстрациями распространения на этих банкетах с. д. партийных листков с лозунгами: „Долой войну", Долой Самодержавие, Да здравствует учредительное собрание, и т. д.

Это оживление местной общественной жизни, конечно, отразилось и на настроении вообще рабочих, не говоря о партийных. В связи с событиями на Дальнем Востоке чувствовалось вообще „пробуждение", и накоплялось ожидание чего то. Требовалось немного со стороны тех или иных групп, чтобы привязать к себе внимание; поэтому Группа, проявлявшая себя активно в продолжении года, естественно становится популярной: к ней идут, от нее ждут новых ответов, а это в свою очередь сплачивало Группу.

В противуположность Группе интеллигентский кружок с своей академической атмосферой должен был зачахнуть или, приняв определенную окраску, активно выступить в общественном движении. Этому мешала привычка сидеть и не выглядывать из своей „раковины“ и только с приездом т.т. из Центра часть кружка зашевелилась и поставила перед собою вопрос о с.-д. организации, практически разрешив его лишь летом в 1905 году.

Влияние кружка на учащуюся молодеж так же ослабевает, ибо в гимназии и реальном училище Группа своими кружками внесла активистский дух, более близкий молодежи.

Характерно и почти не об'яснимо, что кружок, будучи оторван от рабочей массы, вынужденный вариться почти что в собственном соку, „без лица“, принимавший участие в либеральном движении земцев и пр., в конце концов оказался в лице главных своих руководителей на стороне так наз. „большинства“ партии, признававшим строгую централизацию с решительным противупоставлением себя либеральному движению того времени. Поэтому у Группы сложилось определенное мнение о нем, как о корпорации людей, способных на революционные разговоры, с претензией считать себя за центр местной революционной жизни, за „руководителей“ и т. п., практически же не способных на какое либо дело.

Не смотря на это, связь с ними все же поддерживалась по многим причинам. У них легче было прятать приезжих т.т. из Центра. Под разными предлогами достать те или иные средства и т. д. Для этого нами были выделены 2—3 лица. Эти посещения носили у нас название „чаи Ларисы“, по жене Фосса,

которая всегда любезно принимала гостей с нашей стороны, особенно приводивших к ней приезжих из Центра.

Я знаю, что у многих старых товарищей воспоминание о ней вызовет прежнюю веселую улыбку, но она все же не раз выручала во многом Группу и вполне заслужила должное к ней уважение.

VIII.

К началу 1905 года Группа была уже в апогее своей славы и силы. У нея были на лицо все средства к постановке в полном смысле партийной работы.

К ея осеннему составу 904 г. прибавился еще Чистяков Я. и принял участие в кружковой работе Н. И. Попов—оба выпущенные из тюрьмы и довольно солидно подготовленные. Принял в работе так же участие и старый марксист И. А. Голубев, будущий член Группы. В г. Калуге не было завода, в котором не было бы связи с Группой, а в большинстве случаев и своего кружка.

Рабочие ж.-д. мастерских и депо имели свою Районную организацию с рядом кружков. Разрослась до 20 человек организация в Техническом училище, а в Семинарии и того больше.

Вся организация хорошо законспирировалась. Много товарищей разсыпалось по уездам, главным образом учителей из быв. семинаристов. Многие из них уже успели на местах создать маленькие группки из рабочих или крестьян. Не редко мы поговаривали о Губернском с'езде. Транспортирование своей и из Центра литературы налажено было отлично. Установилась живая связь с Центром, образовавшим здесь транспортный этап и предполагавшим дать от

себя работу нашей типографии. Сама по себе типография была уже редкой „роскошью". Там, где не было силы, выручала редкая преданность делу и неутомимая энергия членов, готовых во всякий момент на любое дело; опасностей для нас будто не существовало. Завязывались первые связи с солдатами местного горнизона и т. д. Одним словом, на лицо были все данные к успешному и широкому развитию организации.

События 9 января в Петрограде создали не только общую атмосферу для успеха работы, но и вызвали стихийную короткую забастовку в мастерских и депо при ст. Калуга. Я помню оттепельный день, когда кончилась забастовка в мастерских, а я под'езжал из Алексина с первой печатанной прокламацией „Ко всем рабочим и работницам".

Забастовка выдвинула своих героев дня вроде токаря Леонова, не состоявшего в организации, и раб. Гурова. Перспективы влияния росли, росла организация, Группа работала ускоренным темпом.

В тоже время из „Бюро меньшинства" и Ц. К. участились приезды, а в связи с ними и с событиями, собрания Группы.

Пересмотрена была программа минимум, одно собрание посвящено было аграрному вопросу, просмотрен устав партии, разногласия „большинства" с „меньшинством" и вопрос о возможности III-го с'езда партии.

Во всех этих вопросах группа выявилась сторонницей „меньшинства".

Представителями Ц. К. в марте—апреле был поставлен вопрос о переговорах и слиянии с Кружком интеллигенции или скорее с частью его, призна-

ющей себя социал-демократами и ведущими по характеру партийную работу среди части ремесленников, Управления С.-В. ж. д. и вообще интеллигенция.

Группа конкретной мотивировкой отказалась признать Кружок соц. демократическим и отвергла формулировку „слияния", предложив желающим принять участие в работе Группы, сомневаясь в относительном успехе этого мероприятия, вследствие принципиальных разногласий в вопросах о партии, уставе и тактике с руководителями Кружка.

Очевидно, представители Ц. К. толкнули Кружок к его деформации или же он претендовал на партийное право в целом и вопрос предстал в новом виде коалиционного слияния на равных основаниях с Группой для образования обще Губернского Комитета Партии.

Это предложение Группой было отвергнуто в практическом виде и внесено предложение формировать Комитет пропорционально числу членов из рабочих в той и другой организации.

Такое предложение было отвергнуто интеллигентами.

Тогда Ц. К., при наличии выхода из него твердого „большинства", счел возможным признать в Калуге наличие двух партийных организаций.

Таким образом в начале июня деформированный Кружок интеллигенции, а точнее, пожалуй, небольшая конспиративная группа его, назвала себя с согласия Ц. К. Калужским Союзом Р. С. Д. Р. П. Из руководителей его мне известны только Фосс, Преображенский и Вознесенский (Жор).

Это образование двух формально действовавших в Калуге организаций почти не отразилось на рабо-

те Группы, но тем не менее вызвало необходимость сравнительно больше времени уделить партийным разногласиям в кружках и районных организациях Группы.

О нашем Калужском Союзе установилось ходячее название „Генералы“.

К этому времени в Калугу успели дойти достаточно подробные сведения о состоявшемся III-м с'езде „большинства“ и конференции „меньшинства“, принесших печальную весть об углубившихся и расширившихся партийных разногласиях между „большевикам“ и „меньшевиками“. Самый факт происшедших одновременно „с'езде“ и „конференции“ как бы закрепили и узаконили раскол.

Центральным пунктом разногласий явился вопрос об отношении к временному правительству, в котором ясно выразились разногласия на роль социал-демократии в демократической революции:

Резолюция I конференции о захвате власти и участии во временном правительстве—гласила:

„Решительная победа революции над царизмом может быть ознаменована либо учреждением Временного Правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего под непосредственным давлением революционного народа организовать Всенародное Учредительное Собрание.

„И в том и другом случае такая победа послужит началом новой формы революционной эпохи.

„Задачей, которая стихийным образом ставится этой новой фазе об'ективными условиями общественного развития, является окончательная ликвидация

всего сословно монархического режима в процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества за осуществление своих социальных интересов и за непосредственное обладание властью.

„По этому и Временное Правительство, которое взяло бы на себя осуществление задач этой, по своему историческому характеру, буржуазной революции, должно было бы, регулируя взаимную борьбу между противуположными классами освобождающейся нации, не только двигать вперед революционное развитие, но и бороться против тех его фактов, которые угрожают основам капиталистического строя.

„При таких условиях, социал-демократия должна стремиться сохранить на всем протяжении революции такое положение, которое лучше всего обеспечит за нею возможность двигать революцию вперед, не свяжет ей руки в борьбе с непоследовательной и своекорыстной политикой буржуазных партий и предохранить ее от растворения в буржуазной демократии.

„По этому социал-демократия **не должна ставить себе целью захватить или разделить власт во Временном Правительстве**, а должна остаться партией крайней революционной оппозиции.

„ Эта тактика, конечно, ни сколько не исключает целесообразности частичного, эпизодического захвата власти и образования революционных коммун в том или другом городе, в том или другом районе в исключительных интересах содействуя распространению возстания и дезорганизации правительства.

„Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше ее удерживать в своих руках,— именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которой достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы Русской революции могут значительно раздвинуться и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований.

„Строя свою тактику на расчете сохранения за Соц.-Демократической партией в течении всего революционного периода положение крайней революционной опозиции ко всем сменяющимся в ходе революции правительствам, Соц.-Демократия всего лучше может подготовиться и к использованию правительственной власти, если она попадет в ее руки".

Революция III с'езда Р. С. Д. Р. П. о временном революционном правительстве.

Принимая во внимание:

1) Что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы, а следовательно замены самодержавной формы правления демократической республикой.

2) Что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного возстания, органом которого явится временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвы-

борной агитации и созвать на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, с тайной подачей голосов, учредительное собрание, действительно выражающее волю народа,

3) Что этот демократический переворот в России при данном общественно—экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода.

III С'езд Р. С. Д. Р. П. постановляет:

а) Необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (минимум).

б) В зависимости от соотношения сил и др. факторов, не поддающихся точному предварительному определению, **допустимо участие во временном революционном** правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса.

в) Необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над уполномоченными и неуклонное охранение независимости с.-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) Не зависимо от того, возможно ли будет участие с.-д. во врем. революц. правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на вр. правительство со стороны вооруженного и руководимого соц. демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции".

Не смотря на углубившиеся и расширившиеся партийные разногласия и формальный раскол, в Калуге между двумя параллельными организациями в полном смысле деления на „большевиков" и „меньшевиков" вплоть до 906 года произвести было нельзя, а потому и работе друг другу эти организации не мешали.

Наоборот: в течении лета было проведено несколько совместных массовок и общее выступление против эсеров по аграрному вопросу на дискуссии ими устроенной за рекой. Даже некоторые связи Группа передавала Союзу, как было, например, с приказчиками думавшими организовать профсоюз. Одна массовка была посвящена вопросу о совместной работе, хотя практических последствий не имела.

Для Группы скорее большее значение, чем раскол, имело другое обстоятельство.

Вознесенский в то время жил в Москве и очевидно через Московский Комитет и Кибрика стал получать и доставлять литературу в Калугу, естественно проходившую через Союз. Нам пришлось выделить специально Чистякова Я. для сношений с Союзом по этому вопросу, как я упоминал выше.

В средине июня или начале июля стало выясняться, что многие из членов Группы и активных

работников к осени оставят Калугу, а кроме того были и потери.

Так брат Сергиевского Д. застрелился в деревне, Сергиевский И. собирался уехать в Вятку (застрелился там перед октябрьскими событиями), Лебедев еще весной умер от тифа, Крыловы—„Бак“ и „Касьян“ окончили курс семинарии, первый собирался в Харьков в ветеринарный институт, „Бак“ уезжал учительствовать в Тарусский уезд, Жданов „Борода“, то же, „Петрович“—Лихачев уезжал учительствовать в деревню.

Коля Никитин еще осенью 904 г. был взят в солдаты, Решетов и Гаврилов уехали в Москву, Чистяков так же собирался уезжать. Приходилось серьезно призадуматься о дальнейшей работе.

В это время в Калуге проживал член Московской организации под кличкой „Перепел“ примиренческого направления, часто служивший звеном между двумя организациями. К нему я и обратился с предложением подготовить вопрос о слиянии. В это время, вернувшись из Алексина в Калугу, я снова жил в беседке Семена Макаровича вместе с Образцовым.

Через дня три „Перепел“ зашел ко мне в беседку и сообщил о состоявшемся собрании Союза и о его желании слиться с Группой в один Комитет. Я же мог ему сообщить, что на другой день в бору состоится собрание Группы, куда его и пригласил.

Состоялось собрание, целиком посвященное вопросу о слиянии. Группа отнеслась к слиянию отрицательно, главным образом из соображений, что Союз не деятелен и слияние повредит успеху работы. Возможно это было и так, судя потому, что пере-

данные ему потом связи с приказчиками и некоторыми мелкими предприятиями в работе не сдвинулись с места до октябрской революции того года.

Как бы ни было, но мотив отказа от слияния еще больше оттенял вопрос о будущей опасности с от'ездом многих товарищей и Группа в целом постановила ближе сойтись с кружками техников и семинаристов, а к своему от'езду произвести выборы членов руковод. центра Группы.

Состоялось делегатское общее собрание и потом так называемая конференция делегатов всех кружков и организаций, где и была персонально заложена новая Группа.

В нее вошли: Аграрий—Нахалов, Голубев Н. А. Никольский И. (семинарист) Циалковская Л., Кизик-техник, Попов Н. П., кажется Титов, 2—3 других рабочих и я.

Потом после от'езда товарищей к началу сентября она на время сузилась в нечто подобное Исполнительному Комитету составившемуся из Н. А. Голубева, Никольского, Агрария, меня и Кизика дотянув в этом виде до октября.

Фактически же работа до конца лета перешла в руки меня, Кизика, Образцова, Циалковской и Н. П. Попова. Голубев видимо что то переживал и забывал работу.

Типография в это время, пережив еще 2 провала, оставалась без наборщика „под спудом". Для улучшения литературного дела и возстановления непосредственной связи с Москвой, в начале сентября я предпринял туда поездку.

Установил прочную связь с наиболее сильной с.-д. меньшевистской организацией — Типографским

союзом в котором перед этим Н. Гаврилов состоял организатором Бутырского района. Был я и в легальном союзе типографов, где деятельно готовились к всеобщей российской забастовке типографщиков. В последнем активное участие принимал Фетисов после побега из Киева и в то время находился в от'езде по подготовке стачки.

В Калуге так же существовали нелегальные профсоюзы типографов, ж.-д. мастерских и депо, по своей численности немногим превышавшие партийные кружки. Связь с 2-мя Московскими союзами типографов (партийным и профессиональным) обещала нам улучшить свою работу в наших проф. союзах. Были широкие мечты и надежды на осень, когда должны были после каникул вернуться в лоно кружковой работы наши пропагандисты учащиеся, а до этого времени чуть не еженедельно собирались массовки и „конференция“. Группы, куда, помнится, входили: Карев, Малютин, Таболин, Баташов В. М. и др. рабочие Глав. мастерских при ст. Калуга.

С наступлением, так сказать, „сезона работы“ я с Образцовым подыскали квартиру для будущих собраний, получившую название „Коммуны“. Туда же в октябрьские дни временно была перенесена и типография, а покамест опять с помощью техников училища пробавлялись небольшими выпусками прокламаций на гектографе.

Энергия была, рук и пропагандистов мало, средств еще меньше. Как в первый год с Фетисовым в той же беседке иногда по целым суткам на стол поступали только семенные огурцы Семена Макаровича и малина к чаю с его же огорода, не у места рассаженных—перед самой беседкой.

IX.

Октябрю 905 г. предшествовала всероссийская стачка типографов, окончившаяся победой рабочих. Как наиболее сорганизованные, сознательные и вообще культурные типографщики в те годы играли роль как бы предтечи или застрельщика революции.

Еще при посещении мною в сентябре Москвы чувствовалось какое то необыкновенное оживление. Открытие высших учебных заведений сопровождалось длинными дискуссиями в область политики; разгоралось легальное и нелегальное профессиональное движение, возникавшие организации спешили рассылать своих делегатов в губернские города; необыкновенный под'ем; собрания каким то полуявочным порядком, все указывало на то, что гром близок, что 9-ое января лишь преддверие к грозным событиям.

Натаскавшись за несколько дней по разным собраниям в Москве, я возвратился в свою глушь, опьяненный „свободой".

Тон даже самых умеренных газет тон ожидание. У Группы завязываются довольно сносные связи с войсками и образуются 2 кружка.

В последних числах сентября в „коммуну", неожиданно явился Фетисов из поездки по разным городам в роли партийного и профессионального организатора. Из его простых разсказов о виденном и слышанном в разных уголках России получилась полная уверенность, что близок „час", а через 2 недели после его от'езда разразилась всеобщая забастовка с остановкой железных дорог. Начался революционный октябрь.

Все засуетилось... Закипело. На половину вышли из подполья. Партийные разногласия стали казаться не простительными „предразсудками".

С первых же дней стал вопрос о слиянии с Союзом. После коротких переговоров (примерно после погрома в городе) было назначено общее собрание и выработана норма представительства; при этом по организационному вопросу договорились так:

Первичные организации высылают делегатов, которые образуют т. наз. „Коллектив", избирающий исполнительный орган—Калужский Комитет.

Предварительным собранием группы решено: за местами в комитете не гнаться и твердо удержать за собою ж. д. мастерские, техническое училище, семинарию и военную организацию. Персонально главный штаб бывшей Группы переносится к Московским воротам в квартиру Баевскаго и Техническое училище.

Первый состав Комитета вышел у меня из памяти. Помню лишь Фосса, Преображенского, Овчинникова, Гурова или кого то другого из рабочих, а всего человек семь. При существовании Коллектива это было и не особенно важно, тк. кк. функция его была главным образом исполнительная, черная работа. После пережитого погрома работа велась конспиративно. Организация среди рабочих выросла свыше 100 человек. На митинги в квартиры собиралось до 200 человек. Кружковщина удовлетворить не могла; большие собрания были редкостью, за то росли профессиональные союзы, мало связанные с партийными организациями.

Военная организация доросла до 30—40 человек.

Наиболее активными среди них—вольноопределяющийся Иван Стефанович, ретушор фотографии Протасевича Максимов—„Клим" и техник Кизик.

Образцов окунается больше в работу среди местного населения, организуя митинги, вечера со сбором на оружие в техническом училище. Мне остается район ж. д. мастерских и начавшая организовываться и вооружаться боевая дружина. К средине ноября она насчитывает до 60 человек вооруженных револьверами и даже с несколькими винтовками; изыскивает различными путями способы устройства „бомб".

Начальником дружины избираюсь и утверждаюсь Комитетом я.

До декабря Коллектив собирался раза 4-ре, преобладала (не менее 70%) интеллигенция.

В нем произошла группировка на „большевиков" и „меньшевиков", но борьба не выходила из пределов Коллектива и не носила острого характера.

Правительство явно принимало меры провоцировать движение, вызвав на вооруженное столкновение по частям. Требовалась большая выдержка, что бы не ринуться в бой преждевременно, но чувствовалось, что вряд ли это удастся.

В начале декабря пронесся зловещий слух о погроме в городе. После собрания Коллектива Комитетом выпускается прокламация с призывом к населению давать вооруженный отпор с предупреждением, что с малейшими попытками к погрому Комитет будет бороться организованной боевой дружиной и бомбами.

Параллельно созывается на квартире Фосса собрание местных общественных деятелей и несколько офицеров (около 15) из местных частей по вопросу о борьбе с погромами.

„Деятели“ обещают помочь средствами и повлиять на властей. Офицеры долго отмалчивались и видимо колебались. Некоторые заявили о своей личной готовности, не ручаясь за остальных и за части. Тогда выступил я, как Нач. боевой дружины, с заявлением, что при демонстрациях, погромах и вообще всяких случаях, где придется стать лицом к лицу с войсками, задачей дружинников будет в первую голову партизанским путем вывести из строя офицеров и начальников. Одним словом, действовать по примеру Московских дружинников типографщиков, разгонявших многотысячные манифестации черносотенцев и городовых действиями мелких, до 5 человек, отрядов.

Это заявление оживило обмен мнений. Присутствующие дали обещание подаять вопрос на офицерских собраниях и о результатах сообщить.

Здесь же был установлен условный знак между офицерами и дружинниками на случай столкновения для отличия своих.

Через несколько дней стал практическим вопрос о призыве к вооруженному возстанию. В Москве начались частичные вспышки. Был устроен Комитетом митинг в д. Колесникова, что на Ветке для рабочих и мною с Стефановичем в казармах у Московских ворот среди одного баталиона солдат на ротном дежурстве Стефановича.

Снова созван Коллектив и вопрос решен... Через день после некоторой подготовки призвать к забастовке ж. д. мастерские, откуда демонстрацией войти в город, остановить всякое движение, заводы, Управление и Телеграф. Пытаться привлечь по дороге на свою сторону солдат. В благоприятном слу-

чае с их помощью арестовать властей во главе с Губернатором и Нач. Гарнизона. Если это не удастся днем, то попытаться сделать силами дружины ночью.

Рабочие качали головами с сомнением.

Призыв мастерских и депо к прекращению работ, остановки поездов, и т. д. был возложен на меня, Кизика и Любимова, под видом представителей от разных организаций и Управления. Стефанович должен был итти в своей военной форме и Максимов, переодетый солдатом, которые должны были заявить рабочим свою солидарность, как представители солдат. Расчитаны часы и минуты, как пройти в мастерские, что и где делать.

Чувствовалось, что нас ожидает провал, но долг и дисциплина—пошли.

Открыли короткий митинг в токарном цехе, перешли в сборный, но тут не кончили. . .Сторож у проходной известил начальство и жандармов, в распоряжении которых был взвод солдат. Жандармы с солдатами ворвались в цех; началось сумятица и даже угрожающие крики рабочих из „задов" по нашему адресу. Свои тов. и местные дружинники посоветывали спасаться. Мы начали отступать. Перед выставленными револьверами Максимова и Стефановича разступались. Я, Стефанович и Максимов благополучно ушли. Любимова и Кизика где то сняли с забора и отвезли в тюрьму.

За неудачей посыпались неудачи—в ту же ночь в городе было произведено масса арестов и обысков, в том числе и у меня. Арестованы все стачечные октябрьские комитеты, Техническое училище об'явлено закрытым и т. д. Приходилось переходить на неле-

гальное положение, а в Москве гремели орудия, горела Пресня, росли баррикады.

Сидеть и спасаться на конспиративной квартире было тошно. Перед глазами изредко вставала картина великой траурной победы,—похороны Баумана... Вынос тела из Московского технического училища. Море плакатов. Блестят трубы духовой музыки. Подходят все новые и новые ряды рабочих организаций и фабрик, разстанавливаясь от выхода, шпалерами. От приходящих рабочих организаций и групп отходят небольшие группки и строятся цепью, охраняя дорогу.

Выносят....Играет Похоронный марш музыка. Склонились знамена, обнажаются головы. Их десятки тысяч!

Раздается команда: дружина типографщиков, в головной отряд—по десять в ряд. Процессия вытягивается впереди за гробом.. Венки и плакаты... Десятки тысяч рабочих, десятки тысяч граждан. Яркий осенний день.

Проходят часы...От Технического училища до Смоленского рынка непрерывная лента народа... Море красных знамен.

Не пестрит ни одного знака старого проклятого мира...

В интервалах между отдельными ротами заводов и фабрик, в голове их,-вооруженные товарищи!.

Впереди колонны — застрельщики типографы. Примкнуты к кабурам маузеры. Стройными рядами на плечо...Блестят короткие дула...

По десять в ряд!

Рисуется картина... Манят из просматриваемых на конспиративной квартире зарево пожаров и могучие раскаты боя.

Не выдержали... В первую очеред Фосс, Стефанович и я, во вторую Максимов и Образцов покинули Калугу и направились в Москву... Туда, где в зареве пожара нам вырисовывалась могучая фигура Его Величества Пролетария Всероссийского, где на гребнях революционных волн в отчаянной схватке шли и гибли предвестники победы.

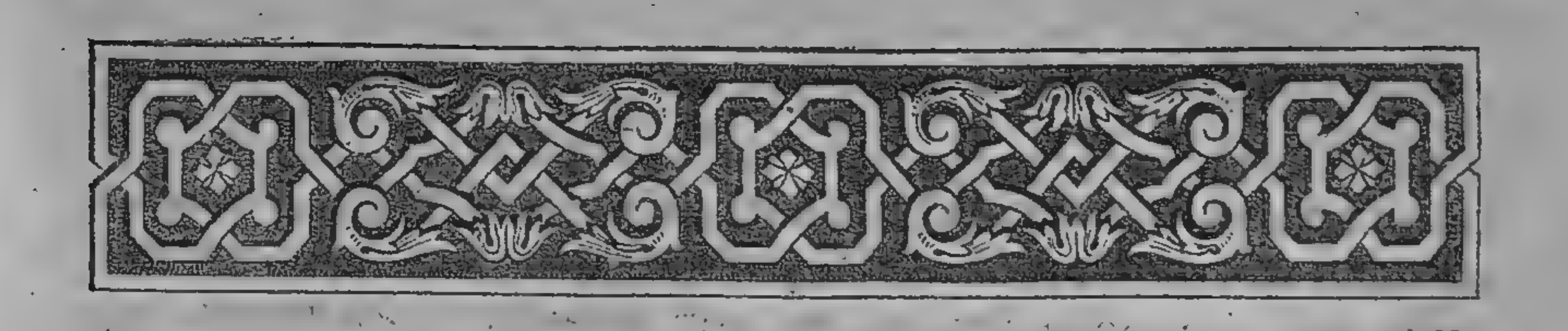
По десять в ряд!...

Серж Мохов.

М. И. Образцов (Воробей).

Юбилей

Это было. в Октябре 1904 года. Подпольная работа Калужской Социал-демократической группы начинала углубляться в широкие массы городского учащегося и рабочего населения. Группа приняла вид окрепшей партийной организации и перешла к активной работе, тогда как Калужский Социал-демократический союз, состоящий почти из одной интеллигенции, не решался активно выступить и вел внутри себя исключительно самообразовательную работу. Уже в начале осени в группе было несколько кружков среди учащихся и рабочих железнодорожных мастерских и города. В одном из таких кружков занимался в это время и я, это был кружок Калужского Технического училища. Нас было человек пятнадцать. В темную осеннюю ночь с установленным паролем пробирились на конспиративную квартиру и там вели занятия в пределах Эрфуртской программы или Коммунистического манифеста. Как сейчас помню: большинство таких собраний было в начале на квартире И. А. Сергиевского, а впоследствии у Сергея Решетова—московского типографа, высланного в Калугу за забастовку и демонстрацию в Москве в 1903 году. Этот маленький флигелек во дворе с убогой мебелью, собранной нами же самими, с жестяной лампочкой, вытащенной мною и Н. Борисовым из городского фонаря на бульваре, тянул нас к себе какой то особой таинственной прелестью и внутри его как бы жила чарующая красная сказка. Сколько было красо-

ты и поэзии в этих кружковых занятиях, забыть их никогда невозможно; угрюмо сосредоточенные лица, научное изучение вопросов жизни, но вот кончаются занятия, ставится самовар, собираются пятачки и кто либо отправляется в булочную за стародубским ситным, это был наш излюбленный и неизбежный в таких случаях поклеванный ситный с изюмом. Пока подогревается самовар, организуется небольшой хор, и тихо вполголоса под осторожно играющую гитару напевают „Вихри враждебные воют над нами“ или „Смело, товарищи, в ногу“. Но вот готов самовар и принесли ситный: кладется в сторону гитара и начинается чаепитие, постепенно заводится разговор, который переходит в спор, и далеко за полночь засиживаемся мы у „Деда“, как мы называли тов. Решетова.

Разве можно вытравить из памяти фигуру „Деда?“ Я смело могу сказать, что она ярко сохранится в памяти каждого товарища. Мы были молоды, юны, он же среди нас был именно дедом: его черная большая борода рослая плечистая фигура, спартанское отношение к жизни, умные ласкающие глаза, а главное его знание, опыт и революционность—вот ореол, окружающий его фигуру, как золотой венец на древних христианских изображениях, предающий им особенность и святость, это его ссылка в Калугу и участие в революционном движении.

Вот та обстановка, в которой подготовлялось наше первое активное выступление.

В октябре 1904 года в Техническом училище исполнилось 25-ти летие учебной деятельности Нач. Техн. училища М. Преображенского. В течении всех 25-ти лет из молодежи готовились послушные фабрично-заводские и железнодорожные мастера, для чего на ряду с техническими знаниями, как воспитательное средство, вводилась военная дисциплина и военный строй казарменной жизни. Вот в честь этого то и готовились все Калужские власти устроить в училище праздник и преподнести свои адреса угнетателю детских душ и чистых стремлений.

Мы так же не хотели отстать от всех и решили от группы учеников преподнести свой адрес, но такой, в котором не было бы той великосветской лжи и лести, а как

огнем была бы выжжена горькая правда. И вот в день юбилея нами был отпечатан в количестве нескольких сот экземпляров такой адрес: в нем ярко была очерчена вся дьятельность почтенного юбиляра на пользу владыки капитала, и все это было разложено в зале выставки среди работ и чертежей учеников, отдельные экземпляры вложены в карманы пальто почетных гостей как то: губернатора, архиерея и в запечатанном пакете через неизвестного, в самый торжественный момент адрес передан юбиляру. Читатель конечно представляет себе, какое впечатление было создано среди учеников и как было отравлено настроение у торжествовавших гостей.

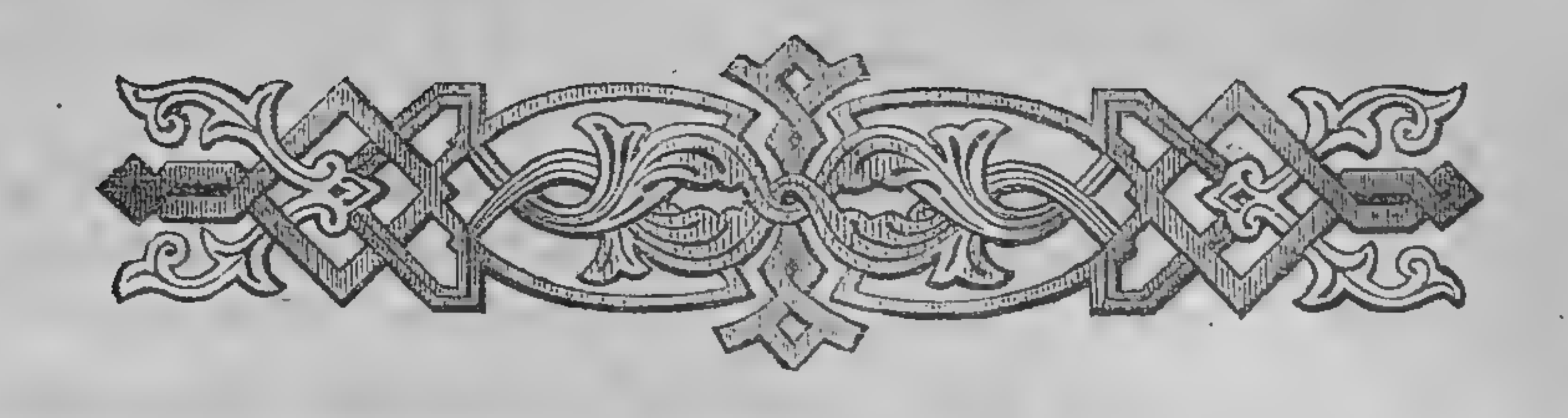
На другой день наш кружок решил использовать приподнятое настроение в училище и были разбросаны вновь напечатанные прокламации с призывом об'явить забастовку и с рядом требований, пред'явленных администрации училища. Забастовка удалась, в течение трех дней мы выиграли хотя неполностью свои требования, но главное было отвоевано.

Прошел год, на улицах Калуги реяли красные знамена, и ученики Калужского Технического училища были в первых рядах не только торжествующих первую победу, но и руководителей движения. То был Октябрь 1905 г. И в это время не выдержало сердце старого начальника: 25 лет на пользу царя и отечеству оказались потраченными напрасно, и он умер в эти дни, когда мы начинали жить.

В Октябре 1904 г. на его юбилее была вся блестящая знать города, а на похоронах в 1905 году за гробом шли три человека, среди них был старый швейцар и случайно забредший техник, руководимый любопытством.

М. Образцов.

Из революционного прошлого.

Одновременно с развитием русского рабочего движения, которое с особой силой проявляется с 1903 года, когда разражается всеобшая стачка на юге, а также с момента об'явления Русско-Японской войны, вызвавшей недовольство почти всех слоев русского общества и, в особенности, в период неудачных операций русских войск, наглядно доказавших гнилость царского самодержавия, начинается усиленный рост авангарда рабочего класса— Р. С. Д. Р. П.

К этому времени в Калуге уже существует одновременно две партийных организации: Калужская Группа Р. С. Д. Р. П. и Калужский с.-д. Союз.

Здесь необходимо отметить: по-скольку, Группа была революционно-рабочей организацией, по-стольку Союз представлял из себя кружок самообразования местной социал-демократической интеллигенции, медленно расширявший свои функции.

Зимой 1904 года Группе удается организовать тайную типографию, которая искусно законспирируется вне пределов Калужской губернии в г. Алексине, где С. Митин и Н. Гаврилов ведут усиленно свою техническую работу; город и линия железной дороги в изобилии усеивается прокламациями, в которых в это время чувствовалась особенная потребность, так как Калуга являлась передаточным и сборным пунктом для войск, направляемых в далекую Манчжурию.

Не было недели, чтобы мы не получали наряда от организации на раскидку „лям",—так мы называли прокламации.

Темная зимняя ночь, самая лучшая наша соучастница, и энтузиазм, с которым каждый из нас отправлялся на ночную работу, были лучшим залогом нашего успеха. В разбрасывании прокламаций мы доходили до виртуозности: не только снабжали ими казармы через форточки или бросали их в кучки сидящих на нарах солдат, но наклеивали на будки часовых, помещали на витрине телеграммы о неудачах на фронте, возле Управления железной дороги, где обыкновенно вывешивались агентские телеграммы, и даже был использован кафедральный собор, в котором на наружных стенах под иконами наклеивались прокламации и висели неделями, собирая любопытствующих.

Наряду с работой через распространение подпольной печати, нами велась также агитационная работа среди рабочих и в военных кружках, не смотря на усиленную слежку со стороны охранки.

В апреле 1905 года у нас, помимо рабочих кружков, уже было несколько военных 24-го апреля 1905 года, по постановлению Калужской Социал-Демократической Группы—я, Н. Гаврилов, А. Кизик и еще два товарища должны были провести ряд собраний в городском бору с от'езжающими на фронт солдатами.

Перед этим 23-го апреля, нам удалось провести первое собрание удачно, но 24-го, хотя собрание и было окончено благополучно, мы при возвращении в город, на опушке бора были окружены и арестованы.

Это был первый весенний провал.

Затем в течение лета последовало еще несколько провалов, так например, были арестованы во время раскидывания прокламаций ученики Технического училища тт. Земцов и Меньшов.

Но тем не менее организация наша росла и крепла.

Все чаще и чаще стали устраиваться массовки в лесу, на которых присутствовало до 200 человек рабочих и учащихся.

В связи с образованием в Калуге эс-эровской организации загородные массовки вскоре начали носить не только агитационный характер, но и дискуссионный, в особенности по аграрной программе. Так, например, в конце лета, помнится, была устроена за рекой у Сытинских дач большая массовка, на которой выступал приехавший из Москвы С. Р. Бунаков под кличной „Непобедимый“, против которого, по вопросу об аграрной программе выступали со стороны с.-д. Фосс Н. Х., В. Любимов, И. Голубев, И. Сергиевский, Н. Попов и ряд других товарищей.

Кроме собраний в лесах устраивались также рефераты в городе на конспиративных квартирах и велись кружковые занятия.

Рост революционного движения в российском масштабе чувствовался и у нас в Калуге.

Мы стали все чаще и чаще получать сведения и литературу из Центра. По-скольку мы были в 1904 году оторваны от Центра, по-стольку, в 1905 мы живо с ним связались. В Калугу часто стали приезжать члены Ц. К. Партии и другие ответственные работники, как, например, лидеры меньшевиков—Кибрик, Череванин и др. что об'ясняется преобладавшим меньшевистским течением в нашей организации; „Искра“, „Социал-Демократ“, „Вперед“, „Пролетарий“ и другие издания стали периодически высылаться в Калугу, и мы ярко почувствовали живую связь и силу организации.

Но вот прогремели раскаты октябрьского грома, разразилась всеобщая политическая октябрьская забастовка, остановившая всю экономическую жизнь страны, и показавшая всему миру мощь и организованность российского пролетариата.

Слухи о событиях в Москве и Петрограде тревожно ползли по нашему городу.

С каждым днем атмосфера делалась более насыщенной и возбужденной, и, как не скрывали власти о происходящем, как не молчали газеты, город знал до мельчайших подробностей о разыгрывающейся социальной драме.

Особенную активность в октябрьские дни проявили учащиеся г. Калуги.

Союз учащейся молодежи устраивал почти полулегальные собрания, на которых ставился вопрос о всеобщей забастовке учащихся.

Среди руководителей Союза учащихся в это время были горячими сторонниками немедленного выступления Н. Н. Билибин и Утянский.

Лучшим в смысле организованности, сознательности и революционности в это время было Техническое училище.

Техники по своим условиям жизни были более близки к рабочей массе, революционная работа среди них велась более успешно и поэтому в смысле рассчета на их активное выступление было больше шансов.

И как то неожиданно, в ночь с 12-го на 13-е октября взвился над Техническим училищем красный флаг с лозунгом „Долой самодержавие", „Да здравствует Демократическая Республика". Это был сигнал для выступления, и уже рано утром все училище кипело лихорадочно-революционной работой.

В эту ночь мы не только шили флаги, но и печатали прокламации ко всем учащимся, с призывом присоединиться к начавшейся всеобщей забастовке.

А вокруг училища беспомощно бегали взволнованные городовые и околодочные в надежде, что все таки им удастся снять ненавистный красный флаг.

Училище забастовало и дружной массой двинулось снимать с занятий реалистов и гимназистов. Но несмотря на то, что представители всех учебных заведений на заседаниях Союза горячо высказывались за забастовку, в действительности оказались мало воспитанными и плохо организованными, и, вместо того, чтобы присоединиться к нам, они все разбежались, после чего мы направились к Духовной семинарии в рассчете, что семинаристы присоединятся к нам, и мы сумеем образовать солидную демонстрацию.

Подойдя к Духовной семинарии (ныне Командные курсы), мы расположились строем и выбрали двух делегатов, каковыми оказались А. Бойков и я.

Войдя в семинарию, мы узнали что семинаристы находятся в церкви. Мы тут же с Бойковым решили войти в церковь (ныне зрительный зал Командных курсов) с рассчетом, что при окончании службы мы задержим их и сообщим о своих намерениях.

Но нашему плану, как видно, было не суждено осуществиться, так как вслед за нами появляется пристав Лавров.

Бойков успевает бежать, меня же арестовывают и препровождают в участок, а ожидающие техники в это время разгоняются нагайками.

Но мой арест продалжался недолго: часа через три я был освобожден по требованию Начальника училища Юдина и снова принял участие в движении.

За три часа моего пребывания под арестом, движение возросло и окрепло. На улицах были уже не одни техники: к ним присоединились обыватели, городские и железнодорожные рабочие.

Особое оживление было у здания Управления С.-В. ж. д. где в это время заседал образовавшийся Стачечный Комитет в лице Полонского, Акимова, И. И. Купецкой, Потапина, Преображенского и др.

Собравшаяся толпа с нетерпением ожидает решения Комитета.

Настроение у всех приподнятое, горячо обсуждаются происходящие события в Москве и Петрограде; при каждом сообщении о Совете Рабочих Депутатов чувствуется особая авторитетность и уважение к этому органу.

Стачечный Комитет решает присоединиться к всеобщей забастовке, и вся масса, находившаяся в Управлении дороги и около, после открывшегося митинга, двигается в центр города с целью снять с работ рабочих типографий.

Сперва направились к Земской типографии, где рабочие быстро присоединились к нам, затем пошли к типографии Архангельской, помещавшейся раньше против нынешнего Дома Просвещения, а оттуда по Архангельскому переулку направились на главную Никитскую улицу с рассче-

том итти в железно-дорожные мастерские. Выйдя на перекресток Никитской, мы увидели, что очутились в засаде, так как сзади нас были казаки, с боков отряды солдат,—оставался один свободный проход—это небольшой Пестриковский переулок выходящий на Воскресенскую улицу, но пройти сквозь строй двух отрядов, будучи подгоняемыми сзади казаками, довольно внушительной толпе, да еще в вечернее время, было очень трудно. Чувствовалась неизбежность столкновения.

Так и случилось.

Как только передние ряды несшие Красное Знамя сумели проскользнуть в Пестриковский переулок (в их числе был я), солдаты сжали в тисках напиравшую массу, и по команде пристава Лаврова, руководившего отрядом, начали избивать демонстрантов прикладами.

Мы в количестве нескольких человек, очутившихся вне опасности, явились невольными свидетелями этой гнусной расправы.

Фонарь, висевший на перекрестке Никитской, ярко освещал группу рабочих и учащихся, прижатую к стене дома Офицерского Собрания и избиваемую солдатами прикладами ружей.

Я почувствовал, как у меня застучало в висках и я весь как бы наполнился электрическим током.

Что то сильно непреоборимое потянуло мою руку в карман, я вытащил наган и спокойно выстрелил в пристава Лаврова, Раздался выстрел, а затем другой, третий... Когда я почувствовал, что весь заряд расстрелян и оглянулся вокруг, чтобы у кого нибудь взять заряженный револьвер, то кругом меня было пусто.

Зато солдаты изменили свое положение: оставив избиваемую группу у стены, они вытянулись по линеечке и по команде стреляли вдоль переулка.

Я чувствовал, как около свистали пули, но какое то бодрое возбужденное состояние подсказывало, что нет, не попадут, промахнуться.

Это внесло некоторое замешательство в ряды окружавших нас солдат и схваченная в кольцо публика, воспользовавшись этим, прорвалась и расеялась по улицам.

Я быстро, пользуясь наступившей темнотой, вместе с Тулиным, случайно застреляным в Октябре на занятиях боевой дружины, забежал в калитку дома присяжного поверенного Леонтьева, где успел зарядить револьвер.

В это время в переулок в'ехал отряд казаков и направился по Воскресенской.

Мы быстро вышли со двора и вслед казакам дали несколько выстрелов.

В результате перестрелки с нашей стороны никто не был не убит и не ранен, за исключением нескольких избитых прикладами.

Приставу Лаврову, как выяснилось после, я прострелил фуражку, а из группы казаков, в которую мы с Тулиным дали несколько выстрелов, был ранен смертельно один казак, который через несколько дней и умер.

Так начался Великий Октябрь 1905 г.

Попытки пристава Лаврова, который для Калуги был диктатором установить порядок и привести власть к равновесию, конечно, не могли дать удовлетворительных результатов.

Из всех происходящих событий чувствовалось, что местная власть потеряла центральное руководство, и будучи, оторвана от Москвы и Петрограда, ввиду всеобщей забастовки, потеряла обычную уверенность, начала колебаться, не решаясь принять какие либо твердые меры.

Между тем в городском саду почти ежедневно устраивались митинги, в Народном Доме заседал Совет Рабочих Депутатов, красный флаг не сходил с улиц, в воздухе постоянно слышалась Марсельеза.

Всеобщая политическая стачка нанесла серьезный удар царскому самодержавию, заставила его пойти на грамаднейшие уступки, в результате чего „Божию милостью" об'является манифест 17-го Октября, превозгласивший, вместе с „дарованием политической свободы" и о созыве Государственной Думы.

Помню, в три часа дня мы с Борисовым Александром вышли в город и недалеко от Губерской типографии вертетили газетчика, продававшего телеграмму о высочайшем манифесте.

Наскоро прочтя о возвещенных свободах, мы сразу почувствовали всю наглую ложь и обман царской милости, и быстро направились в Коммуну, находившуюся на Спасо-Жаровской улице, чтобы поделиться с товарищами новостью впечатлениями и наметить план действий.

По пути встретили сидевшим на лавочке возле Воинского Присутствия околоточного Рождественского, пытавшегося однажды разогнать демонстрацию и побитого за это камнями, и с злым ехидством ткнули ему манифест, после чего тот прочтя царскую милость, тут же заплакал уверяя нас, что он всегда был за народ и за свободу.—

Вечером мы организовали большой митинг в Городском саду для обсуждения манифеста. Народу было много, и все с жадностью слушали каждое слово, стараясь найти разгадку в происшедшем. Выступало ряд ораторов, почти все были С.-Д. и общая оценка манифеста была отрицательная. В каждой речи подчеркивалась действительная причина признания свобод и народные массы призывались не доверяться царским милостям, спешить закрепить завоеванные позиции.—

18-го октября администрция Технического училища устроила благодарственный молебен в честь дарования высочайших милостей, на котором поп выступил с речью, говоря, что Царь батюшка, заботясь о благе народа, решил для его пользы дать льготы и свои царские милости.

По окончании его речи выступил я и обрисовал перед техниками исторический ход событий, указав что дарованная свобода есть капитуляция правительства под напором выросшего рабочего движения в надежде задержать его дальнейшее развитие путем подачек, для того, чтобы снова потом повести реакционную политику и отобрать все „дарованное" свою речь я окончил призывом чтобы вместо молебна о здравии царя пропеть похоронный марш, павшим борцам за свободу. Дружным хором раздался похоронный марш и священник поспешно начал собирать принадлежности культа стараясь незаметно уйти из зала.

Октябрьские дни вихрем неслись в порыве революционного экстаза. Чуствовалась общая восторженность, в котор й незамечалось нашей слабости и неорганизованности масс, бывшей в действительности.

В 20-х числах уже чувствовалось, что испуганные, притихшие в начале контр-революционные силы оправились, сумели оценить происшедшие события, сделать заключение и мобилизовать свои силы.

Началась спешная организация полицией черной сотни и патриотических манифестаций. Помниться, вечером 20-го октября, после митинга в Городском саду, толпа, бывшая на митинге, направилась в дом губернатора с красными знаменами и пением революционных песен „с определенным и твердым намерением добиться освобождения политических заключенных из тюрьмы. После разговора с губернатором и обещания его, что заключенные будут освобождены, возможно завтра, так как он ждет по этому вопросу ответа из Москвы,—мы направились обратно. Когда вошли в ворота возле собора, где находится в настоящее время Губродком, то повстречали черносотенную „манифестацию, несущую портрет царя, трехцветный флаг и певшую „Боже Царя храни" Произошла стычка,раздались выстрелы, демонстранты и манифестанты набросились друг на друга, в результате чего союз русского народа был смят, трехцветное знамя было изорвано, портрет уничтожен, а видные черносотенцы избиты.

Здесь мы победили, но в нашей мысли зародилось предположение о возможности черносотенного выступления и погрома в ближайшие дни.—На другой день еще один случай убедил меня, что ткутся сети темных сил. На Плац-Парадной площади был митинг, я выступал с речью а так как говорить на открытом воздухе было очень трудно, тем более перед большой толпой, то я забежал в находившуюся против площади пивную выпить кружку пива. Выходя из пивной, я заметил недалеко от выхода группу сидевших подозрительных людей и полушопотом разговаривавших между собой заметив меня, они замолчали, среди них я узнал одного знакомого мне сапожника Ивана Стаменского, головореза, хулигана и заядлого черносотенца. Он был пьян. Уви-

дя меня, он отделился от группы и направился в мою сторону я остановился, чтобы его подождать. Подойдя ближе, он набросился на меня с площадной бранью, намереваясь ударить, но я, быстро учтя его движение, нанес ему удар первый, он пошатнулся и упал. В это время подошли несколько человек из толпы, бывшей на площади и в свою очередь отвесили ему несколько затрещин.

Я ушел, но уходя чувствовал наступление черной грозы. 22-го октября в 4 часа дня должен бы состояться на городском бульваре митинг, и я, по постановлению организации, готовясь к митингу в своей квартире, делал обзор происходящих событий.

На кануне мне пришлось много работать. Я устал, и поэтому решил днем уснуть, а засыпая просил С. Митина и его сестру разбудить меня к 4-м часам, но они ушли из дому раньше, оставив меня одного.

В это время произошли кошмарные, кровавые события: в городе начался погром, начали громить винно-гастрономические магазины и избивать учащихся. Был избит Павел Баташев, рабочий железно-дорожных мастерских, избит ужасно, так, что вся его фигура представляла бесформенную, распухшую синюю массу. Избили деньщика какого то полковника, которого приняли за студента, так как на нем была серая тужурка, техника Германа и многих других.

Проснулся я от непонятных для меня вначале звуков.

Оказывается около меня стояла А. Д. Митина, переодетая крестьянкой и только что спасшаяся от озверевшей толпы и видевшая, как избивали людей на улицах.

Она плакала и никак не могла придти в себя от пережитого ужаса.

Так начался октябрьский погром.

На другой день черная злоба народной темноты, подогреваемая Союзом русского народа, под охраной и покровительством казаков и полиции, все время присутствовавшей при грабежах и избиениях, разрослась в огромный пожар. Громили магазины: Капырина, Лобова, Комарова, разгромили дом Угарова и направились громить трактир Доманова на Старом Торгу.

Но здесь встретили неожиданное сопротивление.

Группа социалистов-революционеров, состоявшая почти целиком из бр. Радиловых засела на чердаке своего дома, прилегающего к трактиру Доманова и открыла из охотничьих ружей огонь по погромщикам.

Раздались крики, стоны и повалились убитые и раненые.

Руководитель отряда громил, сапожник Стаменский, бросился к крыльцу, намереваясь открыть дверь и ворваться на чердак, к засевшим революционерам, но меткий выстрел из браунинга через слуховое окно уложил его на месте, кто то еще спустил на него большой камень из слухового окна, который снес ему черепную коробку.

Ужасно перекосив посиневшее лицо, скрючив пальцы рук, как бы стараясь ими задушить все ненавистное, он уперся своим мертвым телом в порог двери, закрыв выход.

Страх и безумие охватили погромщиков, и, оставшиеся без вожака, они шарахнулись в сторону, а выстрелы все раздавались, осыпая отступающих картечью и крупной дробью.

В этот день было убито черносотенцев около двенадцати человек, установить количество раненых не представлялось возможным, так как они разбрелись по домам.

Все убитые имели ужасный вид. Я лично видел эти жертвы (большинство из них были рогожники местных фабрик, крестьяне окрестных деревень). Раны нанесены им были смертельные, так у некоторых были клочьями вырваны бока, попавшими зарядами крупной дроби, или сорвана часть головы зарядом картечи....

Не обошлось без жертв и со стороны революционеров, был убит Деонисий Радилов, который, пытаясь уйти с чердака, случайно наскочил на группу черносотенцев, шедшую по Ильинской улице.

Три дня царила злоба и ненависть на улицах Калуги.

Власть делала благородный вид, что она, как бы бессильна перед разразившимся народным гневом, но затем, когда движение начало разрастаться и могло вылиться в

анархию, полиция отдала приказ о ликвидации погромов и все стихло. Такой кровавой печатью 22-го октября был скреплен царский манифест о дарованных свободах.

Октябрьские погромы кошмарной волной прокатились по всей России и лишний раз доказали, насколько искренно было царское правительство в своих намерениях, а также и то, может ли рабочий класс доверяться самодержавным милостям и обещаниям.

Октябрьские дни и все последовавшие за ними события лишний раз доказали, что только вооруженное восстание и полное уничтожение самодержавия откроет путь рабочему классу в его борьбе за светлое царство социализма.

С твердой решимостью российская социал-демократия, приступила к подготовке вооруженного восстания.

Партийная печать, вышедшая из подполья, повела широкую компанию за организацию пролетарских масс. На местах точно также спешно велась работа по организации профессиональных союзов. Большинство партийных товарищей ушло в профсоюзы для партийной работы.

Надо заметить, что вооружение, наряду с организацией рабочих и учащихся, шло усиленным темпом.

Собирались на всех митингах деньги на оружие и делалось это совершенно открыто.

Устраивались даже специальные вечера в Техническом училище, где, например, при входе в зрительный зал, стояло большое блюдо с красной надписью: „Жертвуйте на оружие".

К этому времени состоялось об'единение Группы и Союза и образовался Калужский Комитет Р.С.Д.Р.П.

Задачей Комитета было немедленно сформировать боевые дружины и таковые были созданы из техников и рабочих мастерских.

Штаб был в Техническом училище, там же и находилось все оружие. В течение ноября и декабря, Техническое училище было вооруженным лагерем.

Целые дни в столовой общежития несли свои дежурства вооруженные отряды, и власть, знавшая о всем происходившем, не решалась вступить в борьбу, как бы становилась бессильной в сторонку.

По газетным сведениям и информации из Москвы чувствовалось, что близок час решительной схватки и близок бой старой и новой жизни.

Мы переживали период начавшейся вооруженной борьбы. Революция, а с ней и партия вошли в полосу военных операций.

Наш Комитет ставит вопрос в случае об'явления вооруженного восстания об из'ятии из обращения наиболее активных агентов местной власти, в целях ее дезорганизации, и в результате постановляет „убрать" пристава Лаврова, как энергичного, безумно-храброго и искренне преданного монархии и особо вредного для революции агента.

Одновременно группою лиц разрабатывается план: после убийства Лаврова немедленно захватывается дом губернатора, губернатор и полиция арестовывается, телеграфное и телефонное сообщение перерывается, после чего Н. Х. Фосс об'является Начальником губернии, и таким путем в Калуге создается революционная власть.

Убийство пристава Лаврова было поручено С. Митину, тов. Максиму и мне.

Пристав Лавров ежедневно вечером посещал квартиру Меньшовых в Татаринском переулке, находившуюся против дома Щепетова, где жил тов. Колесников; из квартиры последнего мы устроили наблюдательный пункт и через несколько дней уже знали, что в первом часу на углу Дворянской и Татаринского переулка появляется извозчик, а равно в час пристав Лавров уезжает на нем домой. Для проведения своего плана мы решили на всех ближайших углах раставить своих часовых, а извозчика за несколько минут перед выходом Лаврова нанять и уехать в противоположный конец города

В установленный день все в точности было выполнено.

Часов в 10-ть—11 вечера, я и тов. Максим зашли к Е. Д. Никифоровой и там переоделись. Я был облачен в женскую юбку, гаржетку и прочий дамский костюм, и принял вид великосветской дамы. Моего спутника обрядили в костюм полковника, в котором он был великолепен настолько,

что, когда мы под'ехали к ресторану Купцова, чтобы послать извозчика разменять десять руб., так как у нас не было мелочи, то городовой стоявший на углу, вытянулся в струнку и, взяв под козырек, быстро подбежал к санкам, стараясь открыть полость.

Около часа ночи мы были у места, где должно было произойти событие.

При выставлении часовых мы условились, что, если они услышат отдельные выстрелы, то на них не должны обращать никакого внимания, но, если раздадутся подряд несколько выстрелов и не меннее трех, то немедленно нужно бежать на угол Татаринского переулка и Дворянской улицы к месту стоянки извозчика Лаврова.

Здесь нужно заметить, что подготовка покушения велась П. Х. Фоссом далеко неконсперативно. В доме Щепетова, который в это время был нашим оперативным штабом всегда присутствовало много посторонних лиц, неимевших прямого отношения к партийной организации, а лишь ей сочувствовавших, и поэтому, судя по ходу нашей операции, мы полагаем, что о готовившемся акте террора над Лавровым, о дне и часе этого акта, стало известно, как видно, и охранке.

В тот момент, когда мы с товарищем Максимом и Митиным под'ехали к углу Татаринского переулка и Дворянской улицы, где должен появиться уже Лавров, раздались подряд три выстрела и через несколько секунд еще три, которые должны были сделать мы в минуту опасности. Мы ясно почуствовали, что дело не ладно и вместо того, чтобы продолжать свой путь в направлении к Татаринскому переулку повернули обратно, и увидели, как нам на встречу по дороге бежали два наших часовых (один из них был наш техник А. Покровский), которых настигали на извозчике трое сыщиков. Один из них стоял в санях и, увидя нас, кричал в нашу сторону: „Ваше благородие, Ваше благородие, задержите“, но мы с достоинством, как бы не замечая происходящего, свернули за угол, нашли извозчика и уехали.

В эту же ночь мы были окружены кольцом сыщиков и большого труда стоило нам избежать ареста.

Вскоре снова назрели события в всероссийском масштабе.

В первых числах декабря правительство арестовывает Исполком Петроградского Совета Рабочих Депутатов, Членов Крестьянского Союза в Москве, закрывает лучшие газеты и т. п. Тогда Советы Рабочих Депутатов Петрограда и Москвы об'являют всеобщую политическую забастовку протеста.

7-го декабря циркулярно всем станциям и Управлениям ж. д., всем служащим, мастеровым и рабочим рассылается обращение от Конференции Депутатов 29-ти жел. дор. и Центрального Бюро Российских железных дорог с призывом к забастовке.

Циркуляр ясно отражал всеобщее настроение и политическое положение страны того времени, в нем, как в зеркале, уже чувствовалось то нарастание кровавого грома, что вошло в историю революционной борьбы под названием „Декабрьские События“, вот почему я считаю не лишним привести целиком данный циркуляр:

„Товарищи! Правительство, уступившее под давлением всеобщей октябрьской забастовки, об'явившее 17 минувшего октября Высочайший Манифест о свободе слова, собраний, союзов, неприкосновенности личности, теперь отказывается от своего манифеста: вместо свободы слова—оно закрывает лучшие газеты, вместо свободы собраний, разгоняет их; вместо свободы грозит тюрьмою за участие в железно-дорожном и почтово-телеграфном Союзе; вместо неприкосновенности личности—арестовывает Совет Рабочих Депутатов в Петербурге и Членов Крестьянского Союза в Москве и прочих граждан в других городах России.

Оно выбрасывает сотни тысяч фабрично-заводских рабочих на улицу; оно укрощает генерал-ад'ютантами и пулеметами и заставляет предавать военно полевому суду восставших солдат и матросов.

Товарищи! каждый из нас понимает, что без упомянутой выше свободы наших союзных организаций, наше экономическое право и положение не только не улучшается, но стало еще хуже.—Правительство накануне банкротства и мы рискуем потерять даже те сбережения, которые внесены нами в пенсионные и сберегательные кассы. Запрещая и нарушая

свободы, об'явленные манифестом 17-го октября, правительство, таким образом, становиться мятежным, поэтому и крамольники не те, кто борется за свободу, а само правительство, которое нарушает им же указанные законы.

Товарищи! дальше терпеть нельзя, правительство вызывает нас на новый бой; пусть будет так, вина за последствия падет на преступное Петербургское правительство. Конференция Депутатов от 29-ти железнодорожных Союзов совместно с Центральным Бюро Всероссийского Железно-Дорожного Союза присоединяется к постановлениям Совета Рабочих Депутатов Петербурга и Москвы и об'являет 7-го декабря всеобщую политическую забастовку. Об'являя забастовку, берем на себя возвращение войск из Манчжурии и доставку этого войска в Россию гораздо скорей, чем это сделало бы правительство. При этом обращаемся к нашим братьям, военным Манчжурии, чтобы они сами во время следования по железным дорогам оказывали содействие нашим организациям и поддерживали порядок, установленный нами.

Пассажиров, захваченных забастовкой в пути, мы доставим до ближайшего большого города в направлении их следования. Кроме того, мы примем все меры к перевозке продовольственного хлеба голодающим крестьянам и провизии для товарищей на линии. От старого правительства ждать больше нечего. Только Учредительное Собрание, собранное на началах всеобщего равного, прямого, тайного, голосования выведут Россию из этого положения, в которое поставило ее преступное правительство и до тех пор, пока свободе слова, печати, союзов и собраний, неприкосновенности личности угрожает опасность, всеобщая политическая забастовка не может прекратиться и она должна продолжаться. И так, товарищи, идем вместе и дружно в борьбу за свободу всего народа, мы не одни, городской пролетариат, трудовое крестьянство и сознательная часть армии и флота уже восстала за народную свободу, за землю, за волю.

В связи с этим Циркуляром 11-го Декабря в Управлении жел. дор. партийной организацией устраивается общее собрание служащих для обсуждения вопроса об организации забастовки. Председателем собрания избирается Н. Х. Фосс, служивший в это время в Юридическом Отделе Управления.

Все собрание протекает под общим лозунгом немедленной поддержки Петроградского и Московского пролетариата, в результате чего об'является забастовка на всей линии Сызрано-Вяземской жел. дор. Особо яркими горячими сторонниками забастовки выступили, с призывом присоединиться к восставшим И. Х. Фосс и А. Д. Никифоров.

Накануне Калужским Комитетом были разбросаны прокламации по городу с изложением событий и с призывом присоединиться к забастовке, особенно обращено внимание на призыв к рабочим ж. д. мастерских; двенадцатого того же декабря члены с. д. организации—Ив. Стефанович, С. Д. Митин, А. Кизик, В. Н. Любимов проникают в железнодорожные мастерские, где и устраивают этот летучий митинг с целью остановить работу, при чем выступление это заканчивается для нас большими потерями: два хороших, энергичных и крупных партийных работника тов. Любимов и Кизик были арестованы и препровождены в тюрьму. Их арест был началом дальнейшего нашего разгрома: 13 и 14-го были арестованы: Никифоров, А. Д. Иванов, Костин, Владимиров, Акимов и ряд других товарищей должны были перейти на нелегальное положение тов. Митин, я, Максим и Фосс усиленно разыскивались, как организаторы декабрьской забастовки и покушения на пристава Лаврова.

И мы вынуждены были бежать. Первым покинул Калугу Фосс, которого А. Смирнов загримировал купцом, и который на лошадях выбыл в Москву, затем должны были скрыться с Калужского горизонта Митин, я, Максим и Иван Стефанович, последний разыскивался за участие в подготовке жел. дор. декабрьской забастовки и за организацию „бунта" в штабе 222-го пех. полка, стоявшего в то время в Калуге, где он служил вольноопределяющимся. Все мы уехали в Москву, где уже строились баррикады и геройски билась Красная Пресня.

М. Образцов.

Из пережитого.

Как строчки открытой книги проносятся сейчас в моей памяти дни моей жизни в „Коммуне“ в 1905 году.

Воспоминания мои о партийной работе того времени будут бледны, во первых потому, что мне было тогда всего только 15 лет, а во вторых ввиду конспирации, от меня, как девочки, многое скрывалось. Но тем не менее мне хотелось бы запечатлеть эти два-три года, как самую лучшую светлую страничку моей жизни…

В 1905 году, будучи в 5-ом классе гимназии, я впервые поселилась на конспиративной квартире-коммуне. Нас было четверо: я, брат Сергей, М. Образцов и Ломакина-гимназистка 7 кл. Жизнь в нашей коммуне била ключем: стоял типографский станок, на котором по ночам печатались прокламации—воззвания к солдатам, гражданам, к учащейся молодежи, каковые затем с большим риском следующей ночью, а иногда даже и днем подбрасывались в казармы, расклеивались на заборах и столбах. Вечером на нашей квартире устраивались партийные собрания.

Во время важных собраний меня, в видах конспирации, под каким-нибудь предлогом часто удаляли из помещения, а то и без всякого предлога просто посылали погулять.

О, если бы знали товарищи, как я страдала от этого казавшегося недоверия ко мне! Это было единственной тучкой на светлом горизонте моей жизни в коммуне!

Вскоре, однако, я была приобщена к этому великому общему делу, которое захватило меня всю без остатка. Партийные работники казались мне какими-то героями, сверх человеками, на которых хотелось молиться.

Много людей перебывало у нас в квартире. Одни уезжали, другие приезжали, жили по нескольку дней, и потом опять куда-то исчезали; я не знала: кто они, откуда, как их зовут (почти у всех были партийные псевдонимы), но к каждому подходила доверчиво, забрасывала вопросами, на которые мне охотно отвечали. И передо мною постепенно развертывался широкий горизонт деятельности революционеров. Я уже знала, что у нашей организации существует прочная связь с Москвой, Петроградом и другими городами, откуда мы получали поддержку ввиде нелегальной литературы, денег, практических указаний, распоряжений и пр.

Назревала октябрьская революция 1905 года. И как-то неожиданно для меня вспыхнула она. Был ясный солнечный осенний день. По дороге в гимназию я заметила на улице что-то необычайное: озабоченно бежали куда-то царские прислужники, попадались навстречу конные казаки и спешенное войско. Днем началась забастовка. Из окон гимназии я ви-

дела учащуюся молодежь, которая покинув стены учебных заведений, с пением Марсельезы, бодрым шагом, вместе с рабочими и гражданами двигалась по улицам. Двери нашей гимназии под напором молодых юношей распахнулись, и мы влились в эту толпу демонстрантов, и отправились вместе.

Никогда не забыть мне этих светлых минут. Точно крылья выросли у меня за спиной: я была счастлива, я чувствовала себя неотделимой единицей этой массы, горевшей энтузиазмом, желанием борьбы за свободу, угнетенных веками трудящихся.

Полиция растерялась. Нам свободно дали проследовать по всем улицам до железно-дорожного Управления, где состоялся митинг, где открыто выступали товарищи, с горячим призывом всем сплотиться и вступить в борьбу с угнетателями, свергнуть отжившее иго царизма и стать самим хозяевами продуктов своего труда и т. д. и т. д.

Хотелось верить, что царство социализма не за горами, что мы на канупе великих событий.

До Калуги дошли вести, что по всем городам, в Петрограде и в Москве одновременно вспыхнул пожар революции, и казалось, что не хватит царского войска потушить этот всероссийский пожар, казалось, что крестьяне, рабочие и все, кому близки интересы трудящихся масс, окончательно подготовлены к этой великой борьбе....

Появился манифест 17 октября, провозгласивший свободу слова, собраний и т. п., который еще раз подтвердили, что самодержавие пошатнулось, что оно теряет под собой почву, что манифест этот исходил не сверху, а вырван снизу.

Днем собрался грандиозный митинг, на котором был оглашен и разобран манифест, а вечером того же дня состоялась многочисленная демонстрация, шествовавшая с красными знаменами и с пением революционных песен. Когда тысячная толпа вышла на Плацпарадную площадь (ныне Площадь Свободы), неожиданно для всех раздались выстрелы, толпа мигом растаяла и не более ста человек осталось на площади, растерявшихся от неожиданности.

Все недоумевали. Как смели стрелять в мирных демонстрантов, собравшихся праздновать „дарованную" царем свободу. Свобода слова, печати и т д., что же это? Обман, ловушка?!

Да, это было так. Чувствовали, что на залпы мы должны были ответить тем же. Это стало для меня ясно в ту минуту, когда в темноте, подойдя к кучке людей, стоявших на площади, я увидела среди них Семена Макаровича Пшеная—нашего педагога в Железводорожном училище, нашего старика, который всегда был для нас авторитетом, я увидела что шестидесятилетний старик, по убеждению чуть-ли не Толстовец, отрицавший „насилье" и кровавую борьбу, стоит с непокрытой головой, держит в руках шапку и собирает на оружие...

На другой день опять организовался митинг в городском саду.

Полиция во главе с приставом Лавровым пыталась его разогнать. Но на время рассеявшаяся толпа снова собралась, и мы с пением революционных песен двинулись по главной улице города.

Вдруг из темного переулка на нас неожиданно бросилась рота солдат со штыками на перевес. Товарищи бросились в противоположный переулок а часть, в том числе и я, остались на месте.

„Пусть убьют, думала я, но я встречу штык или пулю грудью, а не спиной“. На мгновенье у меня мелькнула мысль: ведь, солдаты это те же крестьяне и рабочие: они не ведают, что творят, стоит им только сказать, открыть глаза и они пойдут за нами.

„Товарищи“—крикнула я храбро, но только и успела сказать: на меня набросились, смяли и прикладами наградили за мою наивность. Одновременно с посыпавшимися на меня ударами прикладов, я услыхала со всех сторон выстрелы, и помутившемуся сознанию представилась жуткая картина: стреляют, гибнут стало быть самые дорогие и близкие товарищи: брат Сергей, Образцов, Ломакина и другие. И я на время потеряла сознание.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда я пришла в себя, кругом было тихо, темно и безлюдно. От боли в спине и груди трудно было дышать, но я все же быстро, как только могла, направилась в коммуну, замирая от ужаса не найти кого-нибудь в живых из ее обитателей. Велика была моя радость, когда я всех почти товарищей нашла в сборе и от них узнала, что стреляли наши. Не было только Образцова и это всех безпокоило. Но вот явился, наконец, и он. Все забыто, опять все бодры и веселы, опять завязались горячие бодрые споры. Здесь же вырабатывается план действий на будущее время.

Но вот настали черные дни. Полиция организовала погромы, во время которых погибло несколько человек. Убили Дениса Радилова С.-Р., избит был Герман техник ж. д. мастерских, П. Баташев и др.

Радилова я видела в больнице за несколько часов до его смерти. Как сейчас вижу перед собой посиневшее, вспухшее изуродованное лицо с остановив-

жимся взглядом и нервным подергиванием рук и ног. Через несколько часов его уже не стало.

Была также свидетелем я и этих диких избиений черной сотней. Разгромив винный магазин Лобова и озверевши от выпитого вина, господа громилы шествовали по улице с портретом Николая II и буквально ревели дикими пьяными голосами: „Боже, царя храни“.

Я была у знакомых, когда с улицы принесли вести, что погромщики ищут стриженую гимназистку, которую жаждут разорвать за то, что она призывала к забастовке рабочих ж. д. мастерских. Внешность моя как раз подходила под описание этой гимназистки, хотя то была и не я. Нужно было итти домой, предупредить своих товарищей по коммуне, так как одновременно с этим я слышала, что собираются громить также и нашу коммуну.

Проходить нужно было через эту дикую толпу. Пришлось переодеться и направиться домой. Вот и манифестация. Какие дикие озверелые у всех лица!

Впереди меня шел прилично одетый господин, похожий на еврея. Кто то крикнул: „бей“. и этого было достаточно, чтобы раз'яренная толпа бросилась на него, он упал в грязь, его били ногами по лицу, по спине, не разбирая, лишь бы бить. Употребив отчаянное усилие, он вырвался из лап этих зверей и бросился бежать и весь окровавленный сунулся в первую попавшуюся калитку, но оттуда его, боясь погрома, снова безжалостно вытолкнули, и опять толпа обрушилась на него. Еще раз ему удалось приподняться с земли, но вместо лица я увидела кусок залитого кровью мяса. Ужас охватил меня и безсильная злоба душила. Не оборачиваясь, оставляя позади этот кошмар, я побежала вперед.

Но вот и коммуна. На окне откровенно лежит развернутое красное знамя, так что с улицы через оконные стекла можно было легко прочесть: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“, а в коммуне беззаботным сном спал Образцов.

Организатор погрома Лавров и вообще полиция, с согласия губернатора Офросимова—„Глухаря“ определенно наметила к разгрому несколько квартир, в том числе и нашу коммуну. Приходилось спасаться. Последний прощальный вечер собрались в ней наши товарищи с тем, чтобы уйти из нея навсегда. Настроение было подавленное: что то ждет всех, увидимся ли. Может быть многим из нас не долго осталось жить. Многих, мы знали, ожидала тюрьма.

Некоторые уезжали в Москву и там могли погибнуть на баррикадах. Я и Ломакина уезжали к родственникам.

Как будто хоронили кого-то, как будто потеряли что-то близкое, дорогое всем. Товарищи женщины втихомолку плакали, все валилось из рук. Уж очень сжились мы все, привыкли друг к другу. Общие убеждения и общая работа сроднила нас. Я даже не могла бы сказать, за кого больше болела душа: за брата, за т. Образцова или за Ломакину, словом, все были одинаково дороги и близки.

Мы хоронили наши лучшие светлые дни, нашу коммуну.

В начале 1906-го года мы снова собрались и поселились на конспиративной квартире.

Теперь постоянными жителями ея были: я и Ломакина, а остальные наши товарищи по коммуне—брат и т. Образцов кочевали в Москве, работая на заводах.

Вскоре началась усиленная слежка. Охранка не дремала, шпики работали не за страх, а за совесть, и нам приходилось покидать квартиру за квартирой, чтобы скрыться от зорких царских прислужников и не посадить товарищей, что нам в продолжении значительного времени и удавалось.

На последней квартире нас жило трое. Кроме меня и Ломакиной еще курсистка фельдшерских курсов Е. Мешкова. А брат и т. Образцов уже сидели в то время в тюрьме. Время для работников подполья было тяжелое: начались репрессии, поголовные обыски и аресты. Но наши оставшиеся на воле товарищи не унывали, работая не покладая рук. У нас на квартире чуть ли не ежедневно устраивались собрания рабочих, Комитета партии, кружков учащейся молодежи, которых пропагандировали политически развитые старые опытные работники...

Часто я ходила на свидание к брату, сидевшему в тюрьме. Последний раз, незадолго до Рождественских каникул, я направлялась из гимназии в тюрьму. Настроение было подавленное. Ярко рисовалась предстоящая картина свидания и конечно навевала невеселые мысли. А на сей раз я волновалась больше чем когда либо: в руках у меня был зажат небольшой клочек бумажки—записка брату, которую мне предстояло передать незаметно от всех.

Я знала, что записка не компрометирующая, но все же не хотелось, чтобы она попала в лапы начальника тюрьмы, чтобы эти тупоголовые сторожилы торжествовали потом и издевались бы над неудачной попыткой сообщить что-то с воли.

Вот и тюрьма. Свидание обычно происходило в присутствии начальника тюрьмы, его помощника и

надзирателя. Находясь под строгим наблюдением этих господ, зная что каждое твое слово слышат чужие уши, уши ненавистной царской опричнины, зная что следят за каждым движением, часто затрудняешься о чем говорить, и потому иногда раньше времени кончаешь свидание. На этот раз мы тоже раньше прервали свидание и прощаясь, я попыталась из рук в руки передать записку, и как только она перешла к брату, я услыхала злобный торжествующий возглас Загряжского (начальника тюрьмы): „Позвольте, Митин, покажите, что у вас в руке: вам передали записку“.

Когда я взглянула на брата, я увидела, что он молча сунул этот злосчастный клочек в рот и начал жевать. Во мгновение ока его окружали тюремщики и тут то разыгралась дикая сцена. Его схватили за руки, дергали в разные стороны и в общей свалке я слышала только отдельные крики: „отдай“, „в карцер“, „лишить свидания“, „на хлеб и на воду“, „берите за горло“, „тащите записку“.

— „Сережа, отдай им“, крикнула я, там ничего нет“.

И среди общего шума я услышала, как он отчетливо, но тихо сказал.

— „Ладно“: пусть хоть задушат, но я не отдам“.

В это время его уже две пары рук схватили за горло, а третья пара грязных грубых рук какого то надзирателя разжимала ему стиснутые зубы.

Мне стало жутко и я повернулась к выходу, чтобы уйти.

На другой или на третий день я получила повестку: меня приглашали на допрос к жандармскому

ротмистру Ершову, где мне пред'явлена была та записка, которую все таки удалось извлечь изо рта брата. Вся изжеванная, истертая, но основательно высушенная и разглаженная....

Вечером 23 декабря 1907 г. у нас в коммуне было заседание Комитета Р. С. Д. П. ж. д. района.

Как всегда собирались осторожно, по одиночке, под покровом темной ночи, и также осторожно, по окончании заседания, расходились. Был уже 12-й час ночи, когда последний из членов Комитета ушел домой.

Я и Ломакина остались одни. Я занялась сборами в дорогу на Рождественские каникулы к своим родственникам, на столе были разложены традиционные рождественские открытки, приготовленные к отправке своим одноклассницам. Впереди предстоял двухнедельный отдых от казенной казарменной гимназической обстановки, от занятий, а поэтому настроение было бодрое, хорошее. Я дописывала уже последний адрес, сладко зевнула, расчитывая сейчас же повалиться в мягкую теплую постель.

Вдруг в дверь раздался громкий и настойчивый стук. Недоумевая, кому бы так поздно быть, я пошла к двери и на мой вопрос: „кто тут“, я услышала: „Именем закона, отпирайте“!

Вот тебе, думаю, и каникулы и предполагаемая поездка к родным—все на смарку.

Дверь открылась. Первым ворвался Данишевский, за ним жандармы и городовики. Меня поразила их многочисленность, но как выяснилось потом, они расчитывали накрыть заседание Комитета, члены которого успели уже разойтись. Немедленно приступили

к обыску, но мы были спокойны: ничего компрометирующего у нас не было, подвести мы никого не могли.

Были только взяты мои невинные рождественские открытки, ученические тетради и т. д. Дошла очередь до обыска постелей.

И тут то разыгралась характерная сценка: у Ломакиной под постелью стояла коробка с новыми ботинками, которая смертельно перепугала храбрую царскую опричину. Как говорится „у страха глаза велики", вообразилось им, что там смертоносная бомба и никто не решался тронуть ее. Приступали к нам, спрашивали, что у нас в коробке, а мы сидели и хохотали, предлагая им самим открыть и узнать содержимое.

Данишевский забился в угол и командывал оттуда своре городовиков и жандармов, чтобы они извлекли коробку из под постели. Один храбрец смело и решительно выступил было вперед и шашкой издали дотронулся до коробки, но тут же смелость его оставила и он отскочил к стене. Пристав строго приказал одному из жандармов достать наконец коробку, но тот слезливо заговорил „Ваше благородие, избавьте, не могу: у меня жена, дети, на кого же они то, сироты, останутся".

Долго продолжалась эта комедия, наконец, один из понятых решительно подошел к коробке и осторожно, стараясь не толкнуть, поднял крышку. Каково же было их изумление, когда увидели там только ботинки.

Обыск закончен, составлен протокол и нас пригласили расписаться. Мы были уже одеты, нам еще раньше сказали, что бы мы приготовились, так как

мы арестованы. Расписываясь, я наклонилась к столу, за которым сидел Данишевский, и чуть не выколола ему глаз булавкой от шляпы. Когда он на меня закричал за мою неосторожность, я спокойно ответила: „что ж, одним подлецом было-бы меньше“. К моему изумлению он молча проглотил пилюлю. Все закончено, и нас в темноте морозной ночью повели в третью часть и посадили в голую камеру, кишащую клопами.

На мгновенье у меня сжалось сердце. Прощай гимназия, прощай педагогическая деятельность, о которой я мечтала с детства. Но вера в светлое будущее, за которое мы боремся, заставило побледнеть все остальное и снова ровно и спокойно заработало сердце.

Пусть нам погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых:
Дело всегда отзовется
На поколеньях живых.

На утро из клоповника нас повели на допрос к Ершову, а оттуда уже вечером проводили в Губернскую тюрьму, где уже давно сидел мой брат и другие товарищи. Нас посадили в женскую камеру политических заключенных, где мы встретили Дуню Рогову, которая часто посещала нашу первую коммуну, и затем т. Чивову С. Д., присланную сюда из Медыни.

Когда захлопнулась за нами двер и загремел засов, на мгновенье мелькнула мысль, на долго ли эта неволя, но задумываться над этим не хотелось, завязался живой разговор, обмен мыслей, посыпались вопросы, когда арестованы, при каких обстоятельствах, что нашли и т. д.

Чувствовалось, что тебя окружают свои близкие по духу и убеждениям, чувствовалось так же, что где то не далеко за этими стенами сидят и другие близкие товарищи: брат, Образцов, Борисов, Пленай и проч.

Позже в этот же вечер привели Мешкову—нашу третью обитательницу коммуны. На другой день все уже товарищи знали о нашем аресте и с надзирателями, приходившими на поверку, нам прислали колбасы, сыру, сахару и булок.

Какая трогательная товарищеская забота. В голове сверлит мысль: скоро будут таскат на допросы и нас и их, а что говорить на этих иезуитских допросах надо было спеться с остальными, чтобы не было разногласия.

План придуман. Мы просили Начальника тюрьмы разрешить нам чинить белье политическим заключенным, на что тот охотно согласился. В белье брата мы зашиваем записки, написанные на полотно, за тем я добиваюсь с ним свиданья и там знаками предупреждаю где искать. Таким образом шла оживленная переписка. Они же отвечали иным способом, но тоже надежным.

Через несколько дней пребывания в тюрме группой товарищей: братом Сергеем, Борисовым, Ошариным, Лихачевым, Богомоловым была об'явлена голодовка. Мы узнали об этом только на третий день, так как от нас тщательно скрывали как сами товарищи, так и тюремная администрация. Но просидев в тюрме некоторое время так обостряется чутье, что скрыть что либо, происходящее за стенами камеры очень трудно. Не сумели также скрыть от нас голодовки товарищей. Чувствовалось, что в мужском тю-

ремном корпусе не все благополучно. На поверке я передаю старшему надзирателю что—то из продуктов и прошу передать брату. Через несколько времени мне принесли все обратно, и на мой вопрос: почему вернули, надзиратель лаконически заявил: „он не хочет". Факт, что голодает, но кто еще поддерживает его, какие мотивы голодовки. Эти вопросы не давали нам покоя и мы решили во что бы то не стало все узнать. По стуковой азбуке спросили сидящих напротив товарищей: Образцова, Введенского, и друг., кто голодает и почему. После долгих переговоров, наконец, узнали кто, но почему, получили не вероятные сведения. Сказали, что мой брат требует ускоренного следствия и немедленного освобождения его больной сестры.

— „Как, думала я, какое он имеет право голодать сам и заставлять других товарищей поддерживать его, ведь это грубый эгоизм, не достойный революционера".

Да, я была больная, я стала истеричкой, В гимназии меня нравственно искалечили. В октябрьские дни, когда меня накрыли с поличными, т. е. при раздаче воззваний к учащейся молодежи начальница гимназии г. Салова втолкнула меня в пустой класс и там продержала несколько часов. От времени до времени она приходила и пытала меня, как инквизитор. Последний раз она пришла со свечками, зажгла лампадку и потащила меня к иконе, заставляя стать на колени, каятся и сознаться, кто у нас „бастует"—брат, отец. Эта пытка закончилась истерикой и потом обмороком. После этого я стала истеричкой.

И вот, думаю, брат, зная это, вообразил, что условия тюрьмы для меня слишком тяжелы и задумал

такой дорогой ценой добиться моего освобождения. Это мне казалось чудовищным. Мои товарищи по камере заявили, что они тоже вместе со мной об'являют голодовку, считая нравственным долгом поддержать голодающих. Послали за начальником тюрьмы, а я, не справившись со своими больными нервами забилась в истерике.

Помню, как т. Рогова вливая мне в рот холодной воды и кричала:—Барышня, будьте тверды, не забудьте, что вы революционерка, и это на меня подействовало лучше всякой холодной воды: я неимоверным усилием воли заставила себя успокоиться. Пришел старший надзиратель, и мы об'явили голодовку, требуя моего свидания с братом. Я надеялась, если окажется так, как нам передали, что брат голодает из за меня, уговорить его прекратить эту бессмысленную голодовку.

По прежнему приносили горячий обед, пайки душистого хлеба и снова все уносилось назад не тронутым. Смотреть как голодают мои товарищи по камере и думать, что голодают из за меня было ужасной пыткой.

Скорее, скорее бы все выяснить, скорее бы увидеть брата.

Начальник тюрьмы Загряжский сначала категорически отказался разрешить свидание голодающим, но когда узнал мотивы этого свидания, то наконец сдался. На третий день меня повели на свидание. Не знаю почему, но уже после трех дневной голодовки у меня был такой упадок сил, что я не могла сама дойти до конторы, где происходило обычно свидание.

Брат держался молодцом, бодро, хотя он явился уже на седьмой день голодовки. Только лицо бы-

ло землистого цвета и глаза блистели лихорадочным блеском..

Каково же было мое удивление и радость, когда я узнала о мотивах голодовки: требовали ускорить следствие по делу всех политических заключенных, а не растягивать на целые годы предварительного заключения.

Мое свидание с ним уже не имело более смысла. Просить, чтобы он кончил голодать, было бы глупо. По он поставил ультиматум: или мы (женщины) должны теперь же прекратить голодовку, или он размозжит себе голову об стену. Я знала, что он шутить не любит. Пришлось оффициально заявить, что голодовку прекращаем, а фактически продолжали голодать.

На девятый день приехал прокурор Данилов, обещал удовлетворить требования голодающих и таким образом кошмар прекратился.

Последние часы, перед приездом прокурора, г. Чивова от слабости лежала в бреду и не хотела принимать пищи даже и тогда, когда голодовка прекратилась. Заболел также и Опарин, которого отправили в уездную тюрьму. После прекращения голодовки тюремная жизнь снова стала мало по малу входить в свою колею.

Мне лично в тюрьме пришлось просидеть не долго. В конце февраля меня выпустили. Из гимназии, конечно, исключили без права поступления в другом городе и по проходному свидетельству выслали под надзор полиции к моим родственникам.

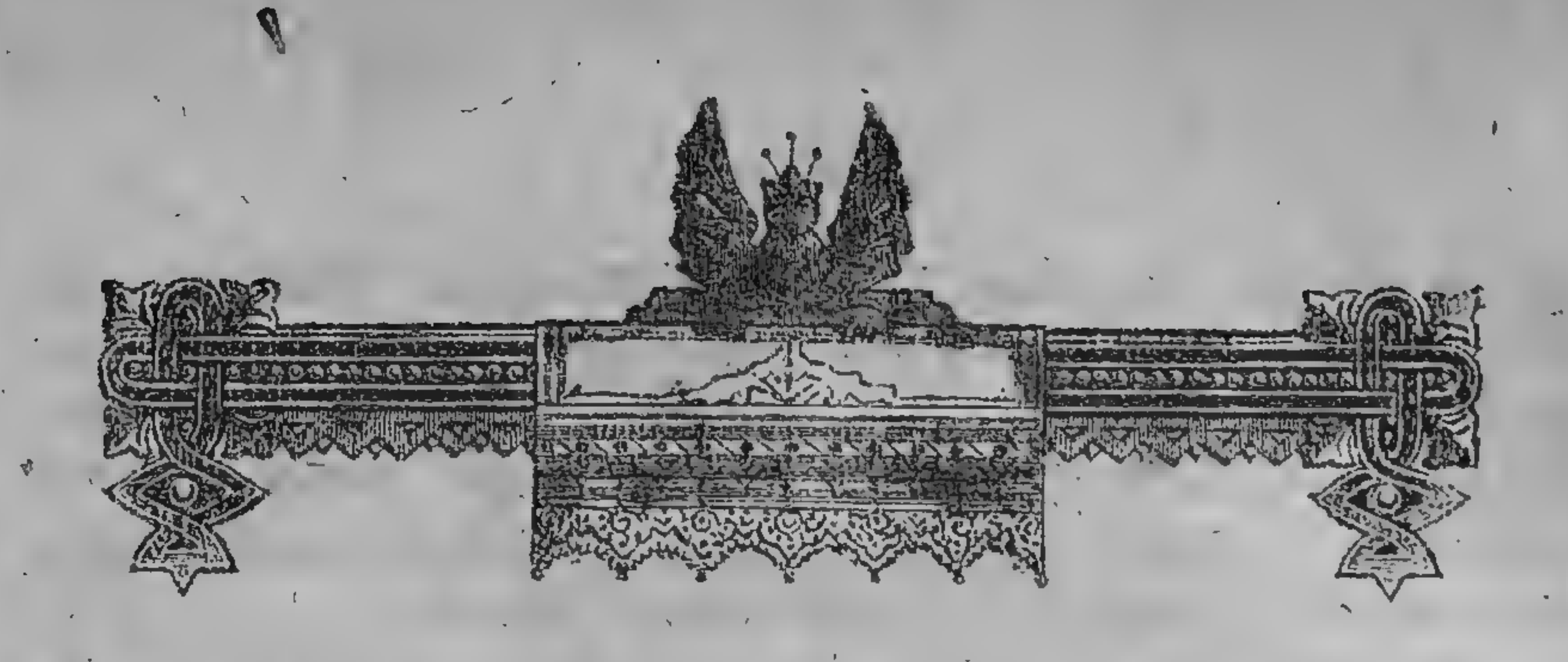
А. МИТИНА

(Барышня).

С. Г. Лысов (Граф).

Пережитое.

Почти два десятка лет отделяет от наших дней те дни, о которых я хочу писать. Долгие годы разнообразные, бурные, столь много принесшие с собой... Многое совершенно стерлось в памяти, многое поблекло и вспоминается с трудом, но есть моменты, которые помнятся живо, которые и сейчас еще ярки, как будто все это произошло вчера, сегодня. И не мудрено. Ведь это все, чем была заполнена жизнь ведь это то, что одно только волновало, интересовало, заставляло сильнее биться сердце. Самовоспитание, партийная работа стояли на первом плане, остальное все стушевывалось, отходило назад...

1903 год. Я ученик Калужского Технического училища. В училище все предметы, могущие послужить к развитию учеников сознательно изгнаны... Безтолковое, по чиновнически, преподавание специальных предметов: закон божий, черчение, вот и все, чем нас пичкали целых 3 года.

И это не могло удовлетворить некоторых из нас. Создается группа учеников, занимающихся саморазвитием: я, А. Борисов, Мих. Образцов, бр. Михайловы, Иванов-Аульченков, Соколов Н, вот, кажется, и вся группа. Небольшая, но сплоченная единым желанием научиться, чтобы потом учить других, чтобы отдать свои познания тем рабочим, среди которых нам придется жить и работать по окончании училища.

Сначала нам давали читать Писарева, Добролюбова, устраивая с нами беседы о прочитанном; затем перешли на нелегальные брошюры того времени: „Хитрая механика", „Пауки и мухи", „О царской власти" и др. Литературу мы получали от наших руководителей, только что окончивших Техническое училище т.т. Фетисова и Митина.

Собирались мы обычно в беседке сада Пленай, где жил Василий Фетисов, собирались со всеми предосторожностями, по одному, по два, иногда перелезая через забор, чтобы не заметили квартиранты. И в беседах, спорах, незаметно проходили часы; иногда до глубокой ночи тянулись эти беседы, так что там же и оставались ночевать в досчатой беседке, в холодные осенние вечера. Но что был для нас холод?!.

Немного развившись сами, пробудя в себе дух, мы решили попробовать свои силы, и вступили на путь уже более широкой работы. С рабочими, среди которых мы предполагали вести работу в будущем, у нас связи еще не было; решили вести работу среди своих товарищей учеников, в большинстве выходцев из семей рабочих и будущих рабочих же.

И чтобы взбудоражить их, чтобы хоть немного пробудить их интересы, решили распространять среди них прокламации с пред'явлением требований к нашей администрации, конечно, не очень страшных. Требования эти были, насколько я сейчас помню, следующие: вежливое обращение на Вы, отмена обязательного хождения в церковь, мытья полов учениками, протест против безобразных грубостей и ругательств отдельных преподавателей, вроде Доссе, передача в руки учеников торговли завтраками и чаем, так как прибыль от этого предприятия предполагалось употребить на приобретение библиотеки и т. п. Прокламации рано утром разложили по всем партам, вывесили на видном месте... И начались волнения. Даже те товарищи, на которых не было никакой надежды, что они поддержат нас, и те, прочитав прокламацию, с пеною у рта рассуждали о том, как скверно им живется. И лишь немногие держались в стороне и робко выжидали, чем все это кончится. Начальство наше, видимо, тоже растерялось и не знало, как ему поступить. Надзиратель Ясинский или, как мы его называли: „Солдат" пытался построить нас на молитву, но никто не пошел; пробовал он взять

строгостью, его речь встретили улюлюканиями, так он ничего не добился и позорно скрылся. Начальник училища действовал более дипломатически, предложив выделить уполномоченных для переговоров. Они были выделены, среди них был и я. Пробовал он запугнуть нас „синими“*, но неудачно. В конце концов видя, что его запугивания и увещевания не действуют, просил не выносить сор из избы и соглашался почти на все наши требования. Мы торжествовали победу, тем более, что наша группа стала пользоваться авторитетом у учеников, и наша подпольная работа нашла благоприятную почву...

Выпуск наш приближался, и мы серьезно готовились к новой и более серьезной работе в широкой массе рабочих.

Почти все из нашей группы за это время уже познакомились и с „Искрой“, и с „Эрфуртской программой“, и даже частично с „Капиталом“ Маркса. Я, чтобы иметь более доступную для агитации массу, по совету своих руководителей, решил поступить в железнодорожные мастерские,. И сколько не отговаривали меня от этого мои родители, сравнительно обеспеченно жившие, советуя другую должность, решение мое было непоколебимо.

В июне месяце 1904 года я одновременно вступил в с.-д. группу и поступил слесарем в железнодорожные мастерские. Впрочем здесь я пробыл немного, всего 1—2 месяца, а потом был назначен помощником машиниста, а с.-д. организацией ответственным организатором и руководителем работы среди паровозных бригад и по линии.

Работа была трудная: все были каждый день в поездках, видеться друг с другом приходилось урывками в дежурной комнате, и поэтому в партийной работе, главным образом, приходилось ограничиваться распространением литературы и только в счастливые моменты, когда сталкивались на несколько часов в дежурной, вести беседы.

Но, несмотря на трудности, мне все же удалось сорганизовать ячейку, главным образом, среди помощников машинистов. В нее входили: я, Герне, Баранов, Дмитрий Баташев,

* Жандармами.

Сергей Малышев и несколько других товарищей, фамилии которых сейчас я уже не помню. Всего было человек 10—15. Сочувственно относились к нашей ячейке, не вступая в нее и два машиниста—Милепушкин и Леонтьев, которые читали нелегальщину „либерально“ беседовали с нами.

Помимо работы по заранее выработанному плану среди членов этой ячейки, велась повседневная работа вообще среди товарищей по службе: в дежурной комнате при встречах всегда затевался разговор на политические темы, я настроение у большинства создавалось довольно таки революционное. Кроме того завязались кое какие связи на линии: в Мятлево, среди дежурных паровозных бригад в Вязьме, среди рабочих депо и станционных служащих; ими охотно читалась нелегальная литература, и так же как и у нас росло чувство протеста, недовольства.

И не мудрено, что когда наступили великие октябрьские дни 1905 года, паровозные бригады забастовали как одна, без удивления, без протеста, как будто чувствовалось, что это так и надо.

Почва была достаточно подготовлена, взрыхлена и семена дали хороший всход.

Как сейчас помню начало октябрьской забастовки. Уже несколько дней развивалось забастовочное движение в других городах и на других железных дорогах. У нас тоже было все готово и чувствовалось, что вот—вот она вспыхнет, грозным раскатом прокатится по всей линии. Состояние было нервное, напряженное. Наша група работала „во всю“, вела самую широкую агитацию за необходимость немедленной забастовки и у нас. Перед самым началом забастовки, в последнюю перед ней поездку, я оказался в Вязьме. Александровская дорога уже забастовала и к нам в дежурную приходили делегаты от них с требованием, чтобы забастовали и мы.

Была опасность, что не пойдет в Калугу наш поезд, и я окажусь отрезанным от Калуги, вдали от своих, от работы, от массы, с которой я уже сработался. И это приводило меня чуть—ли не в отчаяние. Однако все обошлось благополучно. Наш поезд был отправлен, прибыл в Калугу. Это, как потом выяснилось был последний поезд из Вязьмы в Калугу.

Внешне в депо было все по старому. Так же, как всегда на стене висел „наряд", также без отдыха нам предписывалось ехать. Мне, приехавшему в 2 часа ночи, в 9 утра по наряду нужно было ехать опять. Утром на другой день я пошел в депо. А там уже бурлило вышедшее из берегов революционное море- забастовка была об'явлена и принята сочувственно, не только паровозными бригадами, как мы и предполагали, но и кондукторами и смазчиками, на которых у нас было мало надежды. Происходили собрания у паровозных бригад, и у кондукторов, и у смазчиков. Сейчас же члены нашей группы были назначены на все собрания. Были произведены выборы забастовочного комитета, вырабатывались требования. Экономические требования, конечно, принимались безоговорочно, политические же приходилось „протаскивать" с трудом, особенно у кондукторов и смазчиков. Пришлось долго и пространно раз'яснять, почему эти требования выставляются, и только после долгого убеждения удалось их провести.

В Забастовочный Комитет были избраны меньшевисты Леонтьев, Миленушкин, я и еще несколько товарищей, в большинстве члены нашей ячейки. После собрания своего вновь избранный Комитет сейчас же отправился в Управление дороги где, как мы знали, шло такое же собрание. Я пришел туда, когда собрание уже закрывалось. Нужно отметить, что в Управлении до этого времени небыло еще сговоренности. Одна часть стояла за внесение только экономических требований, другая, более значительная, и политических. Не сговорившись эти две группы вели свои собрания каждая отдельно в разных комнатах. Поэтому решение паровозных бригад, по своему положению могущих провалить или поддержать забастовку, ожидалось обоими группами с нетерпением. И не мудрено, что когда я попросил слово для внеочередного заявления и об'явил собранию, что и станция и депо примкнули к забастовке, выставив политические требования, это произвело колоссальное впечатление. Некоторые буквально обратились в детей: хлопали в ладоши, с сияющими лицами кричали ура. Ясно помню восторженные фигуры т.т. Домонского и Костина, всегда так выдержанных, а на этот раз чуть ли не отплясывавших какой—то дикий танец от радости. Группа экономистов тоже столпилась в нашей комнате, за-

бросать меня и подоспевших товарищей целым каскадом вопросов. Началось опять было прерванное заседание с участием нас, но, насколько мне помнится, соглашение между „политиками“ и „экономистами“ так и не состоялось и до конца забастовки эти группы вели свои собрания отдельно. Впрочем, категорически этого не утверждаю

Началась горячая работа. Заседания и собрания следовали без конца. Работали чуть ли не по 24 часа в сутки И никакой усталости не чувствовалось, до того были напряжены нервы. Связь с партийным Комитетом поддерживалась через В. Х. Фосса и Д. А, Фелицына, но связь эта была довольно слабая. Комитет, состоящий сплошь из интеллигентов, работал слабо, не достаточно руководил событиями и среди многих из нас росло недовольство. Доходило до того, что социалдемократически распропагандированные товарищи принуждены были распространять эсеровские прокламации, чтобы не сидеть сложа руки, за отсутствием таковых от с д. комитета...

Незаметно, с колоссальным под'емом, промелькнули великие незабываемые дни забастовки. И когда пришло извещение о том, что необходимо забастовку прекратить, когда этот вопрос был поставлен на голосование, многие протестовали, не хотели этому верить: ведь не все еще требования выполнены, еще не всего добились. До слез больно было бросать неоконченное, как некоторым тогда казалось, дело. Тем более, что никаких реальных результатов не чувствовалось, манифест 17 октября был не известен...

Первым же, после забастовки, поездом я был, очевидно, умышленно отправлен в Вязьму, и там просидел несколько суток, ожидая пока наладится разрушенное забастовкой движение.

Из Калуги приходили слухи о погромах, об убийстве Радилова, об избиении Павла Баташева. Слухи приходили преувеличенные, пугающие. Хотелось быть там, среди товарищей, но приходилось сидеть и ждать. . Вся погромная волна прокатилась по Калуге во время моего отсутствия. По приезде в Калугу, я наблюдал только разбитые окна магазинов и обстрелянный дом, где отстреливались Радиловы...

После октябрьских дней продолжалась такая же упорная работа, правда, в условиях несколько более благоприятных: что раньше писалось только в нелегальщине, теперь можно было свободно писалось в „Начале", „Новой Жизни" и других партийных легальных газетах. Но это продолжалось не долго; скоро пришлось переходить на старые методы подпольной работы. Работа то замирала, то снова сильно поднималась вверх. Особого развития работа достигла в декабре, когда прилагались все усилия к тому, чтобы вовлечь вновь паровозные бригады в забастовку. Но это не удалось, дорога не остановилась.

Работая среди масс, мы в то же время не забывали и работать среди самих себя: наши знания ведь были еще не так уже велики. В это время был Комитетом организован кружок повышенного типа, где, главным образом, разбирался „Капитал" Маркса.

Я и некоторые товарищи занимались в этом кружке, уделяя ему редкие свободные минуты. Собирались мы где-то на Казанке, иногда в Коммуне, содержащейся Ломакиной (Барыня). Занятия с нами вели Попов Н. и Н. Егоров (Капитал).

В 1906 году я чуть не „влип". Машинист Колесников, с которым я в то время ездил, заметив, что я распространяю по линии нелегальную литературу и веду „недозволительные" беседы, донес на меня начальству. В результате я был призван к начальнику депо Соболевскому.

В долгой „беседе" со мной, он пытался доказать „нечестность" революционной работы: Одной рукой Вы берете деньги от правительства, а другой рукой Вы натравливаете на это же правительство неразбирающихся рабочих. Это не честно. Я понимаю еще: „бросьте службу, не получайте содержания от правительства и тогда ведите против него агитацию, это будет все же более честно". Вот его подлинные фразы; своей нелепостью они врезались в моей памяти. В результате беседы он сообщил, что он меня переводит к машинисту Васильеву, которому дано приказание следить за мной и доносить; чтобы в корне прекратить мою „вредную" деятельность, он принужден сообщить обо мне „куда следует". (точная его фраза).

Не знаю, сообщил -ли он „куда следует“ или нет, но я оказался под надзором, и работать при таких условиях оказалось почти невозможно. Поэтому, а также стремясь пополнить свое образование и пробить себе дорогу в Университет, в декабре месяце 1906 года я бросил службу в депо и начал готовиться на аттестат зрелости.

Из отдельных эпизодов того времени мне особенно ярко вспоминается один-выборы Городского Комитета в 1906 г. Собрание всех членов было назначено в „Осиннике“ недалеко от станции, обычном месте для устройства различных массовок и собраний. Сначала была проведена массовка; затем был сделан отчет Комитета, который вызвал довольно оживленные прения. Не помню уж кто выступал, но помню, что на собрании этом, кажется, присутствовали Фосс, Фелицын, Борода, Фрукт (Ждановы), Касьян и Бак (Крыловы), Стефанович Иосиф, А. Д. Иванов, всего было человек 70—100.

За дебатами время прошло незаметно. Наступил вечер, стало темно. Разложили костры и продолжали собрание при свете огня, может быть и не совсем конспиративно. Нам, рабочим, хотелось во чтобы то не стало провести в Комитет своих представителей и мы в этом смысле вели самую широкую агитацию, причем нам возражали интеллигенты. Дальше спор вызвал также вопрос о том, каким образом выбирать Комитет и как сообщить результаты выборов. Решили в конце концов выборы производить тайной подачей записок, и для связи с Комитетом открытой баллотировкой избрать 3-х товарищей, которые только одни и будут знать состав Комитета; это делалось в целях конспирации, чтобы избежать провала Комитета. Собрание затянулось до глубокой ночи и отдельные группы товарищей, сидящие вокруг костров и вписывающие фамилии своих кандидатов, представляли какое то фантастическое зрелище. Закончили все, забыв про конспирацию, дружным пением Марсельезы.

В 1907 году я перешел в Городской район. Предстояла новая работа совершенно по другому плану, работа более постоянная, так сказать, оседлого типа. Приходилось заводить новые связи, знакомиться с новыми товарищами. Зима прошла в занятиях в тесном кружке для пополнения своих знаний и в налаживании связи с отдельными товарищами

из рабочих. К этому времени работа в Городском районе почти совсем упала, приходилось начинать все вновь до завязывания связей включительно. Пока же что выполнять различные поручения Комитета, вроде доставки литературы в „Маяк“, распространение прокламаций и т. д.

Во время с‘езда выборщиков во 2-ую Государственную Думу для приезжающих выборщиков—рабочих было организовано несколько конспиративных квартир, куда должны были направляться приезжающие рабочие, независимо, принадлежат ли они к организации или нет. Дежурство на одной из этих квартир на Крестовской улице, (в квартире Виктора Плотникова-Мельника) было поручено мне. Мне же было поручено написать для приезжающих прокламацию. Во время моего дежурства приехало 3—4 товарища и мы с Мельником вели с ними долгую предварительную беседу, стараясь убедить их в необходимости голосовать за наших с.-д. кандидатов. Вечером в доме Щепетова на Серебряковской улице было устроено собрание всех рабочих-выборщиков. На этом собрании выступали: Фосс, Фелицын, Голубев, и выборщиками было вынесено единодушное решение голосовать за с.-д.

К весне в рядах работников Городского района стали резко намечаться две линии: большовистская и меньшевистская. Большинство работников Городского района, как раз разделяли большевизм. И полились опять горячие, долгие споры-чья „вера“ более правильна. Вопросов было так много, прения были такие жаркие, интересные. Пользовались всяким случаем, чтобы поговорить на волнующую нас тему. Больше всего эти разговоры за отсутствием помещения для собраний происходили на бульваре. Соберемся, бывало, где нибудь на укромной лавочке и пошел спор.—Там по аллеям гуляет праздная публика, из „чепчика“ раздаются бравурные мотивы трубачей, как бы служа аккомпанементом к нашему спору, а он льется и льется...

Самыми ярыми большевиками были Вл. Ошарин (Антоныч), незадолго перед тем приехавший в Калугу, и Н. Фалеев. И мало по малу, в результате этих споров, бесед, образовалась небольшая, но крепкая группа большевиков. Она не выходила из рядов организации, в большинстве настроенной меньшевистски, работала под руководством Коми-

тета, но фактически она была почти совершенно самостоятельна: была своя Коллегия пропагандистов, (председателем ее был Н. Фалеев и секретарем я), которая вырабатывала самостоятельно план занятий и т. д. К групне этой примыкали следующие товарищи: Ошарин (Антоныч), Н. Фалеев, я, Мар. Жданова, И. С. Гайгеров, П. Иванов-Аульченков и только что начавший работать и, кстати сказать, проработавший только одно лето, Ник. Дмитриев. Это была основная група. Несколько товарищей к ней примыкало. Комитетчики видимо косились на нас, но все же мы уживались в единых рядах. Впрочем, в Городском районе работали не одни большевики-вместе с нами работали и меньшевики— Голубев И. А., Любовь Циолковская, Нахалов, Богомолов (впоследствие провокатор), и друг., которые принимали участие в Коллегии пропагандистов, в выработке планов работы.

Иногда, когда требовалось серьезно обсудить какой либо вопрос, собрания устраивались на лодке, благо у одного из наших, Дмитриева, была большая лодка, человек на 10. Уезжали далеко вниз по Оке, причаливали к тому берегу и решали свои вопросы. Чтобы было не заметно—ехали обычно с песнями, как настоящая катающаяся публика. Изредка собирались на квартирке у Ошарина, на Казинке. Это была клетушка шага 2 в ширину и шагов 5 в длину. И в этой маленькой комнатке собиралось человек до 10. Здесь же, у Ошарина, варились гектографы, писались и печатались прокламации.

В этой же комнатке едва не разыгрался печальный для меня инцидент.

Как то нужно было срочно отпечатать прокламацию Написать ее и отпечатать поручено было мне. Конечно, я отправился к Антонычу. Дома его не было и квартира была заперта. Взяв в условленном месте ключ, отпер квартиру и принялся за дело. За работой увлекся, и вдруг слышу под единственным окном шорох. „Шпики"—была первая мысль. Шорох повторился у двери. Казалось, что кто то пытается отворить дверь. Если накроют на месте преступления, значит, все равно „влип".

Что делать?

Все равно пропадать, и я взялся за револьвер.

Но в это время отворилась дверь... и в комнату вошел Антоныч, тоже с револьвером в руке. Оказывается, он пришел домой, увидел свет, решил, что у него засада и не долго думая взялся за револьвер. Так мы чуть чуть не подстрелили друг друга, приняв друг друга за шпиков...

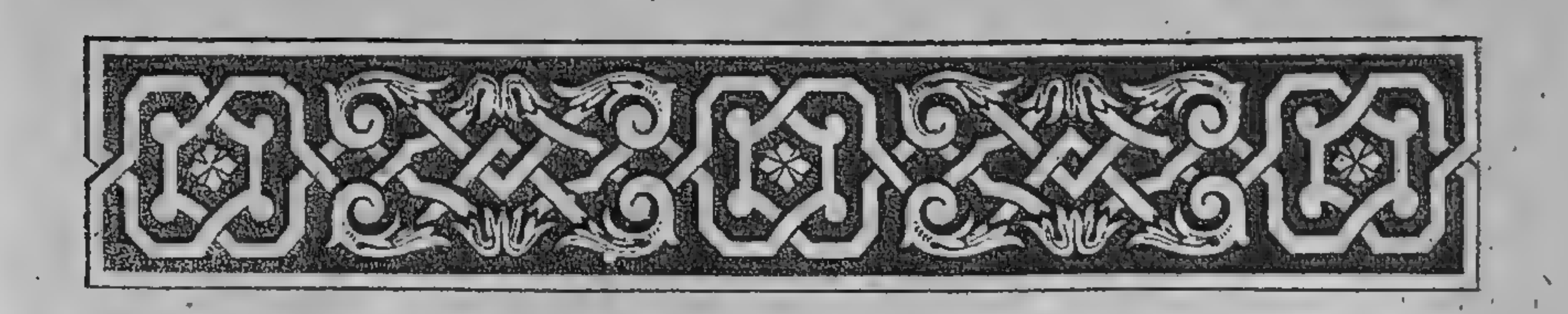
Мне, помимо секретарствования в Коллегии, было поручено вести работу среди портных. Был подобран кружок человек из 10, с которыми я вел кружковые занятия. Программа этого кружка, как и других, согласно выработанного Коллегией была примерно следующая: история культуры, очерки из русской истории, конечно, в революционном освещении, краткие сведения по политической экономии и разбор „Эрфуртской программы". Фамилий товарищей, занимавшихся в этом кружке, я уже не помню, возможно, что даже и не знал их, конспирация тогда была поставлена довольно сильно. Помню только, что связь с кружком и нами держал один товарищ, молодой, невысокого роста. И имя и фамилию его я также позабыл. Знаю только, что в начале революции он работал в Москве, был членом Московского Союза и кажется секретарем Союза портных. С ним я встречался в Совете и делился воспоминаниями. Постоянного места для занятий мы не имели, собирались по большей части за рекой в лесу или в прибрежных кустах. До конца занятия этого кружка доведены не были, не помню уже по какой причине.

Осенью 1908 года меня посетили жданные, но нежеланные гости, во главе с бывшим полицеймейстером Ростовским, в то время еще помощник пристава, перерыли весь дом, но нашли только 1 протокол заседания Коллегии пропагандистов, писанный к тому же не моей рукой... Перед этим накануне была захвачена нелегальная наша типография, арестовано ряд товарищей...

Работа в Калуге постепенно, под давлением арестов и провалов, замирала. Отошел от ней и я, перейдя в более доступную область, в общественную, в нарождающийся „Художественный Кружок".

С. Лысов (Граф).

Из воспоминаний.

Мои воспоминания о подпольной работе относятся к 1905 и последующим годам.

В то время я не была еще членом партии, но все-же тогда мне приходилось выполнять небольшие партийные поручения: я расклеивала прокламации вместе с братом моим Александром Ждановым (Фрукт) и Лихачевым (Петрович), мне поручалось также хранение нелегальной литературы моим братом Владимиром (Борода) и вообще брат Владимир, активный партийный работник с 1903 года и Крылов Василий (Касьян) и Александр (Бак) постепенно втягивали меня в работу, помогая в то же время своими указаниями моему политическому воспитанию.

В течении зимы 1905—1906 года я работала, опять при помощи брата Владимира, среди своих товарок по гимназии, организуя кружек самообразования, который постепенно принимает политическую окраску. В этом кружке были: Е. Павлова, М. Троицкая, Митина, Гедрович и др.

В 1906 году я вступаю в члены политического кружка, который и дает мне более систематическое

политическое воспитание. Кружок этот вела Л. К. Циолковская (Софья). Кружок наш был интеллигентский: он об‘единял 5—6 человек, из коих я помню—лишь Елену Соколову, Ольгу Стефанову, других не помню что, собственно, неудивительно: согласно подпольной конспирации мы редко знали фамилии товарищей, но хорошо помню, что в кружке занимались исключительно женщины. Необходимо оговориться, что такой состав (исключительно женщины) кружка об‘яснялся лишь тем, что его руководителем была женщина и ей легче было подойти и об‘единить женщин. Отдельной же, специальной работы среди женщин не велось: насколько я знаю, программы и женских и мужских кружков были одинаковы, как одинаковы были вообще методы и приемы работы.

Мы не разбирали вопроса о работе среди женщин, да такого вопроса вовсе и не было. Само собою понятно, что в условиях подпольной работы, работы за которой во все глаза следили „сильные мира того“, женщина агитатор, пропагандист, появляясь в каком либо предприятии или мастерской, где работали женщины, меньше обращала на себя внимания, чем агитатор и пропагандист—мужчина.

Занимались мы в кружке по программе, выработанной пропагандистской Коллегией при Комитете Партии. Нам читали лекции по политической экономии, истории культуры, с нами изучали программу с.-д. партии, нас знакомили с программами других партий (главным образом с.-р.) и давали картину существующего тогда строя. К осени 1906 года занятия в кружке подходят к концу. Состав его видоизменяется. Входят новые члены (помню Павлову, Троицкую, Стефанова, В. Нахалова, Митину). Циолковская уезжает, а ведет занятия с нами И. А. Голубев. Меняет-

ся и характер занятий. Мы сами уже разрабатываем различные вопросы и делаем доклады и рефераты. Помню, с каким душевным трепетом приступала я впервые к своему реферату: „Капиталистический строй и неизбежность его падения" (за точность темы не ручаюсь, но что-то в этом роде).

По окончании занятий в кружке (конец 1906 года) я вступаю уже в члены партии. Мне предлагают работать в кружке работниц. Не могу сказать, кем был сорганизован кружок, когда мне поручили работать в нем, он был уже составлен. В кружке были две работницы портнихи: Анюта Матвеева и Татьяна (Тамара) Жукова, работницы с винного склада Катя (теперь Хаева) и Макушкина, модистка Люба. Занимались мы, примерно, по той же программе. Летом мы собирались для занятий то в Загородном, то в Городском саду. Раза два у Анюты Матвеевой и у Тамары. К зиме занятия пришлось прекратить: трудно было собираться.

С весны (1907 г.) занятия возобновляются, но окончить их не удалось: 1907 год был тяжелым в жизни городской организации; начались, благодаря работы провокаторов, провалы, обыски и аресты.

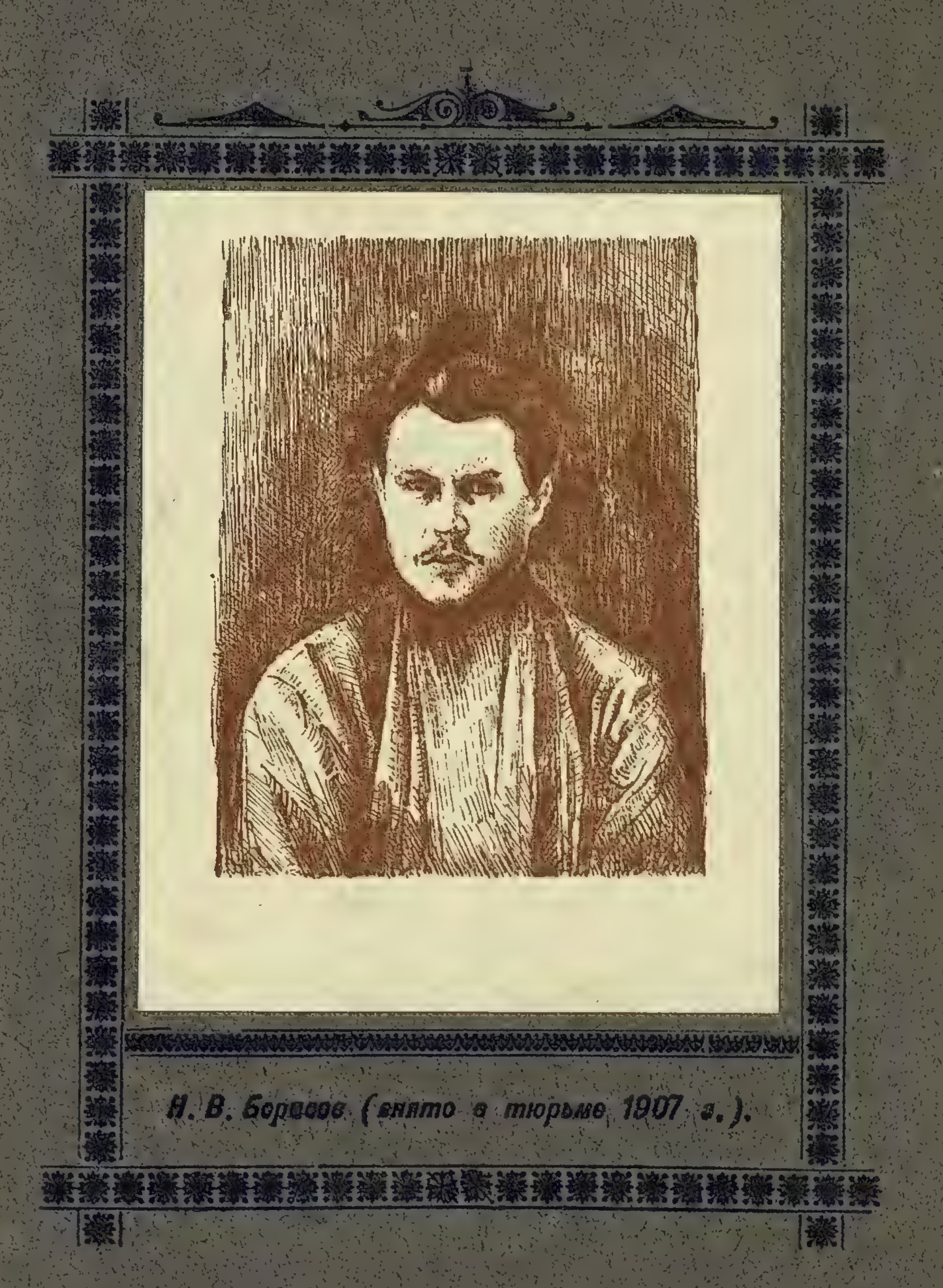
К этому же времени (лето 1907 г.) относятся наиболее горячие обсуждения партийных, тактических и програмных разногласий между меньшевиками и большевиками, в результате которых образуется небольшая группа большевиков, которая, оставшись формально в единой организации, занимает почти автономное положение по отношению к меньшевистскому в своем большинстве Комитету. В состав нашей группы входили: Николай Фалеев (Струве), Вл. Ашарин (Антоныч), Сергей Лысов (Граф), перешедший из ж. д. организации и др. Мы ведем горячую ра-

боту: составляем и печатаем прокламации (на гектографе) и чаще всего в кв. Антоныча, выступаем на собраниях и массовках, обсуждаем методы и приемы работы и т. д. Однако, в силу упомянутых уже мною провалов размах работы вскоре сокращается, глубже уходит в подполье и, наконец, замирает.

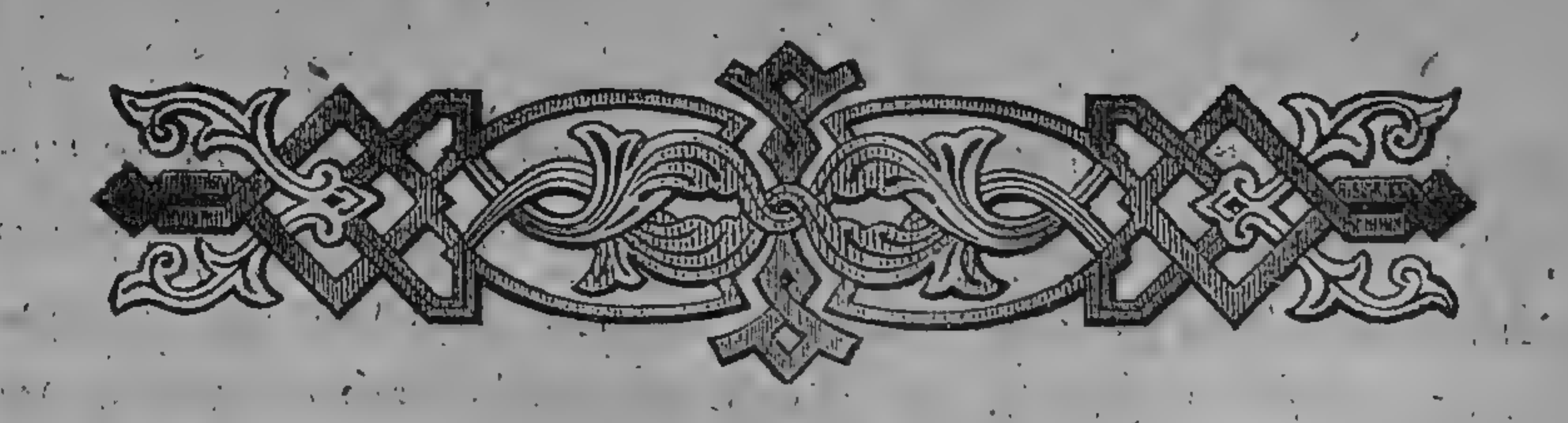
В 1908 году я уезжаю в деревню и связь с городской организацией постепенно теряется.

М. ЛЫСОВА (Маргарита).

Н. В. Борисов (снято в тюрьме 1907 г.).

Первое Мая в Калуге в 1906—7 годах.

Празднование международного пролетарского праздника 1-го Мая всегда имело для нашей Калужской организации, как и для всей партии, особо-важное и исключительное значение; этот день мы всемерно стремились использовать не только для того, чтобы раз'яснить широким массам солидарность интересов рабочих всех стран в их борьбе с международной буржуазией, не только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть интернациональный характер своей партии, но также и для того, чтобы указать, что осуществление социализма возможно лишь путем классовой борьбы, через организацию рабочих в свою самостоятельную рабочую партию, через нисвержение царского самодержавия и завоевание политический свободы, что должно расчистить путь для последнего и решительного боя с буржуазией, за диктатуру пролетариата, за социализм.

Наша организация обычно еще задолго до наступления 1-го Мая активно готовилась к нему: печатались соответствующие прокламации с раз'яснением

значения Первого Мая и с призывом к прекращению в этот день работ на фабриках и заводах; велась усиленная устная агитация членов партии среди рабочих, устраивались предварительные собрания с непартийными, но наиболее сознательными и пользующимися авторитетом в массах рабочими и т. п.

В самый день 1 Мая воззвания и прокламации разбрасывались и расклеивались внутри и близ фабрик, заводов, мастерских, расклеивались в рабочих кварталах; в предприятия, где это только удавалось, проникали партийные товарищи и устраивали летучие митинги, призывая рабочих бросить на этот день работу и демонстративно, с пением революционных песен, покинуть предприятие... Но чаще всего, благодаря неблагоприятным полицейским условиям и усиленной слежки в этот день со стороны охранки и жандармерии, партийным организациям удавалось лиш удачно распространить первомайские прокламации, да устроить из наиболее сознательных рабочих, обычно не выходивших 1-го Мая на работу,—днем или вечером где нибудь за городом, в лесу, вдали от глаз охранников, первомайское собрание—„массовку".

Наибольшим размахом, насколько я помню, по количеству предприятий, бастовавших рабочих и демонстраций в день празднования в России 1-го Мая отличается **1906** год, несмотря на целый ряд понесенных в конце 1905 года российским пролетариатом поражений: разгон Петроградского Совета Раб. Депут., и арест Исполкома его, подавление вооруженного восстания Московского пролетариата, разгул карательных экспедиций и т. п

Так же исключительно прошло празднование 1-го Мая в этом году и у нас в Калуге.

Несмотря на произведенные в средине декабря 1905 г. аресты значительного количества активных партийных работников: из интеллигенции—Фосса, Акимова И. И., Никифорова, Любимова, Кизика и из рабочих А. Д. Иванова, Володина, В. М. Баташева, И. Таболина, Белоусова и др., Калужская организация Р.С.Д.Р.П. с начала 1906 года постепенно крепнет, растет в глубь и ширь, и к 1-му Мая она уже имеет весьма крупное влияние на рабочих ж. д. мастерских, депо, винного склада, типографов, на рабочих заводов Киселева, Фонина, где ведется агитационно-пропагандистская и организационная работа, создаются цеховые комитеты (например, в ж. д. мастер.), образуются кружки и т. п., а также влияние организации в значительной степени к тому времени распространяется и на учащуюся молодежь Калужских учебных заведений, в особенности ж. д. технического училища и духовной семинарии.

Такое положение вещей в связи с наступающим днем 1-го Мая ставит перед организацией вопрос об устройстве широкой первомайской массовки, и Комитет разрешает его в положительном смысле.

Об открытом устройстве такового собрания где-нибудь в городе в то время, конечно, не могло быть и речи. Как всегда и везде, так и на этот раз, к 1-му Мая готовились не телько мы, но и „они"—охранка и полиция, мобилизуя свои силы и усиливая слежку за наиболее активными товарищами

По этому Комитетом, по конспиративным соображениям, решено было устроить эту массовку за городом, в городском бору, и при том не 1-го Мая, когда особенно сильно рыщет полиция, охранка и казаки, а накануне его—30-го Апреля.

Организация массовки в техническом отношении была возложена на нескольких товарищей (на кого именно, не помню), которым было поручено подыскать удобное для массовки место, наметить дороги, разставить своих патрульных, установить пароль и т. п.

Все это было проделано товарищами самым аккуратным и конспиративным порядком, причем большинство из приглашенных на массовку узнало о ней только в день массовки, а некоторые всего лиш за час, за два до сбора: этого требовала конспирация.

Вечером часов с 6—7-ми, по трем дорогам: от Лаврентия, через Загородный сад, по Смоленской улице в бор потянулись участники массовики по одиночке, парами и небольшими, в 4—5 человек, группами, беззаботно разговаривая о всяких пустяках, смеясь и разыгрывая из себя гуляющую публику, чтобы тем самым отвести от себя внимание какого нибудь случайного филера. Подходя к опушке бора, разыскивали, по установленным признакам, выставленного организаторами массовки патрульного, говорили пароль, после чего тот указывал ту или иную тропинку, по которой следовали дальше, встречая время от времени других патрульных, и таким порядком добирались до назначенного места.

Я, был в числе разставлявших и проверявших патрульных по одной дороге.

Получив распоряжение снять их, что означало, что на массовку прибыло должное—по приблизительному подсчету—количество участников и сейчас начнутся речи, я вместе с товарищами, бывшими в патруле, поспешил к месту массовки.

Когда я туда подошел, то увидел очень интересную картину: небольшая полянка, окруженная со

всех четырех сторон стеною громадных столетних сосен; с небольшого пня говорил т. Николай (фамилии его не знаю), приехавший не задолго перед тем в Калугу от Ц. К. партии, а вокруг него в самых разнообразных позах—лежа, сидя, стоя, расположилось около 200 человек, если не больше, рабочих и учащихся обоего пола и разного возраста, которые внимательно и жадно слушали оратора.

Т. Николай, помнится, говорил на тему: „Современный момент и задачи рабочего класса", останавливаясь, главным образом, на вопросе о государственной думе и указывая, что таковая не выражает и не может выражать интересов народа—ни крестьян, требующих земли, ни рабочих, борющихся за 8-ми часовой рабочий день и политическую свободу, которая необходима для успешной борьбы за конечные требования рабочего класса, за полное освобождение его от ига капитализма, за социализм.

Коснувшись кадетской партии, господствовавшей в Госуд. Думе, он закончил свою речь указанием на то, что борьба трудящихся должна вестись помимо Думы, под руководством Р. С. Д. Р. П.

Далее говорились речи о значении 1-го Мая и о социализме (выступал, кажется, М. Образцов), об амнистии борцам за свободу (т. Саввин), о 8-ми часовом рабочем дне, о народном вооружении, и еще о чем—то.

Собрание подходило к концу, когда совершенно неожиданно на нашу массовку ввалилось 7 эсэров: Потанин (позднее провокатор), Смиренский, Потехина, Денисов, Никольский, все комитетчики, которые просили дать им слова для приветствия собравшимся. Им разрешили, но говорившие от эсэров ораторы

Потехина и Потанин—свели свои приветственные речи к дискуссии, к социализации земли. Их лишили слова, и они демонстративно удалились с массовки.

Чтобы сгладить создавшееся неприятное впечатление, оставшееся от выступления эсэров и должным образом дать им отповедь и вскрыть мелко-буржуазный характер их партии выступал т. Крылов (Касьян) и еще кто-то, после чего митинг был закончен.

Было темно. Общее настроение от митинга создалось бодрое, и совершенно неожиданно, забывая конспирацию, дружно запели „Смело товарищи, в ногу".

Вдруг по близости раздалось несколько выстрелов. Кто-то крикнул „Казаки"!.

Создалась паника, все бросились в рассыпную, что, собственно и неудивительно, так как на этой массовке было не мало новичков, не бывших в переделке.

Да и „бывалые" несколько растерялись и поддались общему настроению.

Как сейчас помню фигуру т. М Образцова, который, очевидно, не замечая, что он бежит вместе с другими, кричал: „Товарищи, стойте! Это провокация!" Крики эти, конечно, ни к чему не привели и никого не остановили.

Во время бегства многие угодили в болото, поцарапали себе лица, порвали костюмы, растеряли галоши, платки, шляпы, фуражки, а цекист т. Николай ухитрился потерять „Браунинг", что, правда на другой день рано утречком мною совместно с т. т. Флоренцовым и Матвеевым было найдено полностью на месте массовки.

Позднее оказалось, что история со стрельбой действительно была—провокацией и стрельбу открыли удалившиеся с массовки социалисты-революционеры, раздосадованные своим неудачным выступлением и думавшие таким путем сорвать массовку...

Вечером в городском саду было назначено большое бесплатное гулянье по случаю открытия сада.

Не помню по чьей инициативе—Комитета или отдельной группы товарищей решено было использовать это гулянье для устройства маленькой демонстрации.

Быстренько оповестили кого можно было об этом намерении, которое встретило большое сочувствие, и условились собраться в городском саду часов в 10-ть вечера.

Когда к тому времени я пришел на бульвар, там уже было значительное количество наших, гулявших по аллеям с другими обывателями и сидевших близ эстрады на лавочках. С эстрады гремела музыка. Через несколько минут, предварительно сговорившись, все стали группироваться около эстрады. Встал вопрос о том, кто выступит с коротенькой речью и скажет хотя-бы несколько слов о пролетарском празднике 1-го Мая. Решено было, что выступлю я.

В целях конспирации я решил перемениться на время костюмами с одним из товарищей, для чего мы удалились в глубь сада в темную аллею, что-бы там переодеться. Когда мы подходили обратно к эстраде, то услышали как кто-то выкрикнул: „Да здравствует международный праздник трудящихся 1-е Мая“, после чего послышалось пение марсельезы. Мы пели марсельезу, музыка играла какой-то бравурный марш. Раздались крики: „Музыка замолчи“ и „долой

музыку“, но военный оркестр, под управлением Бема, жарил свое. Музыка и пение марсельезы перемешались между собою, создавая резкую диссгармонию.

Небольшая часть гулявших присоединилась к нам, а остальные, выстроившись вдоль ближайшей аллеи, напротив эстрады, с любопытством и недоумением смотрели на нас, ожидая, чем все это кончится.

Бывшая на бульваре полиция—ее было немного, растерялась и незнала, что ей делать. Только тревожно и беспомощно в разных концах сада дребезжали ее свистки.

Через несколько минут явился знаменитый в свое время пристав Лавров и десятка полтора конных стражников, которые прямо на конях, в полном вооружении в‘ехали внутрь сада, и начался безобразный разгон всех находящихся в саду.

И, как всегда бывает в таких случаях, больше всего досталось обывателям.

Мужчины и женщины, спасаяс от случайного ареста и нагаек, в страхе карабкались через железный стоячий забор сада, женщины, цепляясь за платье, висли на заборе, взывая о помощи.

Изгнанные и сбежавшие из сада, частично снова собрались на плац-парадной площади (ныне площадь Свободы), оживленно обсуждая происшедшее.

Пристав Лавров и стражники направились туда, пустив в ход нагайки, при чем попало не столько нашим, сколько ни в чем неповинным обывателям.

Позднее эта маленькая и не совсем удавшаяся демонстрация была долгое время предметом самых оживленных разговоров.

Это была первая и, кажется, последняя в 1906 году попытка открытого массового выступления нашей Калужской организации.

Вторая попытка массового выступления была сделана Комитетом в день 1-го Мая 1907 году.

Решено было организовать митинг и демонстрацию в Лаврентьевской роще днем во время гулянья.

Часам к 12-ти туда собралось человек полтораста рабочих, по преимуществу железнодорожников и небольшое количество учащихся.

Была масса и посторонней публики, которая гуляла по роще и частью, сидя за столиками, мирно попивала чаек.

Тут же разгуливало несколько городовых и пристав 1-ой части Мещерский.

Мы выбрали удобное местечко—беседку, которая служила эстрадой для музыки, собрали туда свою публику и решили открыть митинг.

Т. Образцов взошел в беседку и начал речь, посвященную 1-му мая, а Богомолов (впоследствии провокатор) выкинул комитетское знамя с лозунтом „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“.

Но митинга окончить не удалось, так как к месту его под‘ехал на коне пристав Мещерский и подбежало несколько человек городовых, которые „честью“ просили разойтись. Тем не менее мы не расходились, подтрунивая над приставом и городовыми, так как их было мало.

Вскоре, однако, к ним прибыло подкрепление в лице приблизительнс 10-ти человек конных стражников.

Нам ничего не оставалось делать, как разойтись. Мы группами направились из рощи в город через Крестовское поле. Мещерский и стражники ехали около нас. Время от времени пытались запевать революционные песни.

Когда мы подходили к ипподрому, из угла выехало еще несколько стражников. которым ободренный Мещерский скомандовал: „В нагайки!“.

Мы бросились бежать—конные за нами, причем я и т. Гайгеров (ныне меньшевик) избегли плетки только потому, что нам удалось добежать до какого то откоса и свалиться в ров. Когда мы бежали, то слышали, как благим матом кричал чей то женский голос.

Оказалось, что это кричала портниха Анюта Матвеева, бывшая на митинге, которую настиг пристав Мещерский и пытался отстегать ее нагайкой, что ему не совсем удавалось, так как он был на лошади, а она лежала на земле, увертываясь от ударов.

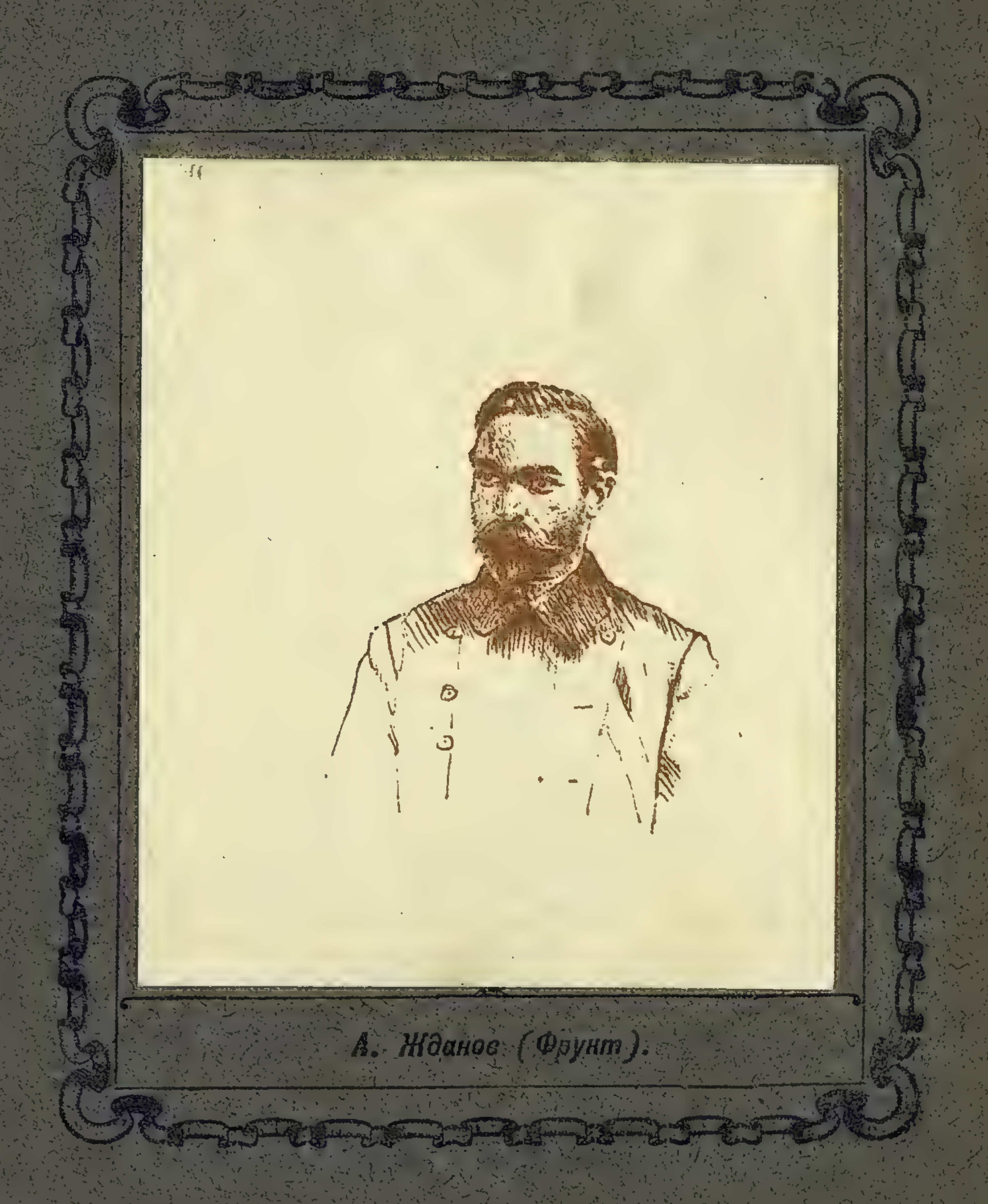
Особое внимание Мещерского к себе Матвеева привлекла только тем, что она была одета в красное платье, а красный цвет, как известно, всегда раздражал полицию.

В общем, на этот раз мы отделались благополучно, так как, насколько помнится, никто из нас не был арестован.

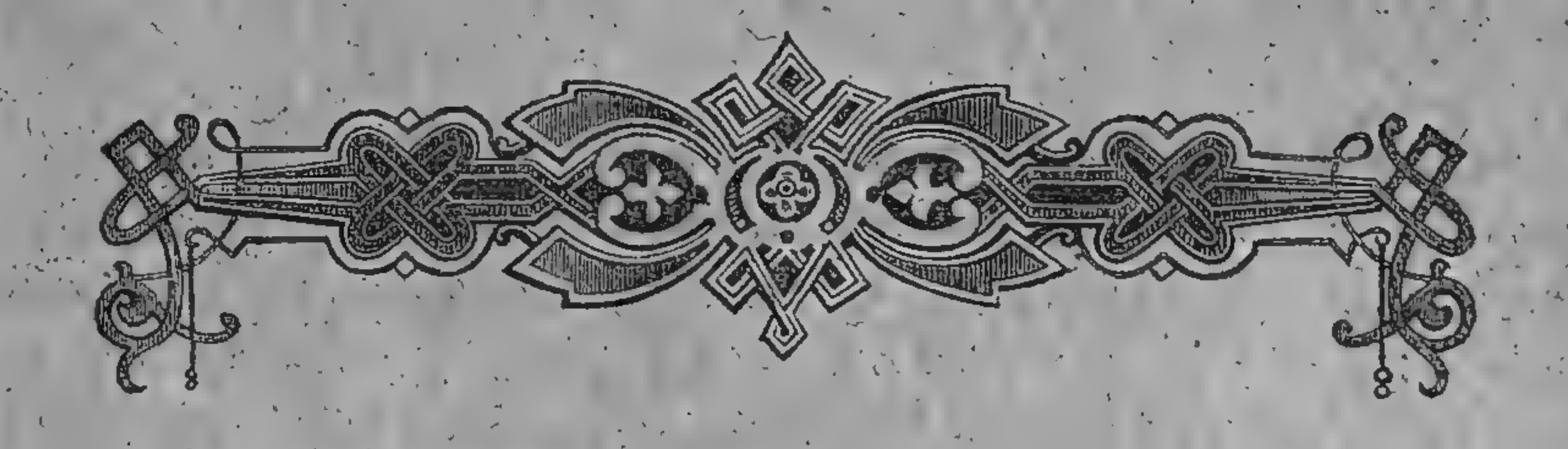
Это уже было последнее наше выступление, так как вскоре начались массовые провалы и аресты, и многие из нас надолго были водворены на жительство в Калужскую Тюрьму.

Н. Борисов.

А. Жданов (Фрунт).

Из воспоминаний железнодорожника.

Калужские Гл. железнодорожные мастерские и депо, в которых насчитывалось до 3.000 рабочих, всегда были центральным об'ектом внимания для всех истинно-революционных, желающих работать в массах, соц. демократических одиночек, кружков и организаций.

Так, например, А. В. Луначарский еще в 1899 году, будучи выслан административным порядком в Калугу, наряду с агитационной и пропагандистской работой среди местной интеллигенции, завязывает знакомства и ведет, правда в очень ограниченных размерах, партийную работу среди рабочих депо.

Образовавшийся, приблизительно, в том же году в Калуге кружок соц. демократической интеллигенции, известный под названием кружка Доброходовых, также обращает свои взоры на железнодорожных рабочих, завязывает связи с рабочими П. Сухановым и П. Н. Баташевым, и через них ведет свою, главным образом, агитационную работу среди остальных рабочих, распространяя прокламации и нелегальную литературу.

Возникшая в 1903 году, по инициативе т. т. Фетисова, Митина и Лихачева, Калужская соц. дем. группа, которая сыграла значительную роль в деле развития соц. дем. движения в Калуге, вела нелегальную как агитационную, так и организационную партийную работу по преимуществу, если не исключительно, среди рабочих Калужских ж. д. мастерских и депо.

Одновременно, но независимо от Группы, в мастерских ведется соц. дем. пропаганда рабочим тех же мастерских Ф. Г. Титовым (Титыч), который организует нелегальный кружок из молодых рабочих, куда входят: А. Карев, А. Константинов, Карандасов, Серганов, Н. Галкин, Г. Камзелев и другие (с конца 1904 г.).

И неудивительно поэтому, что позднее, в 1905—6 г.г., когда в Калуге из отдельных кружков сложилась прочная соц. дем. организация с Комитетом во главе, таковая, а также и отдельные члены ее, в особенности из рабочих, пользовались большой популярностью и авторитетом среди железнодорожных рабочих. К 1-й половине 1906 года, несмотря на бывшие в декабре 1905 года аресты видных партийных работников из рабочих ж. д. мастерских А. Д. Иванова, Володина, Серганова, Белоусова и Таболина, почти во всех цехах уже имелись партийные ячейки или, как их называли, цеховые собрания—комитеты, которые чуть ли не открыто вели партийную работу: распространяли нелегальную литературу, собирали денежные средства на организацию, на помощ политическим арестованным, ссыльным и т. д. и т. п.

Все это, естественно, не могло не отразиться благотворно на классовом и политическом сознании и на развитии солидарности среди железнодорожников.

II.

О ярком проявлении сознательности и солидарности рабочих Калужских Главных мастерских и депо я считаю необходимым отметить в своих воспоминаниях.

В ночь на 2-е июня по распоряжению Калужского губернатора Офросимова были арестованы рабочие мастерских: М. И. Гуров, Ф. Г. Титов (Титыч) и В. Э. Циглер—все активные партийные работники—социал-демократы, пользовавшиеся большой популярностью среди рабочих.

На следующий день, когда весть об аресте названных товарищей разнеслась по цехам, был устроен большой митинг, на котором, по предложению членов Комитета РСДРП. ж. д. района было вынесено постановление об'явить стачку протеста, и через начальника дороги требовать немедленного освобождения арестованных товарищей, после чего рабочие мастерских дружно забастовали.

Вечером того же дня, по инициативе Комитета за городом, в лесу, состоялся большой митинг.

Выступавшие товарищи соц-дем.—А. Константинов, П. Баташев и др. говорили о тяжелом положении трудящихся при самодержавии, о произволе и насилии над рабочим классом, о необходимости борьбы рабочих за завоевание политической свободы, об об'единении для этого в свою рабочую соц.-дем. партию, о всесторонней ее поддержке и т. п.

По вопросу о судьбе арестованных товарищей было постановлено: к работам не приступать до тех пор, пока они не будут освобождены, а для того, чтобы забастовка приобрела еще более внушительный характер-распространить забастовку на рабочих депо и служащих Управления дороги.

Третьего числа утром в здании мастерских состоялось общее собрание всех рабочих, на котором была заслушана информация выбранных ранее уполномоченных для переговоров с начальником дороги Якубовским, от которого к слову сказать они не добились никакого результата, а так—же было сообщено и постановление бывшего накануне митинга.

Постановление это было принято с редким единодушием, после чего все дружно направились к депо, чтобы „снять" рабочих и вместе с ними направиться к Управлению и к губернатору.

Когда мы подходили к зданию депо, то неожиданно были окружены солдатами Моршанского батальона, которым жандармским полковником Туркестановым было приказано не пропускать рабочих ни в депо, ни обратно.

Однако, солдаты, несмотря на сделанное приказание, вели разговоры с рабочими, просили не боятся их, при малейшем нашем натиске спокойно размыкали цепь, и вскоре рабочие депо слились с рабочими мастерских, образовав одну семью.

Видя, что мы направляемся в город к Управлению, и желая „решительно" воспрепятствовать нам, Туркестанов скомандовал: „на руку".

Мы пережили несколько жутких минут, но к общей нашей радости солдаты опустили винтовки „к ноге", а некоторые из них демонстративно воткнули штыки в землю.

Туркестанов так и присел от неожиданности и безпомощно оглядывался вокруг, как—бы соображая, не ошибся—ли он в команде. Солдаты были уведены, и мы безпрепятственно двинулись всей массой в 2000 человек к Управлению дороги, „сняв“ по пути рабочих казенного винного склада.

К тому времени была мобилизована чуть—ли не вся полиция: конная, пешая, гражданская и жандармская, которая все время вертелась около нас, но тем не менее мы благополучно, безо всяких столкновений и инцидентов. прошли через весь город до Управления дороги.

Дойдя до Управления и выделив делегатов для переговоров с Начальником дороги и служащими, а также и для об‘яснений с губернатором, большая часть рабочих расположилась на сквере против Управления, а меньшая направилась вместе с делегатами к дому губернатора, который находился близ Управления.

В ожидании результатов переговоров, рабочие вели оживленные разговоры, делясь между собой впечатлениями дня и разсказывая другим, влившимся в нашу среду, о причинах и ходе забастовки.

Тут же открыто раздавались и читались прокламации.

Вскоре стало известно, что служащие Управления дороги, в большинстве чиновники и обыватели, будучи запуганы администрацией, боясь лишиться места или еще того хуже ареста, отказались примкнуть к забастовке; они конфузливо и тревожно посматривали из окон и с балкона на расположившихся напротив рабочих, которые осыпали их насмешками за их трусость и несолидарность.

Выборные от рабочих, направившиеся к губернатору, подойдя к губернаторскому дому, увидели, что он окружен солдатами, около него стояли наготове казаки и присутствовал почти весь штат полиции.

Губернатор Офросимов, как потом выяснилось, отказался принять делегацию в ее полном составе, заявив, что он может принять лишь только трех рабочих, на что делегация из‘явила свое согласие, выделив из своего состава т.т. Баташева, А. Константинова и Грибова.

Выбранных рабочими делегатов Офросимов встретил вопросом: „Ваша фамилия", на что П. Баташев ему ответил, что они пришли не знакомится с ним, а требовать от лица 2000 рабочих, освобождения арестованных товарищей.

Тогда Офросимов переменил тон и стал уверять делегатов в том, что он не имеет никакого отношения к аресту рабочих Гурова, Титова и Циглера, что все они арестованы по распоряжению Министра Внутренних дел и подлежат высылке—один в Архангельскую губ. на 4 года, а двое остальных в Нарымский край на 5 лет, что он не может удовлетворить просьбы об их освобождении, что он может только ходатайствовать о смягчении их участи и т. д., и просил передать рабочим, чтобы они не волновались, раскаялись в своем необдуманном выступлении и вступили на работу.

Делегаты ушли и тут же около Управления передали дожидавшимся рабочим сущность разговора их с губернатором. Сообщение делегатов о том, что арестованные товарищи не будут освобождены, и даже наоборот, будут сосланы в далекую Сибирь опечалило и в то же время страшно возмутило и озлобило рабочих.

Экспансивный А. И. Шалаев, позднее отравившийся, выступил с горячей речью, в которой призывал рабочих немедленно же пойти к тюрьме и силой освободить арестованных.

Конечно, это предложение было необдуманно, вызвано настроением и могло окончится ненужным и диким кровопролитием, и поэтому против него выступили т. т. Стефанович Иосиф И., Константинов А. и Баташев П., призывая рабочих мирно и спокойно разойтись по домам, и действовать согласно директивам Комитета, что и было принято.

Рабочие разошлись, а собравшись затем вечером за городом на митинге постановили: не дробить своих сил отдельными сепаратными выступлениями, а готовиться ко всеобщему выступлению и борьбе за освобождение рабочего класса от ненавистного ига самодержавия. Решено было на другой день встать на работу.

Однако, когда рабочие 5 июня пришли в мастерские на работу таковые оказались запертыми по приказанию началь-

ника дороги, тут же распространился слух, что будут допускать рабочих на работу не всех, а лишь по выбору администрации.

Мы выразили протест, единодушно заявив, что если мастерские не будут открыты, мы будем продолжать забастовку. На другой день мастерские были открыты и мы приступили к работам.

Между тем, губернатор, очевидно, опасаясь дальнейших выступлений рабочих и насильственного освобождения арестованных, ночью на лошадях выслал их в Жиздринскую тюрьму.

III.

Седьмого июня нами было получено известие о том, что арестованные товарищи 8-го числа из Жиздринской тюрьмы отправляются в Бутырки, а оттуда к месту ссылки и что рано утром они будут проезжать через станцию Тихонова Пустынь—в 17-ти верстах от Калуги.

Это известие нами было широко распространено среди рабочих, причем решено было устроить встречу и проводы высылаемым товарищам.

Вечером пешком и по железной дороге по направлению к Тих. Пустыни потянулись группы рабочих. Мне с большей группой рабочих—железнодорожников пришлось ехать по жел. дороге. Настроение у рабочих было преподнятое: в вагоне все время шел несмолкаемый говор, встречным крестьянам раздавались и подбрасывались прокламации, неоднократно запевалась „Марсельеза“...

Когда мы приехали на Тихонову Пустынь и вышли из вагона, то нас вместе с прибывшими раньше оказалось около 200 человек. Поезда с арестованными еще не было. По станции внутри и снаружи безпокойно бегали жандармы, упрашивая публику не подходить близко к ж. д. линии. Их никто не слушался; вскоре на станцию явился урядник и человек десять стражников или казаков...

Наконец, часа в 4 утра к станции подошел долгожданный поезд с дорогими узниками. Вагон с решетками встречается нами громким дружным „ура“.

— Здравствуйте, товарищи—раздается из вагона громкий голос г. Гурова. Он стоит с обнаженной головой, крепко сжав мозолистыми руками железную решетку.

В другом окне видны Титов и Циглер.

Мы как саранча облепили арестанский вагон, после чего т. Гуров начал разсказывать нам о том, как хорошо и свободно, по сравнению с Калужской тюрьмой, где над заключенными учинялись возмутительные и недопустимые оскорбления и насилия, жилось им в Жиздринской тюрьме, как любовно и торжественно, кланяяс в пояс, провожали их в ссылку Жиздринские товарищи и т. п.

Т. Гуров ведет свой разсказ, прерываемый многочисленными вопросами, а тем временем сквозь решетки вагона происходит обмен записками, заключенным передаются цветы, газеты и проч. Через конвойных для отправляемых в ссылку передаются деньги и теплые вещи.

В моих ушах и в памяти ясно звучат бодрые, напутственные заключительные слова т. Гурова.

— Товарищи,—говорил он,—не теряйте силы понапрасну. Не теряйте силы в мелкой будничной борьбе. Готовтесь к общепролетарскому выступлению.

И как бы выражая чувство всех присутствующих раздается в ответ громкий голос пожилого рабочего:

— Грудью постаим, дорогой Михаил Иванович!

Рабочего поднимают к окну вагона: он целует Гурова, а вместе с тем и железные прутья решетки. К другому окну поднимают жену т. Титова, других родственников и некоторых близких товарищей. Рабочие как-то инстинктивно тянутся к окнам вагона: каждому хочется запечатлеть свой братский прощальный поцелуй на губах своих лучших товарищей—борцов за свободу. Многие плачут. Конвойные нехотя и лишь только для виду пытаются отстранить рабочих от вагона, жандармы застыли в своих олимпийских позах... Но вот раздается третий звонок. Машинист дает свисток и поезд трогается.

— Прощайте, товарищи — раздаются многочисленные голоса, обращаемые к ссылаемым товарищам.

— Не прощайте, а до свиданья,—слышется в ответ из арестантского вагона.

И под мерное постукивание колес отходящего поезда дружно раздается наша боевая песнь „Марсельеза“.

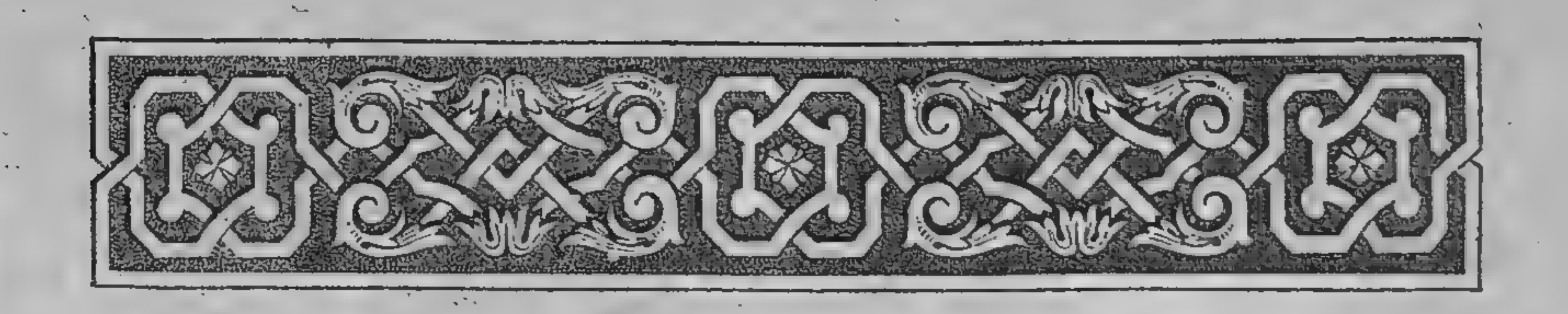
В Калугу возвратились в 6 часов утра под импровизированными красными знаменами из красных платков, прикрепленных к тросточкам, с пением революционных песен и возгласами „Да здравствует амнистия!“.

Эти события: массовая забастовка протеста и проводы административно сосланных товарищей произвели на всех нас, особенно на безпартийных рабочих, неизгладимое впечатление и несмотря на то, что с того момента прошло целых пятнадцать лет воспоминания о них так живы и так ярки, как будто это произошло вчера, сегодня...

В заключении необходимо отметить, что позднее, в черные годы реакци, когда была разгромлена почти вся Калужская партийная организация,—партийная работа в Калужских ж. д. мастерских никогда не замирала и призывы к помощи репрессивным товарищам и к поддержке партийной печати всегда находили живой отклик в широких массах железнодорожников.

Старый железнодорожник.

Как мы ставили тайную типографию.

Всякой нелегальной партийной организацией—группой, коллективом, комитетом—партийной „технике“ всегда уделялось самое серьезное внимание.

Наладить тайный печатный станок, печатание на нем прокламаций, брошур и газет и распространение их в целях агитации и пропаганды среди членов партии и, в особенности, среди широких беспартийных масс всегда составляло главную задачу и основную сущность „техники“.

Чаще всего организации пользовались примитивными станками: гектографами и мимиографами, так как их сравнительно легко было достать или же приготовить своими средствами.

Но эти станки, естественно, не могли удовлетворить хотя сколько нибудь солидной организации, ибо на них с трудом можно было отпечатать 100—150 экземпляров, подчас не удовлетворительных для чтения, и поэтому задачей организации было от таких станков перейти к приобретению и установке „типы“, т. е. типографии с печатным шрифтом, типографской кассой, печатной рамой и доской, валиками и проч. типографскими принадлежностями.

Нужно-ли говорить о том, что оборудование и установка тайной типографии требовали громадное количество сил, средств и особых чрезвычайных мер предосторожности: это, ведь, не гектограф!

Здесь я вспоминаю свое участие в оборудовании одной такой типографии и свою работу на этой типографии.

Это было в Калуге во второй половине 1906 г.

Калужский Комитет Р. С.-Д. Р. П., учитывая отсутствие в Калуге хотя сколько нибудь сносной легальной газеты или журнала, в которых хотя сколько нибудь могла отражаться партийная и профессиональная работа и освещаться вопросы текущего момента, вынес постановление о необходимости организации тайной типографии, на которой можно было-бы печатать не только прокламации и воззвания, но и небольшую газету.

Но одно дело вынести постановление, а другое провести его в жизнь.

Встал вопрос о приобретении достаточного количества шрифта. Где его взять? В Калуге? Но здесь имелось всего на всего 4 небольших типографии: Губернская, Земская, Яковлева и Семенова; шрифту у них было очень мало, он весь был на счету и на виду у Заведывающих и у хозяев; исчезновение хотя сколько нибудь значительного количества шрифта, что можно было бы проделать чрез членов партии—типографов, вряд-ли могло пройти незамеченным и не возбудить преждевременного подозрения и поисков жандармерии и полиции, и тем самым помешать оборудованию типографии. Ясно, что от этой мысли пришлось отказаться, и искать другого выхода.

Тогда Комитету предложил свои услуги по части приобретения шрифта т. М. Образцов, который раньше в конце 1905 и в начале 1906 г. г. жил в Москве и вел там профессиональную и партийную работу среди типографов. Комитет согласился, и вскоре т. Образцов и я, по его просьбе и с санкции Комитета, выехали в Москву

По приезде в Москву, мы розыскали по адресам нужных нам товарищей типографов: помнится, были в Коммуне братьев Богомазовых, в квартирах т. т. Максимова, А. Басова и у некоторых других.

С ними мы переговорили о целях нашего приезда, о поручении, данном нам Комитетом, и просили их содействия.

Те охотно пошли нам на встречу· дали адреса типографий, указали товарищей, да и сами обещали сделать кое-какие запасы.

На другой день мы бегали по типографиям, разыскивая, заходя с заднего хода, необходимых нам товарищей, от которых получили разной величины свертки с полосками шрифта. Вскоре мы таким путем набрали должное количество текстового шрифта, который отвезли, помнится, на квартиру Басова до отправки в Калугу, которая задерживалась необходимостью выполнения других поручений Комитета, главным образом, получением, через партийные легальные книжные магазины, нелегальной и конфискованной литературы.

Я сейчас не помню, в какие именно магазины мы заходили, на каких улицах они помещались, и носили ли они какие особые названия, но у меня очень хорошо запечатлелись нелегальные книжки Ерманского „Наши требования" на разные темы, ко-

торые мы получили в каком то магазине, и затем десятка два экземпляров только-что вышедшего из печати и кенфискованного большевистского толстого сборника: „Вопросы дня“. Впрочем, названные сборники, кажется, мы обнаружили в квартире т. Басосова, в его отсутсвие, и с радостного благословения его матери, „конфисковали“ в пользу Калужского Комитета.

Я уже собирался уезжать в Калугу со своим драгоценным грузом, а т. Образцов должен был остаться в Москве еще дня на два для подыскания товарища типографа, который согласился бы поехать в Калугу для работы на „типе“, и для решения еще каких-то вопросов. Мы с ним совершали последние для меня в Москве рейсы, как вдруг на одной из улиц мы совершенно неожиданно столкнулись нос к носу с Калужским шпиком Дадочкиным, которого мы не задолго перед тем приперли к стене, разоблачили в его причастности к охранке, в чем он вынужден был сознаться, пригрозили разстрелом, предложили дать нам сведения о шпиках и провокаторах, пообещав ему за это щедрое вознаграждение.

Он дал свое согласие и действительно позднее мы получили от него сведения об одном злостном филере Лобзове и провокаторе местной организации эсеров—члене Комитета Баклашеве И. В.

Следовательно, Дадочкин был до некоторой степени „своим“ человеком, но тем не менее встреча с ним в Москве навела нас на весьма печальные размышления. Наши опасения увеличились еще более, когда разговорившись с ним при встрече, мы узнали от него, что из Калуги он выехал в один и тот же с нами день и ехал в одном и том-же поезде.

Помню, как сидя в пивной, куда мы зашли с тем, что бы во время разговора с Дадочкиным не попасться на глаза Московским филерам, он навязчиво распрашивал нас, когда мы едем в Калугу и усиленно уговаривал нас ехать с ним вместе. Мы очень хорошо понимали, чем это пахнет, и поэтому были с ним особенно осторожны. Не показывая виду, что ему не доверяем, и даже наоборот: деланно обрадовавшись этому, мы условились с ним выехать из Москвы дня через два-три, сославшись на то, что раньше мы не управимся с делами, и дав ему какое-то поручение, назначили с ним в тот же день часов в 7—8 вечера, свидание.

Само собою понятно, что свидание это было назначено лишь для отвода глаз, что-бы замести следы: в указанные часы мы шли не на свидание с Дадочкиным, а ехали на Брянский вокзал с нашим грузом, что-бы уехать и отвезти его в Калугу.

Когда мы под'езжали к вокзалу, входили в него направлялись на перрон, шли к вагону, мы тревожно и зорко смотрели по сторонам, опасаясь того, что-бы нас не перехитрил Дадочкин и вместо назначенного свидания не явился к поезду.

К счастью, Дадочкин, а может быть и Московская Охранка до этого не додумалась, и я, усевшись в вагон и простившись с Образцовым, благополучно отбыл из Москвы в Калугу.

Дорогой, в пути, помню, мне также пришлось пережить несколько тревожных минут: шрифт и литература, завернутые в бумагу и закутанные в одеяло, значительно растрепались при переноске и перевозке на извозчике, и где то при сильном толчке вагона, шрифт и литература вдруг разсыпались по

полке. У меня испуганно сжалось сердце... Но по счастливой случайности—это произошло на второй полке, вверху и напротив никого не оказалось, а на нижней полке сидели какие-то старушки и женщина с детьми, очевидно, далекие от всякой политики.

Это меня успокоило, я даже обрадовался такому случайному и счастливому соседству, которого я до того момента даже как следует и не разсмотрел, что дало мне возможность собрать и увязать разсыпавшийся шрифт и литературу, и благополучно добраться до Калуги.

Через несколько дней столь-же благополучно вернулся т. Образцов, который привез с собою „техника" для типы-типографа, почти мальчика Александра Басова.

Вскоре через рабочего ж. д. мастерских т. Пономарева, его родственником-столяром была изготовлена по чертежу складная касса, изготовлена или приобретена, каким путем не помню, доска с рамой и зажимами для печатания, извлечен от старого партийного товарища Николая Ивановича Попова „Ника" большой, весом около пуда, вал и др. необходимые типографские принадлежности.

Т. Басов, обнаружив отсутствие в привезенном шрифте крупного шрифта, для заголовков и, главным образом, для заголовка предполагавшейся к изданию нелегальной газеты „Калужский Рабочий" и еще какие-то недостатки (верстатка, краска, и проч.) выехал, с согласия Комитета, в Москву и скоро возвратился обратно со всем необходимым.

Таким образом все, что нужно было для „типы", было приобретено, но все это было разбросано в нескольких местах, ибо не было найдено подходящее

по конспиративным условиям помещение для установки типографии.

Вопрос этот был чрезвычайно сурьезным и важным: от удачного разрешения его зависела дальнейшая судьба типографии.

Над разрешением этого вопроса, т. е. над подысканием помещения для типографии, работал лучший партийный техник—рабочий токарь т. Карев, который обладал особыми способностями устанавливать связи там, где их меньше всего можно ожидать.

И на этот раз т. Карев, при разрешении данных ему заданий, вышел с честью.

Он заручился согласием на предоставление помещения для типографии от братьев Павла и, кажется, Леонида Холшевниковых, имевших в Калуге, на Болдасовской улице значительную розничную и оптовую торговлю, которые до того оказывали партии разные услуги: скупали патроны у солдат и передавали их в организацию совершенно безвозмездно, распространяли прокламации и даже хранили оружие, приобретавшееся Комитетом для Кавказа.

Я не помню, как перевозилась к ним типография, но когда она уже была установлена, мне на ней пришлось работать с т. Басовым с первых-же дней. Мне припоминается, как поздно осенним вечером, в темноте, втроем: Карев, Басов и я—осторожно пробирались на Болдасы к Хелшевниковым; как через глухой переулок и раздвигающиеся доски забора Холшевникова пробирались к ним в сад, затем прошли к их квартире, стуком в дверь вызвали старшего Холшевникова, и увидели перед собою типич-

ного торгаша: солидного, с крупным, обросшим черными волосами, лицом (позднее я узнал, что он старообрядец), в черной засаленой поддевке, но с какой-то особой хорошей и доверчивой русской душей.

Молча поздаровавшись с нами, он повел нас к амбару, стоявшему в саду, и подойдя к нему, тихо произнес: „здесь“. Вынул связку ключей, отпер большой висячий замок, раздвинул тяжелые засовы, приоткрыл немного одну половину двери, и мы тихо, как воры, вошли внутрь.

Когда зажгли свет, то мы увидели целую гору льняного семени (позднее я узнал, что именно в этом сарае и под льняным семенем было спрятано значительное количество партийного оружия) и большее количество наполненных чем-то мешков, а затем, наконец, разглядели и свою типографию.

Здесь предстояло нам работать, набрать и отпечатать несколько прокламаций.

Устроив нас в амбаре, Холшевников принес нам туда хлеба, колбасы, чайник с водой и сахаром, указал, как выбраться из амбара помимо двери, после чего он и Карев ушли, заперев предварительно дверь на замок.

Помню, что нам в ту ночь было дано задание перепечатать „Выборгское воззвание“, составленное членами 1-й Государственной Думы до кадетов включительно после ее разгона, где крестьяне и рабочие призывались к борьбе с царским самодержавием, к недаче ни одного солдата-новобранца и к неплатежу государственных налогов.

Помню, как у нас не ладилось в первое время дело с набором, с краской, как нас пугал стук пра-

вилкой по набору, но затем все это изгладилось, и к утру „Выборгское воззвание" было напечатано в должном количестве экземпляров, причем нас особенно умиляли последние строки после текста „Издание Калужского Комитета Р.С-Д.Р.П.".

Позднее, с перерывами в две-три недели, мы набирали и печатали там же прокламацию „К крестьянам", составленную, кажется, С. Митиным, и воззвание „К новобранцам".

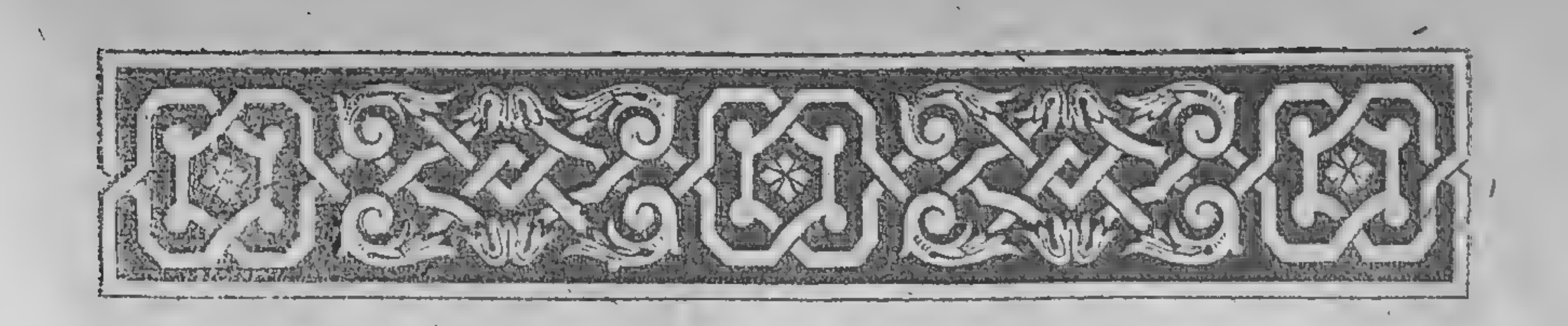
Я не знаю, не помню, печатались ли в амбаре Холшевникова прокламации под другими названиями, но только вскоре после выпуска воззваний „К новобранцам", разбросанных и расклеенных по городу и во дворе воинского присутствия во время приема, после ареста т. Галкина и других, за их раскидку пришлось сперва на время прекратить печатание прокламаций в виду усиленной слежки со стороны полиции и охранки, а затем позднее перенести типографию из амбара Холшевникова—этой казалось-бы неприступной для охранки и полиции цитадели,—в квартиры других товарищей.

С перемещением типографии, мне не пришлось больше работать на ней, как и т. Басову, который был вскоре арестован совершенно случайно, вне работы на типе, затем выпущенный из тюрьмы, он выехал в Москву, но эта типография, за исключением кассы и мизерного количества шрифта, провалившихся у рабочего ж. д. мастерских т. Кудрявцева, просуществовала, путешествуя из квартиры на квартиру и делая свое дело, еще целых полтора года, провалившись окончательно и безповоротно лишь 24-го июля 1908 года на квартире тов.

Смирнова вместе с т.т. Покровским, Авиловым-Глебовым и Голубевым во время печатания третьего № нелегальной газеты „Калужский Рабочий“—нашего партийного органа.

Н. Борисов.

Страничка воспоминаний.

В конце октября 1906 года во время призыва новобранцев во дворе приемной, переполненном новобранцами, пришедшими на ставку (освидетельствование), их родственниками, знакомыми и просто любопытствующими обывателями г. Калуги, я встретился с товарищем Н. В. Борисовым, который явился туда с кипой прокламаций: „Воззвание к новобранцам", для распространения их среди новобранцев. Прокламации эти, помнится, были местного издания, отпечатанные в тайной типографии Калужского Комитета Р. С. Д. Р. П. и заключали в себе призыв: не давать присяги, отказываться стрелять в народ, организовываться для борьбы с царским самодержавием и т. д.

Часть из этих прокламаций были розданы на руки по знакомым, бывшим в приеме, 2-3 экземпляра было вывешено в отхожем - месте, так сказать, для всеобщего чтения, а оставшиеся экземпляры решено было открыто разбросать там же во дворе воинского присутствия.

Т. Борисов, учитывая, что среди бывших во дворе имелось много его знакомых и поэтому самому проделать операцию с раскидкой прокламаций, считая для себя не возможным, поручил это сделать мне.

Не состоя в то время оффициально в рядах партии, но тем не менее всей душой сочувствуя ей, на сделанное мне предложение я согласился без всяких колебаний.

В целях конспирации мы с т. Борисовым незаметно сгруппировали всех своих знакомых, бывших во дворе и сочувствуюших нам, так, что я очутился в кольце, после чего я высоко бросил пачку прокламаций, которые, как бабочки в воздухе, разлетелись в разные стороны и когда опускались на землю, то ловились новобранцами нарасхват.

Бывшая во дворе полиция и казаки бросились отнимать прокламации и в поисках виновных арестовала пять человек, ни в чем неповинных новобранцев.

По приказанию пристава Данишевского городовые, отвозя арестованных в участок, били их на глазах прохожих до обморока. Женшин—матерей бывших во дворе воинского присутствия, городовые и казаки били нагайками, что вызвало особое озлобление новобранцев и их семей.

В Данишевского и городовых бросали камнями, были случаи их ранения, словом, получилось порядочное „брожение умов".

Мне и т. Борисову эта операции в этот день прошла совершенно благополучно, но три дня спустя у меня, как это выяснилось позднее, по доносу одного из несознательных рабочих типографов, был произведен тщательный обыск, найдено несколько нелегальных брошюр, после чего я был арестован, препровожден в жандармское управление для допроса, а оттуда в Калужскую губенскую тюрьму, где меня посадили в одиночку, в которой мне пришлось просидеть три месяца.

В результате расследования по моему делу мне было пред'явлено обвинение по двум статьям 129 и 133-ей причем суд надомною был назначен на май месяц 1907 г.

Благодаря своей политической незрелости и тому, что я не встретил должной поддержки со строны более сознательных товарищей ни в тюрьме, ни с воли, мною было подано прошение на высочайшее имя с просьбой о том, чтобы меня или выпустили на поруки, или же отправили в солдаты.

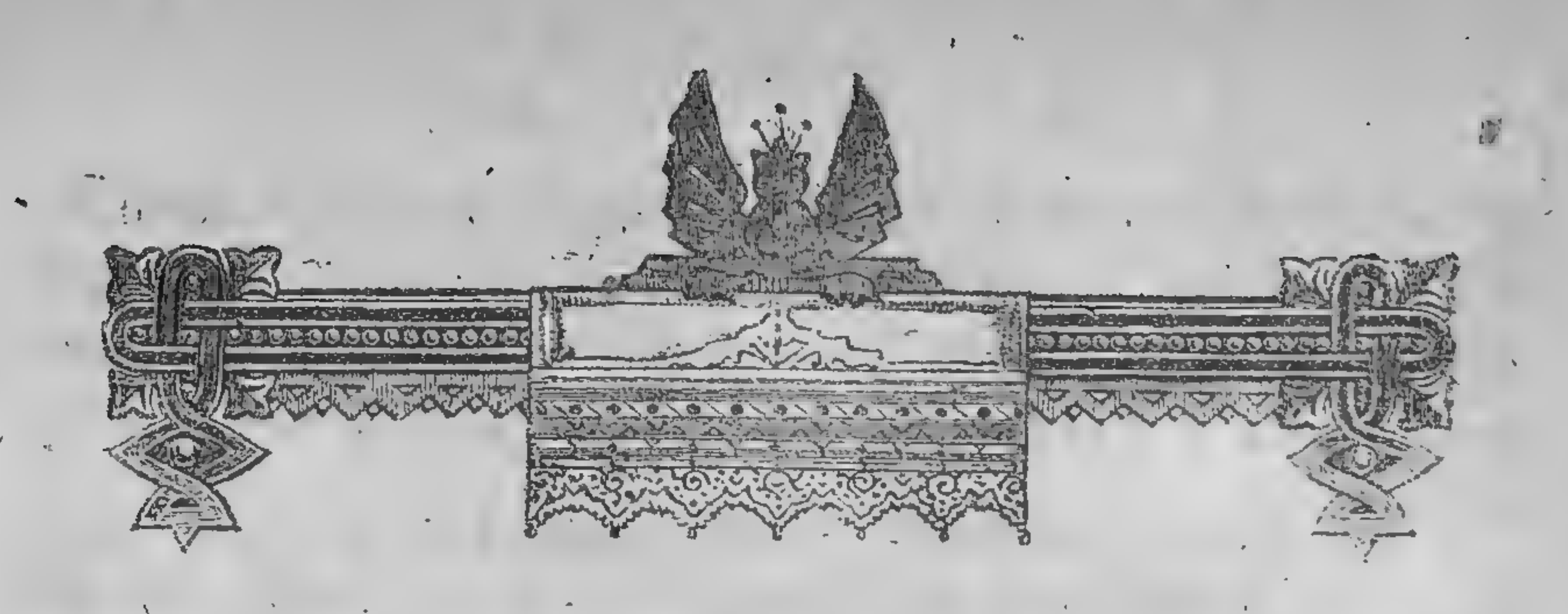
Вторая просьба моя вскоре была удовлетворена, и я очутился на военной службе.

С этого момента в силу того, что в рядах армии, я оказался „политически неблагонадежным“ и за мной был установлен надзор, а также и потому, что тогда начинала входить в силу реакция, я надолго был оторван от всякой политической и революционной жизни.

Ныне—же я состою и работаю в рядах Р. К. П.

Н. Галкин.

Воспоминания о жизни и работе на заводе С. Н. Киселева в Калуге.

В 1906 году я поступил в качестве ученика на чугунно-литейный завод С. Н. Киселева. В то время на заводе работало около 50 человек. Сами рабочие в большинстве из себя представляли неорганизованную темную массу. Условия работы в то время на заводе были, как говорится, каторжные. Рабочий день начинался с 6-ти часов утра и длился до 7 часов вечера с перерывами ½ часа на завтрак и 1 час на обед. Оплата труда была самая минимальная: квалифицированные рабочие получали от 60 коп. до 70 коп. в день, чернорабочие 50 коп. и ученики 20 коп. в день. Работа происходила в холодных и худых мастерских, а во время отливок в повышенной атмосфере, доходившей до 50 градусов жары.

И неудивительно, что жизнь большинства рабочих завода была нищенской и безпросветной.

Но все же общее революционное состояние страны в 1906 году и работа местной Соц.-демократиче-

ской организации не прошли мимо рабочих нашего завода: рабочие читали газеты и горячо обсуждали вопрос о забастовках 1905 года, о Совете Рабочих Депутатов и о Государственной Думе.

Из числа рабочих завода выделялись, как наиболее сознательные товарищи—Ф. А. Крюков, А. Ф. Васильев и А. И. Пастухов.

От них я впервые узнал о т. Н. В. Борисове, члене местной организации Р. С. Д. Р. П., который устраивал с ними собрания, проводил митинги и самое главное снабжал их всевозможной—легальной и нелегальной политической литературой.

В 1907 году на завод поступил работать в качестве литейщика сознательный рабочий и, кажется, социал-демократ Иван Зайцев (в настоящее время член Р. К. П. б. Петровской организации).

Т. Зайцев всегда покупал газеты, читал их вслух рабочим, ведя соответствующую агитацию, но тем не менее создать прочной организации на заводе не удалось.

В 1908 году в декабре месяце хозяин завода, видя с одной стороны слабость и неорганизованность рабочих и с другой стороны процветание реакции, сбавил расценки на сдельные работы на одну треть, и рабочие ничего на это не возразили.

Так протекала жизнь рабочих до 1912 года.

В 1912 году я познакомился с Костей Старченковым, который мне посоветывал выписывать рабочую газету „Луч“, что мною и было сделано. Получая газету на квартиру, я ее носил на завод для общего чтения. В чтении газеты горячее участие приняла рабочая молодежь: М. Лапенин, И. Петров, М. Ива-

ков, П. Кудрявцев, А. Лонский. Все они вскоре начали выписывать рабочие газеты на себя лично. Сперва ликвидаторский „Луч“, а затем большевистскую „Правду“.

В 1913 году хозяин опять сбавил расценки на работу. Но тут мы обсудили положение и зная из газет о борьбе рабочих с капиталистами и следя за забастовочным движением, также решили дать отпор обнаглевшему заводчику путем забастовки.

Выставив требования о повышении заработной платы, о сбавке рабочего времени, об улучшении санитарного положения, о расчете в рабочее время, мы прекратили работы.

Пробастовали 10 дней, после чего наши требования почти все были удовлетворены полностью.

В конце 1913 года по всей России прокатилась волна забастовок и революционное движение возрасло, что отразилось и на г. Калуге, где также в то время велась оживленная подпольная революционная работа. С нашим заводом поддерживали связь т.т. Борисов и Старченков. Получая от них прокламации и другую революционную литературу, я ее всю носил на завод для раздачи рабочим, которых это очень интересовало, и когда утром я приходил на работу, то первым делом рабочие спрашивали: „ну, что, принес что почитать“?.

Часто устраивались собрания и митинги или, проще сказать, беседы на почве организации больничных касс, выписывалась страховая литература и т. п.

В январе месяце 1914 года хозяин, надеясь на то, что рабочие за праздник Рождества прожились и не будут возражать, решил сбавить с нас расценки что им и было сделано.

Но тут он ошибся: рабочие придя на работу и увидя новые расценки, сейчас же решили бросить работать и с своей стороны выработать требования к хозяину.

На другой, день придя на завод, мы подали хозяину в письменной форме наши требования о повышении заработной платы и о сокращении 10-ти часового рабочего дня до 9-ти часов. Хозяин на это не согласился, и мы забастовали.

Через 2 недели нашей забастовки хозяин обратился к помощи полиции, которая всех нас вызвала к себе и стала запугивать. Пристав выражался так: „если я еще услышу что о забастовке, то всех пересажаю в тюрьму“. Хозяин в свою очередь просил придти на завод и переговорить.

На другой день после того мы пришли на завод, где уже находился и пристав Загряжский. Рабочие, чувствуя с одной стороны голод и холод, а с другой запугивание полиции в процессе переговоров, согласились на том, что хозяин оставляет расценок старый, т. е, 1913 года, и встали на работу.

В 1915 году я уехал в Москву, где в сентябре месяце был мобилизован и отправлен на фронт.

Кончив военную службу в конце 1917 года, я опять поступил на завод Киселева.

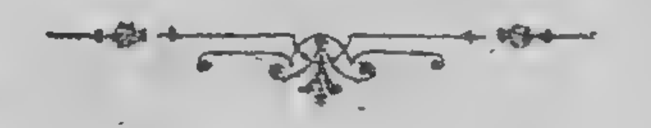
В это время хозяин уже стал не тот, что был раньше: с рабочими обращался ласково, всякие просьбы удовлетворял и т. д.

В январе месяце 1918 года к нам на завод явился т. Борисов, устроил митинг, указал на значение Октябрьской Революции, какие обязанности она

возлагает на рабочих, предложил организовать заводский комитет и выбрать одного делегата в Городской Совет, что и было нами сейчас же сделано.

Избранным в Городской Совет оказался я, после чего через некоторое время я был отозван Горкомом с завода для другой работы.

И. Васильев-Волков.

Мои воспоминания о Медынской группе Р. С. Д. Р. П.

Родился я в Калуге, но детство и ученические годы провел в г. Медыни, куда из Калуги переселились отец и мать. Мое детство отчасти было отравлено национально-религиозной травлей моих сверстников, т. к. отец мой был латыш, а мать полька—оба католики, разговорный язык в доме был больше польский. Недоброжелательность моих сверстников и их неосмысленная травля, меня особенно не безпокоили: я все свободное время проводил за книгами в наблюдении явлений природы и, почти всегда в одиночных прогулках в лесах, окружавших город. В результате этого позднее я особенно заинтересовался естественно-историческими науками и рано по возрасту стал читать книги по социалогии, политической экономии и другим вопросам. К такого рода чтению меня располагало и то, что родители жили бедно и мы, дети, если не голодали, то часто питались весьма скудно; не лучше обстояло дело и с одеждой, тогда как дети местных купцов и фабрикантов, мои, товарищи по школе, всегда были хо_

рошо и по сезону одеты, хорошо питались, имея возможность приезжать иногда в школу на своих лошадях. Все это заставляло меня задумываться и искать разрешения вопроса. Почему существует такое неравенство, как и откуда оно произошло и где ему конец?

В это время в 1900—1 году в Медынскую тюрьму был привезен жандармами студент Лукомский, арестованный, как впоследствии выяснилось, за участие в студенческих организациях протеста, но для народа,—населения города Медыни, довольно темного и не развитого, этот студент был социалист, собственно „сицилист", но кто такие социалисты, чего они хотят, почему бунтуют-этого никто не мог объяснить, а говорили обыкновенно: „бунтуют против царя", „не хотят царя" и т. п.

Так как в это время мне было около 12 лет, то я не мог еще сам найти ответа на вопросы: кто такие социалисты, чего они хотят—а распрашивать отца или мать было даже рискованно, т. к. всегда говорилось со злобой, что это безбожники, нечестивые, нехорошие люди. Но та таинственность, та непонятная ненависть к социалистам, которая наблюдалась по отношению к ним, глубоко запали в душу, и я решил всеми мерами и возможно скорее узнать всю правду о них.

Школу я окончил в самый разгар Русско-Японской войны, когда во многих семьях уже носили траур, оплакивая своих родственников, погибших где то далеко, далеко. В обществе даже таком консервативном, как Медынское, уже носились слухи о поражениях нашей армии, в том, что война ведется за какие то темные интересы, что всюду собираемые

на армию, больных и раненых пожертвования не доходят по назначению, что солдаты терпят массу, легко устраняемых лишений, при чем приводились рассказы о хищениях, наживах отдельных лиц и т. п. т. п.

По газетам дошла и до Медыни весть о расстреле рабочих в Петербурге 9 января 1905 года, а впоследствии и официальное подтверждение, истолкованное той же газетой очень своеобразно. В силу-ли толкования об „японских деньгах", о „предателях" или наивности и темноты граждан и даже рабочих, но хорошо помню, что этому правительственному сообщению поверили не только обыватели, но, к сожалению, и рабочие. В то время я уже был запросто знаком с некоторыми рабочими, с которыми иногда приходилось говорить по чисто жизненным вопросам, и вот однажды, когда я сказал, что разве волнения рабочих в других городах—на юге, в западном крае то же происходят от „японских денег", делаются „японскими шпионами" то, к прискорбию, получил утвердительный ответ, а персонально по своему адресу: „ты поляк, а потому тоже работаешь на руку нашим врагам, но мы вас всех передушим". Ясно было, что раз это говорил почти пролетарий, то нечего было и думать об организационно-партийной работе, а только об обще-просветительной,—с целью поднять хотя немного культурный уровень и пробудить среди них критическое отношение к происходящим событиям. Но для этой работы при всем желании не было ни сил, ни средств. В городе только недавно возникла библиотека-читальня О-ва Народной трезвости с таким подбором книг, которые ни рабочему, ни крестьянину, по существу, ничего не могли дать, и, даже, еще более затемняли его сознание.

Да рабочие и крестьяне почти и не пользовались этой библиотекой.

В это время в Медыни были три спичечных фабрики, одна спичечно-ткацкая и три кожевенных завода, на которых в общей сложности, работало около 400 человек, но почти все эти рабочие не были чистыми пролетариями, а имели или в городе, или в деревне дома или землю. Этим в значительной степени только и об'яснялась иннертность Медынских рабочих, а между тем, несмотря даже на патриархальные отношения между рабочими и владельцами фабрик и заводов, жизнь Медынских рабочих была не лучше жизни рабочих др. городов. Их также эксплоатировали, рабочий день был не менее 11 часов, усиленно применялся обесцененый детский и женский труд, помещения фабрик и заводов были темны, грязны, душны. Наконец, Медынь еще в то время могла наглядно видеть нищенствующих рабочих, с размягченными костями и беззубых, уволенных по болезни с фабрик в то время, когда еще приготовлялись фосфорные спички—при чем владельцы ничем не обеспечивали изувеченные фосфором жертвы, а просто выбрасывали, их как непригодных более к добыванию барышей для фабрикантов.

Молчаливо и безразлично относились рабочие даже, например, к таким фактам: на фабрике Зимина круглой пилой одной работнице разрезали при работе череп. То, что фабрикант выдал семье убитой 100 рублей, отобрав подписку от членов семьи, что никаких претензий более они к нему не имеют и иметь в дальнейшем не будут, вполне удовлетворило рабочих и по приезде фабричного инспектора почти все вызываемые говорили, что эта женщина была сама виновата, хотя на стороне говорили совершенно

обратное. Из этого видно, как надо было много работы, много сил и времени для пробуждения сознания медынских рабочих.

Октябрьская забастовка 1905 года и последующие восстания рабочих все же много сделали, а главное,—внесли расслоение в среду рабочих, в результате чего выделилась группа с сознанием своих чисто пролетарских интересов, против группы, правда более многочисленной, с хозяевами, фабрикантами, и одурманенных совершенно несознательных рабочих. Вследствие прекращения занятий в большинстве учебных заведений почти повсеместно, в Медынь приехали учащиеся, которые впервые, вероятно, в этот город привезли брошюры, книги и даже нелегальные издания. Большинство учащихся, прибывших в Медынь, помнится, были очень молоды, считали себя чуть ли не членами партии социалистов—революционеров, но плохо и даже совершенно не были знакомы с програмой.

Главными аргументами их—была активная борьба посредством убийств агентов власти, а в доказательство этого распродавали открытки—фотографии эсеров террористов М. Спиридоновой, Каляева и др..

Пользуясь растерянностью агентов власти, они усиленно записывали в партию членов, не считаясь ни с чем, лишь бы завербовать как можно больше членов. Собирались группами и ходили по улице с пением „Марсельезы“ и других революционных песен. Не удивительно, что этого порыва хватило лишь на время растерянности власти, на время, когда судебный следователь в местном клубе, в присутствии члена суда, исправника и других администраторов, разыгрывал на рояли „Марсельезу.“

Между тем в большие города прибыли отряды казаков и „надежных“, т. е. споенных, одурманенных войск. Засвистали нагайки, посыпались пули, всюду повторились в более или менее большем размере события „9 Января.“ Рабочие с оружием в руках вышли на защиту своих прав—но все же восстания скоро были беспощадно раздавлены, начались расстрелы, виселицы,—разгул белого террора и мести, жестокий, бессмысленный, грубый, беспощадный. И в этот момент эсерствующая Медынская молодеж тихо сошла со сцены: у каждого оказались уважительные причины отказа от активной деятельности —тому надо было закончить образование, тот по материальному, другой по семейному, третий по другим „уважительным“ причинам, но все отказались не только от активной, но вообще от всякой деятельности, а некоторые для оправдания себя в глазах вдруг окрепшей и озверевшей власти даже порвали знакомства со своими товарищами, оставшимися на своем посту, оставшимися верными долгу, идее, порыву.

Как печально было видеть этих, еще недавно красивых в своем лучшем порыве помочь народу сбросить путы, юношей, отворачивающихся от своего товарища при встрече, чтобы не поклониться и тем не навлечь на себя подозрений. Имена их: Атенские, Протасов, Никулин и др.

Между тем брошюрами, книгами, листовками, прокламациями, слухами, передаваемыми с поразительной быстротой, подчас самыми фантастичными, в среду рабочих были заронены семена сомнения в „незыблемости основ“: находились рабочие, у которых уже были вопросы, которые искали раз‘яснений, об‘яснений; иногда они сами приходили, чтобы получить точный и ясный ответ на интересующий вопрос по-

литический или общественный; рабочие бессознательно хотя, но уже сами шли к организации, а в это время часть учащейся молодежи отошли от живой работы, такой нужной и ценной.

В январе 1906 года приехал участник Московского восстания Владимир Чивов, следом за ним— участник забастовки почто-телеграфных служащих Василий Сдобников, в марте приехал студент С. Петербургского университета Георгий Селянинов (Жорж), убежденный марксист и социал-демократ, после чего был организован социал-демократический кружок, в который вошли вышеупомянутые лица, а также я, учитель Городского училища Алексей Головашкин, брат Георгия Селянинова-Владимир. Устраивались собрания по вопросам программы и тактики, был намечен план работ и пропаганды среди рабочих и крестьян. Работа пошла значительно вперед. Среди рабочих был организован кружок сочувствующих социал-демократической рабочей партии с числом до 20 человек рабочих. Занятия с ними выпали на долю Г. Селянинова, как хорошо знакомого с рабочим вопросом, экономикой и тактикой партии. Среди крестьян работу было вести гораздо труднее, т. к. был и большой риск для устройства собраний крестьян, но, несмотря на это, за агитацию среди крестьян взялся Владимир Чивов, хорошо знакомый с аграрным вопросом. На мою долю выпала работа по установлению связи с Калужским Комитетом, по доставке и транспортировке нелегальной литературы из Калуги, информация Калужских товарищей о работе Мелынского кружка. На остальных членов была возложена текущая работа.

Так как собрания и собеседования устраивать не всегда представлялось возможным, между тем по

многим волнующим вопросам необходимо было давать ответы по возможности скорее, а также, для поднятия общего уровня сознания и в особенности классового, настоятельно возникала потребность в библиотеке, которая давала бы возможность найти ответы на возникающие вопросы.

Принципиально необходимость такой библиотеки признавалась всеми единогласно, но технически было очень трудно организовать ее, чтобы это была действительно библиотека, а не склад книг, мало доступный публике. Кроме того остро ощущался недостаток соответствующих книг и крайне остро стоял вопрос с помещением. Библиотека по содержанию книг и по своему назначению была нелегальной, а потому об явном, открытом помещении для такой библиотеки не могло быть и речи.

В результате нескольких совещаний прошел проэкт Жаржа Селянинова, а именно: 1) Мобилизовать все соответствующие и подходящие книги как у членов кружка, так и у сочувствующих. 2) Книги оставить на местах по их принадлежности, составив каталог с разбивкой на отделы и с отметкой условным знаком-где книгу можно получить 3) Для выбора книг по этому каталогу и получения справки, где надлежит получить требующуюся книгу использовать местную библиотеку-читальню О-ва Народной Трезвости.

Немедленно было приступлено к составлению каталога и мобилизации книг, которая быстро была проведена Жоржем Селяниновым и мною, и в результате удалось сгруппировать книги в трех местах и по каталогу оказалось до 1200 книг и брошур почти по всем вопросам и даже чисто научных и по-

пулярно-научных. Для выбора книг по каталогу, составленному в пяти экземплярах, было установлено дежурство по очереди членов организации в часы открытия библиотеки читальни О-ва Трезвости, причем на обязанности дежурного члена была рекомендация книг, сообразуясь со степенью развития абонента и его запросами, и указания, где рекомендованную книгу и в какое время можно получить. Успех этой библиотеки был большой, так что, не смотря на усиленную слежку и производимые обыски, полиция не могла найти ни одной даже части этой библиотеки, даже и после развала организации.

Осенью 1906 года, в одну из поездок с агитационной целью в деревню, был арестован Владимир Чивов и заключен в местную тюрьму. Жандармерией было произведено расследование, но так как жандармерии не удалось установить принадлежности Чивова к организации, то ему было пред'явлено обвинение лишь в распространении нелегальных изданий (по 2 ч. 132 ст. Угол. Улож.), при чем через полтора месяца тов. Чивову удалось освободиться из тюрьмы под залог до суда. Зимою работу среди крестьян вести было не возможно-оставалась лишь работа среди сочувствующих рабочих, которую очень успешно вел Жорж Селядинов, устраивал собрания, штудируя в этой аудитории вопросы програмы и тактики. Собрания чаще всего устраивались на окраине города в одной нежилой халупе, в которой картонам заделывались окна. Собирались обыкновенно вечером поздно по одному, по два, стараясь не пробудить подозрение „недреманного ока“-полиции.

Особенно мне памятна одна фигура старика-рабочего: седой с благообразный бородой, которого за

облик прозвали „Николаем Угодником“. Эта кличка так за ним и осталась.

Из молодежи активными и смелыми были братья Лосевы Алексей и Дмитрий, рабочий фабрики Зимина—Мышонков, рабочий кожевник Жуков и сын местного огородника Пашутин Иван. При свете свечей шел тихий разговор, при чем особенной популярностью среди рабочих пользовался Владимир Чивов, которого всегда ожидали с нетерпением и приветствовали радостно при появлении.

Селянов Владимир и Жорж, как разбиравшие и анализировавшие вопросы политико-экономические пользовались уважением и ценились рабочими за то, что последние всегда от них могли получить все разъяснения и справки, самые подробные и точные ответы на все эти вопросы.

В начале января 1907 года в город Медынь приехал на службу в земство врач-хирург Тимофеев и с ним его сыновья Сергей и Николай и зять Владимир (фамилию не помню), причем Сергей Тимофеев был по убеждению эс-эр, а тов. Владимир марксист социал-демократ. Вскоре квартира Тимофеева стала местом собрания активных членов, где за чашкой чая намечались методы и способы работ, планы организации, планы деятельности, лучшая организация связи с Калужским Комитетом, получения литературы, способы распространения и др. Между прочим, не помню хорошо, по чьему предложению, но очень живо обсуждался вопрос автоматического распространения прокламаций, причем решено было организовать опыты, приняв ракетный способ. Эти опыты чуть не кончились крайне печально. Желая испытать приготовленную смесь на взрывчатость мы

все отправились в прилегающий к городу лес, где на поляне тов. С. Тимофеев, Чивов Селянинов стали смешивать составные части, причем внезапным взрывом Чивов и Селянинов Жорж были отброшены в сторону, хоты и без повреждения.

Хуже было с тов. Тимофеевым. Лицо у него предстовляло кровоточащий кусок мяса, и по его словам, он ничего не видел. Пришлось дождаться вечерней темноты, вести его домой, где ему была оказана помощь и через две недели он почти совершенно оправился, причем зрение заметно не пострадало. Несмотря на это, благодаря энергии Чивова, работы по изготовлению снаряда для распространения прокламаций шли своим порядком и в результате такой снаряд типа римской свечи был устроен и впоследствии несколько раз применялся очень удачно и эффектно.

Вследствие того, что литература в Медынь попадала иногда не во время, и часто в крайне ограниченном количестве, встал на очереди вопрос о способе размножения получаемых экземпляров, изданий по текущему моменту, а также и о самостоятельном издании листовок и прокламаций для местных нужд.

О типографии с тяжелыми и громоздкими приспособлениями нечего было и думать, мимиографа не представлялось возможности приобрести, волей неволей пришлось остановиться на гектографе и то не на готовом, а сделанном своими силами.

После многих опытов удалось приготовить массу для гектографов, посредство с которых удалось получить с одного оригинала до 180 вполне ясных, легко читаемых копий, что нас вполне удовлетворяло, так

как это количество было вполне достаточным для нашей работы.

В виде опыта выпущено было несколько изданий „песни борьбы“—брошюра, а впоследствии перепечатывались издания наиболее соответствующие моменту, а если таковых не было, то выпускались свои издания, редакцию которых и составление взял на себя Жорж Селянинов и частью Владимир Селянинов.

Всего было выпущено собственного издания четыре листовки каждая от 150—до 180 экземпляров, которые были распространены частью автоматическим способом посредством снаряда в городском саду, частью разбрасыванием, частью наклеиванием на стенах зданий, заборов и т. п. причем последний способ, т. е. наклейка доставила много забот полиции и озлобила ее, так как для наклейки был приготовлен особый клей и наклеенную листовку не было возможности удалить иначе, как только соскабливанием, по большей частью с известкой здания или щепой забора.

На совещании на квартире доктора Тимофеева было решено изготовить печать кружка, а также в порядке партийного постановления было решено принять участие в выборах во вторую государственную думу и т. д.

Печать с подписью „Медынская группа Калужского Комитета Р. С. Д. Р. П.“ была изготовлена Жоржем Селяниновым гравировкой кислотой на меди, и на хранение она была передана мне.

В марте месяце тов. Чивов был опять арестован для отбывания наказания по январьскому приговору

выездной сессией Московской Судебной палаты в гор. Калуге, согласно которого он был приговорен к 4 месяцам крепости с зачетом предварительного заключения. Не смотря на то, что убыл активный работник и хороший агитатор, все же работа не приостановилась и с весной возобновились собеседования с крестьянами, при чем впервые среди крестьян пришлось работать мне. Собрания крестьян обычно устраивались в лесу или в более или менее отдаленном овраге, вдали от проезжих дорог. Место и час собрания назначались заранее. Собирались обыкновенно человек пятнадцать, двадцать, редко до тридцати. Крестьяне очень интересовались только прибавкой земли, и за редкими исключениями, почти безразлично относились к вопросу об образе правления, к политическим условиям, к рабочему движению. Трудно было говорить с массой, у которой было одно только положение: „нам бы землицы" и которая была почти глуха к остальным вопросам, безразлично относилас к существующей власти.

Огромную услугу в организации крестьянских собраний оказал тов. Солнцев, крестянин быв. урядник настроенный крайне оппозиционно,—немного эсерствующий, который, несмотря на довольно проницательный крестьянский ум и способности, все же не мог сделать окончательного выбора в разрешении аграрного вопроса по программе Р. С. Д. Р. П. и партии социал-революционеров.

В начале июня месяца 1907 года, отбыв наказание по приговору Судебной палаты, к нам прибыл тов. Чивов, прибыл в самый нужный момент, когда дошел слух о разгоне 2-ой государственной думы, в момент, когда можно было ожидать особых успехов от агитации и пропаганды, когда нужны были

хорошие агитаторы,—пропагандисты, а таким тов. Чивов был несомненно. Общество и рабочие, под влиянием сообщения о разгоне думы волновались. Не получая из Калужского Комитета ни литературы, ни директив, как относиться к вопросу о разгоне думы, Медынская группа напечатала на гектографе, составленный Жоржем Селяниновым „манифест к русскому народу“, в 160 экземплярах, который был широко распространен, а так как все это издание разошлось, то было напечатано дополнительно 100 экземпляров, из которых часть была расклеена на видных местах и улицах города. Часто собирались собрания рабочих, да и крестьяне стали усиленно приглашать кого либо из организации к себе в деревню для собеседований, что по мере возможности нами удовлетворялось, хотя все члены организации были измучены до ужаса, так как в деревню почти всегда приходилось ходить пешком не взирая на большие иногда расстояния в 20—25 верст в один конец, а обратно приходилось итти немедленно, да еще ночью, так как очередная работа уже ожидала. Вся эта работа не могла пройти незамеченной, да были, вероятно, добровольные сыщики и шпионы, которые осведомляли полицию очень, между прочим глупую, начиная с рядового „городового“ и кончая исправником.

Но в одну ночь, у всех почти были произведены обыски, при чем меня успели предупредить бр. Лосевы, после того как обыск у них был закончен,

Собственно говоря, этот обыск не дал ничего, так как по вполне понятным причинам, никто из активных участников организации на своей квартире не имел и не держал не только нелегальных, но и вообще политических изданий. Тем не менее

утром рано стало известно, что тов. Сдобников арестован после обыска в его квартире и заключен в местную тюрьму. У его родных не удалось выяснить причины ареста, а знать их было крайне важно, а потому пришлось налаживать сообщение с заключенным тов. Сдобниковом, что вскоре и удалось; удалось узнать и причину ареста у него при обыске были найдены оставшиеся не распространенными несколько прокламаций и в дальнейшим к тов. Сдобникову, хотели пред'явить обвинение в составлении и напечатании этих прокламаций. Отвлеч совершенно неправильное обвинение Сдобникова было очень легко, и через неделю на улицах города были уже расклеены новые прокламации, разбросаны и распространены среди рабочих и крестьян. Но это как видно, еще больше озлобило полицию, так как даже ей стало ясно, что тот, кого она считала за важного и ответственного работника, еще не пойман и работает. Новые массовые обыски, иногда повторявшееся через два дня не дали, как и следовало ожидать ничего. Но видно, что сверху было приказано об усилении борьбы с крамолой, и вот в начале августа без обычно предшествовавшего обыска был арестован тов. Чивов и заключен в местную тюрьму. Напрасно он добивался причины своего ареста, требовал пред'явления какого либо обвинения; и полиция, и жандармы и прокурорский надзор, все отвечали незнанием, даже оказалось, что никто из них не знал, по чьему приказанию сделан арест.

Вскоре выяснилось, что по приказанию министерства внутренних дел тов. Чивов будет выслан в Архангельскую губернию на три года, и его действительно вскоре (29 августа 1907 года) отправили из Медыни. Кроме родных провожать тов. Чивова пошли

все товарищи по организации и рабочие, успевшие узнать о предстоящем отправлении. На ст. Мятлевской, при посадке в вагон, Чивову, была устроена овация, и по отходе поезда, все вернулись в Медынь со смутным чувством на душе. Доктор Тимофеев со своими сыновьями уже уехал, слежка была напряженная, что называется за каждым шагом, работать было крайне трудно...

Единственно светлым лучом за время до окончательного разгрома Группы было создание общественной библиотеки. В Медыни, кроме очень плохой библиотеки Общества Трезвости, книг нигде нельзя было получить, и мы, сознавая громадное воспитательное значение книги, решили организовать общественную библиотеку-читальню. Часть книг, особенно по прикладным знаниям, литературе и естествознанию с историей и географией, мы взяли из библиотеки Общества Трезвости, которая в последнее время совершенно не функционировала. Но этого было мало. Нужны были книги по общественным вопросам, политико-экономические и исторические исследования, нужны были хорошие журналы, газеты. Все это можно было устроить только организацией сбора книг и денег.

Этот сбор был об'явлен, причем против всякого ожидания было собрано много хороших книг, журналов марксистского направления и прочая серьезная литература, а также и денег, которые жертвовали не только рабочие и местная интеллигенция, но даже купцы и фабрикант Зимин. Городская Управа очень любезно предложила бесплатное с отоплением и освещением достаточное помещение. Был составлен инвентарь, каталог, были намечены к выписке книги и журналы, но довершить создание

библиотеки нам по причине арестов не удалось. В последствии я узнал, что библиотека была открыта согласно намеченного плана, и не смотря на то, что во главе управления библиотеки стали консервативные и просто черносотенные деятели, все же ни устав, ни программа деятельности, ни состав выписываемых журналов не был изменен; чему приписать это явление и даже чудо положительно не знаю.

Между тем вследствие неблагоприятных обстоятельств организационно-агитационная работа затихала. Даже гектографом, вследствие крайне назойливого преследования полиции, пользоваться было почти невозможно. Чувствовались предстоящие аресты, и мы, оставшиеся еще на свободе, с часа на час ожидали, особенно по ночам, визита полиции или жандармов, и как следствие этого—ареста. Все же не хотелось легко отдаваться им в руки, и по предложению отца Владимира Чивова—А. Н. Чивова было решено „попугать“ особенно обнаглевшего во время слежки и обысков полицейского надзирателя Сахарова. А. Н. Чивовым было предложено поставить под окнами квартиры Сахарова снаряд типа римской свечи, который ночью должен был взорваться, не причинив вреда, а только напугать. Сахаров, был очень труслив, а потому я охотно согласился на это предложение и, забрав с наступлением сумерок снаряд, поставил его под окнами спальни Сахарова не смотря на то, что дом, где находилась квартира этого надзирателя, охранялся постоянным постовым городовым. Но, как оказалось, взрыва не произошло, вероятно, потому, что кто либо из проходящих по тротуару толкнул и свалил снаряд, вследствии чего серная кислота вылилась из воронки и не могла проникнуть в детонатор. Снаряд этот, сыгравший в деле крайне печальную роль, был найден в канаве около того же дома.

Около пятого сентября в городе Медыни на Кромской улице был любятельский спектакль в обывательском доме, куда было приглашено много „видных" обывателей. Во время спектакля на Шоссейной улице, близ квартиры упомянутого выше надзирателя Сахарова произошел сильный взрыв, причем стоявший на посту городовой видел „двух маленьких девочек" и услышал только: „Катя, я ранена" и потом „бежим". Немедленно же после взрыва на спектакле были арестованы Екатерина Успенская и сестра Владимира Чилова Антонина. После осмотра их костюма, ничего не давшего, в результате их все же арестовали, препроводив Успенскую в местную тюрьму, а Антонину Чилову с первым же поездом в Калужскую тюрьму. У меня на следующий же день вечером был произведен обыск, причем забрали имевшуюся у меня небольшую лабораторию, служившую мне для фотографических целей и опытной гальвано-пластики, а самого меня оставили на свободе. Я отлично знал, что меня арестуют, но ничего не мог предпринять. В конце-концов, чувствуя, что благодаря этим взрывам, дело принимает нежелательный оборот, я решил поехать в Калугу, получить совет от местных товарищей и дать отчет о работе последнего времени. Но за чаем накануне от'езда, я был арестован, вечером допрошен в качестве обвиняемого по второй части закона 9 февраля 1907 года за приготовление взрывчатых веществ, а ночью, под охраной двух городовых, на тройке лошадей был увезен, и утром рано сдан под расписку начальнику Боровской тюрьмы. Меня принял сонный надзиратель, который ввел меня в камеру, где стояла койка без тюфяка и я, несмотря на это свалился на нее от сильного утомления, от безсонных ночей, под однообразный и меланхоличный

шум осеннего дождя по крыше, заснул на этой койке я проспал, пока меня не разбудил надзиратель на обед.

Здесь необходимо отметить еще об одном характерном моменте.

В Боровске Земским врачем был некто В. Рудаков, которого мы хорошо знали по Медыни и который звал нас; он всегда уверял, что, если кто из нас, попадет в Боровскую тюрьму, то он сделает все вплоть до организации побега. Мне пришлось первому убедиться, что значат „эти благие порывы". Этот врач исполнял должность тюремного врача; я чувствуя однажды себя больным, пошел на визитацию, совершенно не ожидая встретиться с Рудаковым. Можно было представить мое недоумение, когда при выслушивании этот врач сунул мне в руки записку. Возвратившись в камеру, я быстро прочел ее и узнал, что Жорж и Владимир Селяниновы уехали в Петроград, оставшиеся товарищи желали продолжать работу и запрашивали адреса в Калугу, печать и документы. Довольно легко я достал у начальника тюрьмы бумагу, конверт и карандаш и написал одно письмо невинного содержания матери, а другое с подробными ответами, по всем вопросам, зашифрованное в необходимых местах, оставшимся в Медыни товарищам. Надо было это письмо отправить, но тут и оказалась трусость за свое положение со стороны Рудакова, который сделать это категорически отказался. Пришлось отправить его по почте через выходящего на волю уголовного арестанта, который вероятно, это письмо показал „властям придержащим", или—же оно было перехвачено и в последствии расшифровано. На моей квартире, согласно данных в письме, был сделан новый обыск, причем бы-

ли взяты печать Группы и дела с адресами. Был сделан обыск у меня в камере, самый возмутительный, наглый, безстыдный, который надолго отравил покой. Я узнал, что арестован учитель А. Н. Головашкин, который активно хотя и не работал, но все же оказывал иногда большие услуги. Следственным властям попал в руки богатый материал. Аресты были сделаны и в Калуге. Начались чуть ли не еженедельные допросы, затягивавшиеся иногда до утра. Я мучился физически и духовно. Сознание, что все же благодаря письму был еще ряд арестов активных работников, не давало покоя. Пропал аппетит к пищи, охота к чтению, и я больше лежал на койке, чувствуя себя совершенно разбитым, бессильным, с какой то апатией ко всему. По ходу дела видно было, что оно затягивается, и не известно когда кончится. Первое просветление в этом сумбуре мрачных мыслей внесла Е. Рогова, присланная из Калуги в Боровск и арестованная за тайную типографию Калужского Комитета Р.С.Д.Р.П. найденную на ее квартире. Недели две спустя прибыл тов. Сдобников, которого за переполнением тюрьмы поместили ко мне. Впоследствии прибыл еще также арестованный за работу в Калужской социал-демократической организации тов. Образцов Михаил, и жить стало лучше.

Но все же мы долгое время ничего не могли поделать с врачем Рудаковым, который с какой то злобной радостью отказывал нам во всем, даже в медицинской помощи, не давая нуждающимся и ослабевшим товарищам усиленной и молочной порции, на которой в Калуге содержались все политические заключенные. Наши порции он демонстративно прописывал уголовным, иногда явно не нуждавшимся

ни в усиленной ни в молочной диэте. Впрочем, через некоторое время он скрылся с нашего горизонта, и его место заступил городской врач Родкевич, симпатичный, слеповатый старичек, от которого мы если и не видали пользы, то не видали обиды и несправедливости.

Не могу без хорошего светлого чувства вспомнить начальника Боровской тюрьмы А. Ф. Парчевского, который, несмотря на свой суровый вид, все же делал нам много поблажек, а особенно все мы чрезвычайно благодарны его дочери Нине, которая снабжала нас книгами, доставая очень редкие издания А. И. Герцена, Писарева и др., а также и газетами.

Следствие шло то к окончанию, то опять начиналось. Выясняли автора прокламаций и их издателя. В результате этих поисков, после фотографической экспертизы, был в Петербурге арестован и прислан в Жиздринскую тюрьму Георгий Селявинов.

Калужские товарищи ушли в ноябре 1908 года на суд в Калугу и больше в Боровск не вернулись. Мне и товарищу Сдобникову пришлось ждать до мая месяца, когда нас, наконец, доставили в Калугу на суд, по обвинению всех по 2 ч. 102 ст. Угол. Уложения, меня-же, Чивову Антонину и Успенскую плюс к этому по 9 и 1453 ст. уложения о наказаниях, а меня еще сверх того и по 2 ч. закона 9 февр. 1907 года.

Впервые в комнате для подсудимых мы все медынские работники встретились друг с другом, веретились радостно и сердечно. Это было 13 мая 1909 года. Дело слушалось при открытых дверях, а потому было много знакомой публики и товарищей.

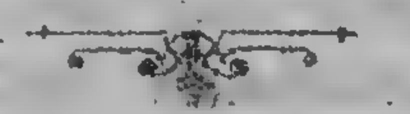
Несмотря на то, что заседание затянулось до зари 14 мая, суд не мог окончиться вследствие допроса многих свидетелей и показаний экспертов. Полковник Полторацкий, глупый до ужаса, ни капли не хотел считаться не только со своим коллегой полковником Колонтай, но даже с професором Реформатским, также выступавшим экспертом. Показания свидетелей были очень благоприятны для нас, за исключением лишь показаний Медынской обывательницы Елены Кочетовой, которая явно была под'учена и свои показания твердила как молитву.

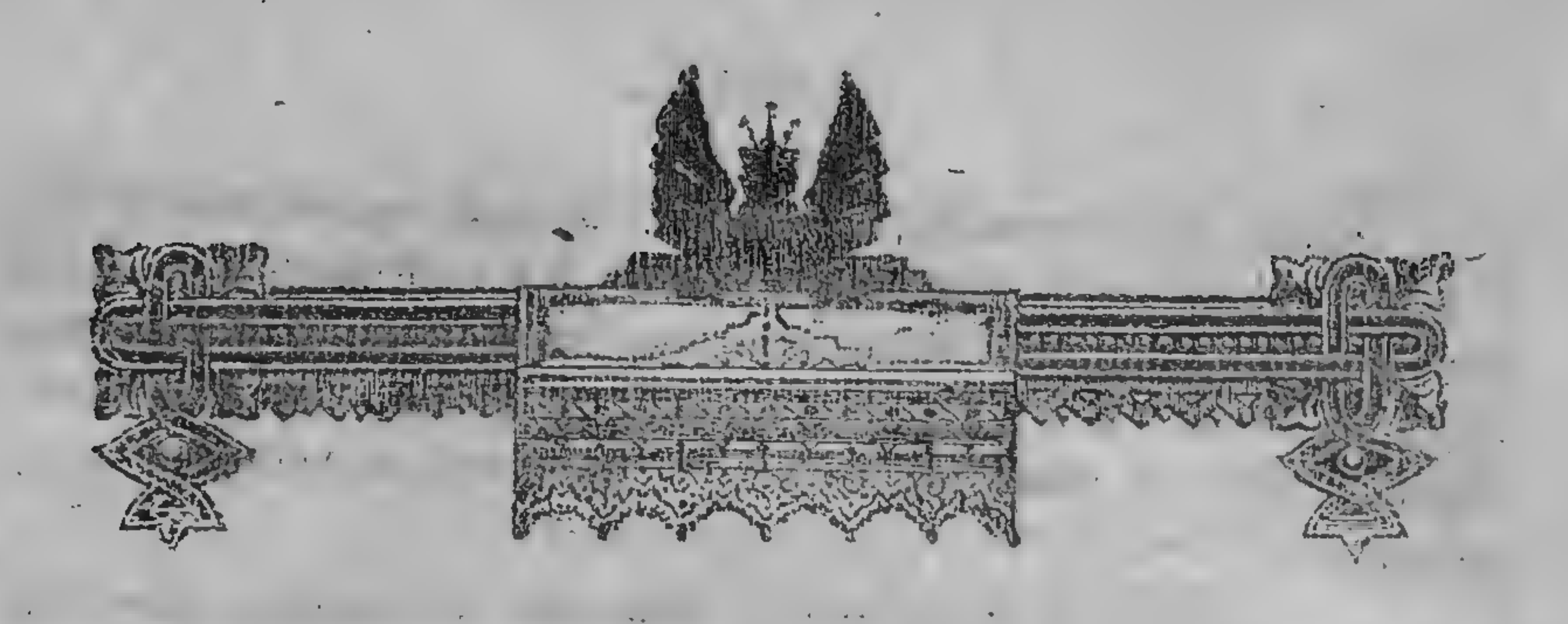
На другой день заседание, начавшееся в 2 часа дня, окончилось поздно ночью, в результате чего был приговор, коим все были признаны виновными по первой части 126 ч. ст. уголовного уложения, остальные статьи обвинения суд отверг.

Оказалось, что после всевозможных смягчений и сокращений наказания—Чивова Антонина, Екатерина Успенская и Головашкин были освобождены по зачете предварительного заключения от дальнейшего наказания. Тов. Слобников надо было отбыть еще 6 месяцев, а мне и Георгию Селянинову еще по одному году.

В 1910 году я и Селянинов, почти после трех летнего заключения, освободились, надолго, до Революции 1917 года, сохранив за собой название „политически неблагонадежных", благодаря чему даже достать работу было крайне трудно, не говоря уже об общественной и государственной службе или же о поступлении в учебное заведение.

Иосиф Евулов.

Из тюремных воспоминаний.

I. Необыкновенный успех.

В июне 1907 года часа в 4 утра ко мне ворвалась свора местной полиции для производства у меня обыска.

Забирали, как водится, все „крамольное": программы С. Д., С. Р. и К-Д., которые у меня имелись по одному экземпляру, брошюры, журналы: „Вестник Знания", „Былое" и даже учебник немецкого языка.

С особой радостью брали изд. „Донской речи", так как они были преимущественно в красной обложке.

Что же касается визы „дозволено цензурой", то это, по разъяснению руководившего обыском никакого значения не имеет, так как напечатать что угодно можно: бумага смолчит.

Обыск не был для меня неожиданным. Городишко-Медынь—виден из конца в конец и работать приходилось, что называется, у всех на глазах. Полиция знала каждого „революционера" по степеням и не арестовывала лишь за неимением фактических доказательств. Поэтому каждый из нас был на чеку. Уверенный в благополучном исходе обыска, я иронизировал над их стараниями, был не только корректен, но даже услужлив: водил по всем комнатам, открывал шкафы, подавал книги и т. п.

Обыск приближался к концу и я уже торжествовал. Но, о ужас! Городовой развернул газету, а в ней черновик только что распространенной прокламации, выпущенной Медынской группой Р. С. Д. Р. П. по поводу разгона 2-й Государственной Думы и заканчивавшейся призывом к вооруженному восстанию.

— Вот это-то нам и надо,— вне себя от радости воскликнул полицейский надзиратель, и тут же об'явил обыск законченным, а меня арестованным.

— Необыкновенный успех,— рапортовал он потом исправнику, показывая найденную у меня прокламацию.

Этот „необыкновенный успех" с злополучной прокламацией стоил мне 2 года тюремного заключения со всеми вытекающими из того тяжелыми последствиями.

---

11. А ларчик просто открывался.

Следствие по моему делу было закончено, когда в сентябре или октябре 1907 года были арестованы другие товарищи—члены Медынской социал-демократической группы по делу о взрыве бомб: Езупов И., Чивова А., Успенская Е. и др.

Их дело об'единили с моим и одновременно с этим прекратили разрешенные мне ранее свидания с родными.

Все это было, что называется, мне не по нутру. Во-первых, следствие неизбежно должно было затянуться, а во-вторых, к пред'явленному ранее обвинению по 129 и 126 ст. была добавлена еще 102 ст. Не протестуя против пред'явления каких угодно статей, я настойчиво требовал выделения моего дела, как законченного следствием, передачи его в суд и немедленного разрешения свидания с родными. На мои требования отвечали обещаниями и дальше дело не шло.

Тогда я решил прибегнуть к последнему средству и в конце декабря об'явил голодовку. Чтобы меня не заподозрили в симуляции я согласился принимать врача, который, начиная с четвертого дня, приходил ежедневно измерять температуру и выслушать пульс.

Начальник тюрьмы Солнцев, заявил, что ему нет никакого дела до моей голодовки, дня три не показывался со

верженно, и только надзиратели, а потом и жена начальника время от времени уговаривали меня не губить себя, так как от голодовки никому ни жарко ни холодно.

День на четвертый или пятый приходит ко мне старший надзиратель Бутурлов в сопровождении другого и приносит в тарелках, а не в чашках, как арестантам, горячее и жареное мясо или котлеты заявив, что это прислала барыня (жена начальника).

— Скажите вашей „барыне", говорю, что я в подаянии не нуждаюсь, и несите сейчас же все обратно.

Старший, однако, идет с обедом в мою камеру и намеревается поставить на стол.

— Вы слышали, старший, что я вам сказал: мне этого ничего не надо, поняли?

— Какже не понять, да только „барыня" велела это на стол поставить: все, мол, может вздумает и с'ест хотя немножко чего, что ж тут за беда? Поблагодарите „барыню" за ее внимание и доброту, а тарелочки, если сейчас же не унесете, все полетят к чортям за окно.

Это подействовало и старший, обозвав меня неблагодарным, убрался во свояси.

После этого старший ежедневно являлся ко мне раз, а то и два раза, в обед и ужин, принося все более и более вкусные обеды, и убирался с ними только после моих попыток осуществить битье тарелок не на словах, а на деле. Уходя он читал мне нравоучения, что неприлично ни за что, ни про что оскорблять такую добрую барыню.

Желая поскорее отделаться от добродетельной барыни, я обыкновенно был намеренно груб, но в глубине души соглашался с мнением старшего в своей некорректности и „барыне": я был уверен, что это она именно от себя присылает мне пищу, тем более, что частенько в долгую безсонную ночь (страшно ломило плечи, руки и ноги) я слышал шлепанье ее туфель у моей двери и шопот, обращенный к надзирателю — „умрет, ведь, и зачем это он так мучает себя?".

Спустя год или более я разсказал о доброй жене Медынского начальника тюрьмы начальнику Боровской тюрьмы Парчевскому.

Тот молча выслушал. Молча полез в шкаф. Достал оттуда дело и, отыскав нужную ему бумагу, сунул мне, ткнув в нее пальцем

Это был секретный приказ начальникам тюрем, категорически воспрещающий им волноваться при об'явлении политическими арестантами голодовки и требовавший оставаться спокойными; а начиная дня с третьего голодовки приносить в камеру „голодовщиков", и оставлять там, обеды возможно лучшие, с пряным раздражающим аппетит запахом.

Только прочтя этот приказ, я понял, что ларчик доброты жены начальника тюрьмы просто открывался.

III. Слезь с окна!

После моей 10-ти дневной голодовки в Медынской тюрьме, когда я требовал выделения моего дела из дела других товарищей с.-д. арестованных по делу о покушении на Медынского полиц. надзирателя — меня перевели в Боровскую тюрьму, где уже сидели т. Юзупов, привлекавшийся по делу Медынской группы РС-ДРП и т. Рогова—по делу Калужской организации той же партии.

Вспоминаю следующий эпизод из жизни в Боровской тюрьме.

Весна в полном разгаре. В тюрьме выставлены рамы. Вечер. Я сижу на окне нижнего этажа, жадно вдыхаю весенний воздух и разговариваю с т. Роговой, которая сидит на окне соседней камеры.

На верху на окнах и около них сидят и стоят уголовные арестанты, и поют—и очень недурно, свои тюремные песни.

По двору около тюрьмы разгуливает тюремный надзиратель, наблюдающий за тюрьмой. Кто то из арестантов едко высмеивает надзирателя и тот, взбешанный насмешкой, категорически приказывает слесть с окон.

— Слезь с окна,—раздается его грозный крик.

— Не слезем,—слышится в ответ:—другие разрешают, а ты нет. Подумаешь, начальник какой нашелся.

Но тем не менее, после некоторых пререканий с надзирателем, медленно, постепенно и неохотно слезают с окон, оставаясь около них.

Видя, что я и т. Рогова по прежнему продолжаем сидеть на окнах и разговаривать, как ни в чем не бывало, зная, что „политики“ привыкли не считаться с установленными для других тюремным режимом и правилами, что-бы им за это не угрожало, и желая хотя бы на этом „отыграться“ и уколоть слишком ретивого надзирателя, арестанты начинают подтрунивать над ним.

— С нами то вы мастера раскрабляться, нас то ты согнал с окон, а вот „политику“, небось, не сгонишь.

Надзиратель, задетый, что называется, за живое и желая доказать, что по отношению к заключенным он царь и бог, все может, принимает особо грозный вид и воинствующую позу, подходит к моему окну и став против меня, кричит мне повелительно:

— Слезь с окна!

Как всегда, так и на этот раз, притом с особой силой, во мне заговорил бес противодействия и неповиновения „начальству“, и я, несмотря на грозный окрик надзирателя, что называется, не моргнув ни единым глазом, спокойненько продолжаю свой разговор.

Уголовные смеются и кричат надзирателю.

— Аль взял?!.

Надзиратель петушится. Вынимает из кабура револьвер, направляет на меня и кричить:

— Предупреждаю второй раз: слезь с окна!

В ответ ни звука. Попрежнему продолжаю оставаться на окне и разговаривать.

Тогда он злобно взводит курок и целясь в меня уже не кричит, а каким-то глухим голосом произносит:

— Предупреждаю в последний раз: слезь с окна!

На верху все смолкли и с замиранием сердца напряженно ожидают, чем кончится этот своеобразный поединок.

В моем мозгу сверлит мысль: сейчас выстрелит, подлец, и убьет, как собаку. И другая „надо уступить, надо слезь, глупо умирать из за какого то удальства и молодечества“.

И тем не менее, все—же я не слез с окна и не прекратил разговора.

Прошло еще несколько кошмарных секунд—ожидаемого и, казалось, неминуемого выстрела.—Но выстрела не последовало: надзиратель не выстрелил.

Когда вверху раздался громкий шум и я взглянул на надзирателя, то от его грозного вида не осталось и следа: он показался мне каким то растерянным и жалким.

Он молча спустил курок, вложил револьвер в кабуру и также молча, не обращая внимания на громкое улюлюканье уголовных, пошел доложить начальнику о происшедшем.

Что пережил мой противник—надзиратель в ту роковую для меня минуту я не знаю, но на второй день после того он уволился из тюрьмы.

IV. Страшнее смерти.

Первой мыслью, первой задачей каждого арестованного партийного работника является задача связаться с товарищами на воле. Это диктуется необходимостью сообщить свои показания, дать те или иные указания, а также что-бы быть в курсе всего того, что творится на воле. Связь арестованных с волей обыкновенно достигалась через тюремных надзирателей, расположенных на нашу сторону (были такие), которые в своем большинстве никак не могли понять, за что именно сидят „политики“ и что может быть преступного в передаче записки, но чаще связь устанавливалась через освобождаемых уголовных, что иногда кончалось, хотя и редко, очень печально.

Так случилось с сидевшим в Боровской тюрьме по делу Медынской С. Д. Организации т. И. Езуповым. Воспользовавшись случаем освобождения одного уголовного арестанта и предварительно сговорившись с ним, т. Езупов написал шифрованное письмо кому-то из Медынских товарищей, в котором указал, где хранится печать организации, адрес для

связи с Калужским Комитетом, адрес для явки и т. п. Он передал письмо выходящему на волю уголовному, который обещал не только опустить на почте, но лично передать матери Езупова.

Однако уголовный не выполнил своего обещания и, как говорили другие уголовные, продал его, кажется исправнику, который передал его в Жандармское Управление и где оно было расшифровано. В результате был произведен ряд дополнительных обысков в „Медыни и в Калуге и арестованы в Медыни—т. Селянинов, а в Калуге т. т. К. Введенский, А. Карев или же И. Борисов.

Когда я в начале 1908 года пришел в Боровскую тюрьму, т. Езупов рассказывал мне, как волновало и печалило его то отношение со стороны арестованных товарищей, которое было вызвано этим провалом, но затем все это почти забылось.

В 1909 году вышли из Боровской тюрьмы т. т. Дуня Рогова и М. Образцов (Калужской организации), и мы остались лишь с Юзей Езуповым вдвоем.

Юзя вел большую переписку с товарищами на воле, особенно с Дуней Роговой, и всегда делился со мной всеми сообщениями с воли.

Однажды одно из полученных писем произвело на т. Езупова какое то особенно сильное угнетающее впечатление. Я знал его слишком хорошо, и отлично видел его мучения и старания остаться спокойным. На мои расспросы он отвечал: „Это все ерунда“.

Предположив, что дело касается его отношений с Д. Роговой, я оставил расспросы.

Дня через 2—3 к нашей камере подошел уголовный Аганка—Хромой и пригласил „политику“ к себе выпить молока.

Т. Езупов, раньше охотно принимавший подобные приглашения, на этот раз отказался и я пошел один.

В камере Аганки я пробыл до обеда. Когда вошел в свою камеру, что бы итти за обедом, т. Езупов лежал на койке. На мой оклик—не ответил. Думая, что он спит, я его

хотел потащить с койки, но тут увидел на столе несколько писем и отдельно листок. Письма были адресованы матери и товарищам, а листок мне, в котором он просил отправить письма по назначению и его не безпокоить. В другом листке было: „в смерти моей прошу никого не винить". Т. Езупов отравился.

Нужно было действовать, чтобы попытаться спасти его от смерти. Решив не поднимать шума, я начал действовать: приподнял веки, хотя сам и не знал для чего, потом стал раскрывать рот, чтобы вызвать рвоту. Рот был так сильно стиснут, что я его еле открыл металлической ложкой. Сунул в рот палец и стал щекотать в горле. Мелькнула мысль, что если он придет в себя, то обязательно откусит пальцы, тогда пропало все дело. Сбегав в аптечку, которая была в нашем распоряжении, принес банку для клизмы, касторку. Отыскиваю яд. За столом разбросаны облатки от каких то порошков, а на столе стакан с остатком настоенного табаку. Клизма не действовала, касторка в горло не пошла.

Позвонил фельдшеру, тот посоветывал поставить клизму, кажется, с танином, и дать сладкий чай с касторкой.

Напротив камеры помещалась кухня начальника тюрьмы. Сбегав туда и взяв у кухарки крыло, я им стал пропихивать в горло Езупову касторку и чай. Наконец Езупова прорвало, и высоко фонтаном вылетела рвота.

—Ну, брат, теперь ты мой: ведь целых четыре банки я тебя влил: вымою и выполоскаю все кишки.

После дальнейшей рвоты т. Езупов открыл глаза. Сначала, видно, не понимал ничего, но потом дальнейшая рвота и чувство боли вывели его из оцепенения.

Я был очень рад успеху и деланно стал ворчать, что он де хотел умереть, не уплатив мне когда взятый у меня взаимообразно рубль.

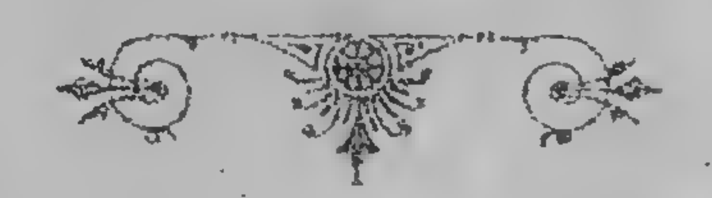
Дня три после того Езупов не говорил ни слова, но потом разсказал, что им от А. Чивовой было получено письмо, где писалось—утверждают, что только благодаря его, Езупова, дело приняло такой скверный оборот: иначе многие совершенно не были бы арестованы, а другие оправданы и освобождены.

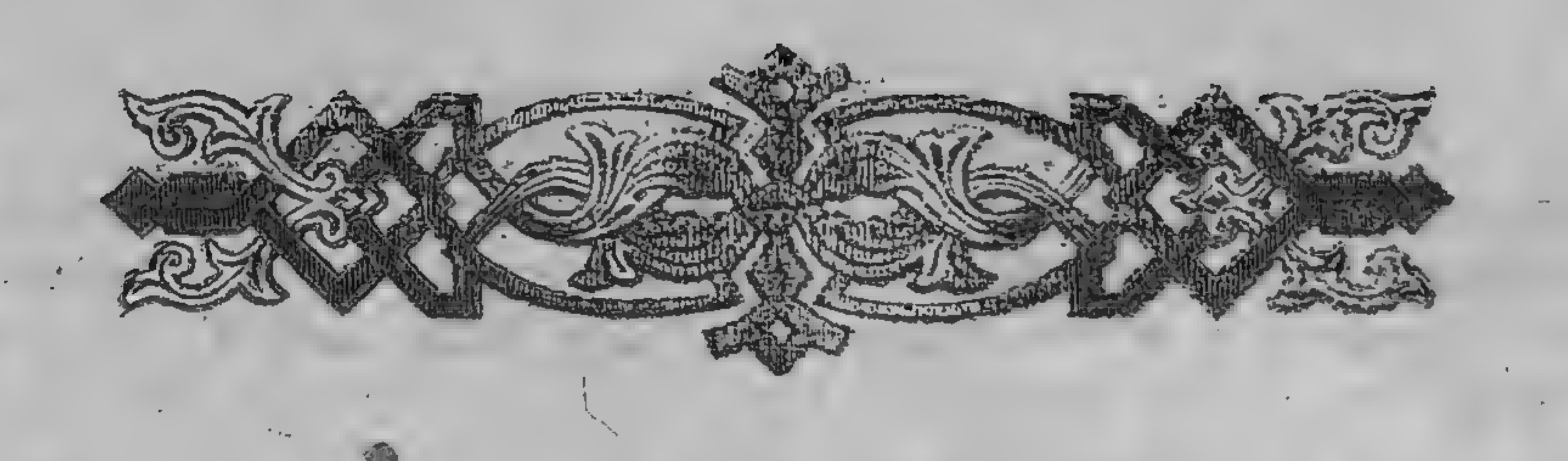
Значить, его обвиняют в предательстве, самом тяжелом обвинении для каждого искреннего и убежденного революционера.

Реабелитировать себя, сидя в тюрьме, не представлялось ни какой возможности, а жить с мыслью, что товарищи по партии относятся к нему, как к предателю и провокатору, было для него страшнее смерти. И он предпочел умереть.

Разсказав мне все это, т. Езупов взял с меня слово молчать об этом, но я думаю, что теперь, за десятилетней давностью и когда детально выяснилась случайность провала и полная невинность т. Езупова, он извинит меня за нарушение мною данного ему крепкого товарищеского слова, слова молчания.

В. Сдобников.

Как мы бежали из Лихвинской тюрьмы.

1907 год в жизни Калужской организации Р. С. Д. Р. П. является неудачным годом. Без малого все активные работники организации были переарестованы за этот год и сидели кто где: в Калуге, Жиздре, Медыни. Я, просидев несколько месяцев в Калуге, был прислан в Лихвин, где долгое время сидел вдвоем с Конзаковым (медыновцем) пок уже на исходе года из Калуги-же переслали в Лихвинскую тюрьму Владимира Ошарина.

Он и я привлекался за принадлежность к Калужской организации.

Обсуждая с ним свои перспективы и положение, мы пришли к заключению, что побег самый разумный выход из него.

Наступавшая весна (апрель) создали в нас настроение исключавшее возможность сомнений.

Нам не пришлось обдумывать способов „тихого" побега путем подкопа или подпиливания решотки, т. к. помимо нас бежать должны были два экспроприатора Соломин и Степанов, перспективы которых были мрачнее наших и которые сидели в отдельных от нас помещениях. Бежать должна была молоденькая жена Соломина Ананьева, сидевшая в особой камере.

И вот в виду того, что все сидели в разных камерах требовалось действовать открыто т. е. путем нападения на стражу. Риск этого образа действий заключается в

ограниченности наших сил. Эти силы состояли из меня, Ошарина и Соломина и только. Кондакову бежать не было расчета т. к. он доканчивал свое наказание. Степанов лежал больной, Ананьева в счет не шла. Остальных всю уголовную публику мы не решались вовлечь в свою авантюру из опасения быть выданными.

На четвертый день Пасхи 1908 года, я, Ошарин и Кондаков были втроем выпущены на тюремный двор на прогулку. За нами наблюдал надзиратель. Пользуясь своим кое-каким влиянием на стражу, я, как это было условлено, поднялся во второй этаж тюрьмы, где сидел Соломин и, заговорив зубы дежурному назирателю на верху, добился того, что тот пустил меня в камеру Соломина чтобы передать ему папиросы, которыя держал в руках.

Соломин ждал меня. Он пригласил меня взглянуть будто бы на картинку нарисованную на его столе. Я пригласил взглянуть и надзирателя. Когда этот дурак подошел к столу, я сзади схватил его согнутой в локте рукой за шею и приподнял. Соломин по всем правилам арестанской науки ударил его кулаком „под ложечку". Предполагалось, что этим приемом отшибалась способнось кричать у потерпевшего. На наше несчастье, как раз после удара надзиратель взвыл на всю тюрьму и стал так барахтаться и визжать, что мы вдвоем еле-еле могли держать его и кое как свалить на пол.

В камере у меня был припасенный шпагат, которым мы путали его ноги и сапожный нож из мастерской, которым я потрясал над его головой, угрожая заколоть. Пока мы его скрутили, он своим криком переполошил тюрьму и с низу бежал старший надзиратель. По счастью он был спросонья и без оружия так что мы без труда связали его. Прибежавший на крик третий „мент" хотя и был вооружен, но так растерян, что мы легко овладели им и его револьвером, тем более, что на подмогу мне и Соломину пришел снизу Ошарин и кроме того у меня был в руках револьвер, отобранный у первого надзирателя.

Связав троих и оставив Ошарина сторожить их в Соломинской одиночке, мы с Соломиным понеслись во двор в квартиру Начальника тюрьмы.

Явившись в нее, мы своим появлением произвели сильнейшее впечатление на семейство начальника и его самого.

Жена плакала, начальник махал руками, ребенок их плакал, прислуга причитала, Соломин тыкал револьвером. Ничего нельзя было разобрать. Вдобавок под ногами как сумасшедшие сновали маленькие циплята с наседкой, которых во время нашего прихода кормили кашей.

Кое как удалось всех к квартиры перевести в тюрьму и посадить в темное помещение под замок. Наладив с этим и пересадив связанных надзирателей тоже в темное помещение, мы вздохнули свободнее

Во избежание того, чтобы ненадежные элементы из уголовных не устроили преждевременной тревоги и не провалили нашего дела, пришлось всех заключенных перевести с обоих этажей в одну камеру—цейхгауз, который находился в самом глухом месте тюрьмы и из которого—кричи-не кричи—никто не услышит.

Заперев таким образом всех, выдав арестантам весь провиант, который нашелся в тюрьме, мы почувствовали себя господами положения.

Освободили Ананьеву из ее камеры и переодели в мужской костюм. Открыли камеру Степанова—бедняга лежал на койке с высокой температурой и под мышкой его торчал термометр, от побега, однако, он не отказался.

Было часа 2 дня. Уйти из тюрьмы было нельзя т. к. каждую минуту кто-нибудь из города мог в нее прийти. Прежде всего должны были прийти надзератели, ушедшие на обед на свои квартиры.

Явись кто нибудь немедленно поднялась-бы тревога и возможно, что нам не удалось бы выскочить даже из города.

Мы согласились дождаться вечера.

Я переоделся в форму старшего надзирателя и стал с ключем у тюремных ворот, наблюдая в щелку за площадью перед тюрьмой.

Первым пришел из города один из надзирателей. Я отворил на его звонок калитку, высунув плечо с надзира-

тельским погоном. Когда тот беспечно влез во внутрь, я захлопнул калитку и направил на него револьвер. Пока он, выражая свое изумление, открывал и закрывал рот („мухоловку“, говоря по—арестански) ребята овладели им и свели в карцер.

Так влетели и остальные, вернувшиеся с обеда, надзиратели.

Кроме надзирателей пришли в тюрьму и были нами посажены в камеру многие другие лица: начальник почтово-телеграфной конторы, пришедший с пасхальным визитом к начальнику тюрьмы, какой-то полицейский чиновник (тоже визитер), молоденькая девушка (тоже гостья), несколько обывателей, приносивших подаяние арестантам, несколько лиц, пришедших к ним на свидание, рассыльный из полиции и проч.

Гостей начальника мы отвели в его карцер; тех, кто приходил к арестантам сажали с ними. Для арестанта, к которому пришла на свидание его жена, мы отвели особую камеру и посадили вдвоем.

Занимаясь этими арестами и прочими пустяками мы дождались вечера.

В это же время мы великолепно вооружились и взяли в конторе нашедшиеся там деньги (всего около 80 руб.).

Когда солнце было уже низко и когда по нашим расчетам итти в тюрьму было уже некому, мы собрались уходить. Я выпустил из ворот всех своих товарищей, Ошарина, Соломина, Ананьеву и Степанова. Запер за ними на замок ворота, оборвал звонок и поставив к стене лестницу, перескочил через стену.

Из одного окна, на которое я взглянул, соскакивая со стены, меня благословлял, кивая мне головой, чудак, которого мы заперли вдвоем с его женой.

Так мы освободились.

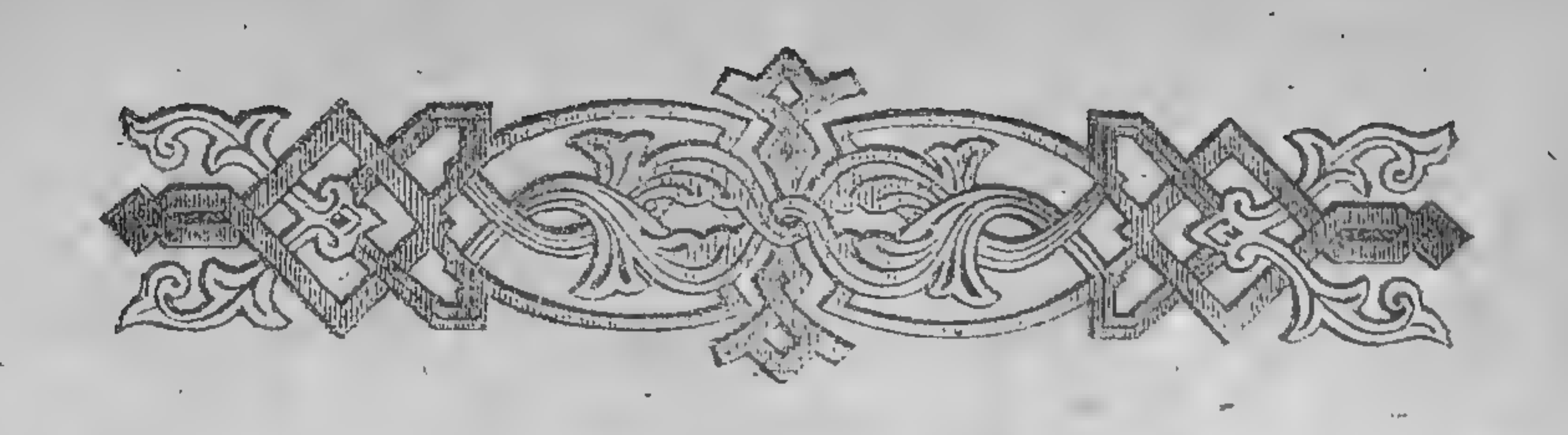
Я пошел с Ошариным и Степановым на Калугу, Соломин с Ананьевой—на Белев.

До Калуги мы шли четверо суток, валяясь днем в кустах и идя только по ночами, часто сбиваясь с пути. Мы убежали счастливо. Соломин с женой попались в Белеве на третий день.

Я пробыл на воле год. Когда я попался, то за свой побег получил 10 лет каторги, Ошарин и Степанов делись неизвестно куда.

Н. БИЛИБИН.

Воспоминания о пребывании в Калуге П. Г. Смидовича.

1909—11 годы были самыми тяжелыми годами партийной работы в Калуге. Это было время самой суровой реакции, когда с особой силой начался отход от партийной работы работавшей ранее с.-д. интеллигенции, отход и замыкание ее в круг личных, узких и „слишком человеческих" интересов; когда приостановилась и замерла всякая партийная работа; когда не было даже сколько нибудь определенных партийных кружков, в которых теплился бы священный огонь революции 1905 года и сохранялись заветы революционной социал-демократии.

Мне вспоминается, как я и небольшая группа железнодорожных рабочих (М. Титов, А. Широков, И. Шляков, И. Белоусов, Н. Соловьев и др.), сохранивших в себе „живую душу" и оставшихся без идейных руководителей, переживали в то время большое чувство неудовлетворенности и тоски, доходившей до боли, по партийной работе; как мы мучились сознанием того, что нам не удавалось сорганизоваться в прочный кружок, где бы велись регулярные партийные занятия и где бы мы могли выработать в себе определенное и твердое марксистское мировоззрение. Мы искали пропагандистов и не находили их.

Чтобы сколько нибудь разумно и не без пользы для себя использовать это тяжелое время, мы ходили в театр и на лекции, которые время от времени устраивались в Калуге

приезжими лекторами (В. А. Поссе, Фриче и др.) после чего устраивали у себя на квартире собеседования, но и эти последние вскоре пришлось прекратить, ввиду усиленной слежки со стороны охранки.

К тому времени (зима 1911—12 года) стала развиваться деятельность организованного в 1909 году интеллигентского общества—„Калужского Художественного Кружка".

Постепенно, под влиянием вхождения в его состав интеллигенции с революционно-социалистической окраской (В. Я. Муринов, А. Ф. Мептин, М. К. Циборовский) и отошедших от рабочей массы и партийной работы И. И. Стефановича, С. Г. Лысова, Н. А. Покровского и др.—деятельность Кружка в значительной степени видоизменяется и становится для того времени интересной. От чтения лекций на темы о теософии, „сверх человеке" и т. п.—Кружок переходит к устройству лекций и бесед „за чашкой чая" на более понятные для нас рабочих темы, например: „О творчестве Чехова, Толстого, о браке, семье и школе". (В. Поссе) и др. „О пролетарских поэтах" Фриче а также к разбору отдельных произведеиий Андреева „О семи повешенных" и других писателей.

Эти лекции нас до некоторой степени удовлетворяли и мы, посещая их сами, усиленно агитировали среди рабочих за посещение Кружка ,читаемых там лекций и устраиваемых собеседований. Нам это удалось, и рабочие охотно стали посещать Кружок, слушать лекции и даже участвовать в собеседованиях.

В стенах этого кружка и произошла наша первая встреча и сближение с т. Смидович.

Однажды, по нашей просьбе, был устроен доклад о творчестве Максима Горького, после чего состоялся диспут, на котором подробно разбирались герои разсказов Горького. На всех нас, рабочих, произвел сильное впечатление человек, которого мы до сего времени не знали: высокого роста, средних лет, седые волосы, худощавый, в очках, в поношенном костюме, прост на вид, но с манерами интеллигента. В своем слове он глубоко затрагивал все стороны общественной и рабочей жизни, иллюстрируя их переживаниями героев М. Горького. Этот человек нас сильно заинтересовал: нам

подсказывало наше пролетарское чутье, что это свой человек, и мы стали добиваться, как бы с ним познакомиться. Вскоре мы узнали, что он—ссыльный и служит на городской электрической станции, в качестве заведывающего прокладкой и устройством сети уличного освещения, а затем через некоторое время, через рабочих электрической станции, мы с ним познакомились и близко сошлись. Он оказался старым марксистом и опытным партийным работником. Таков был П. Г. Смидович.

В первый день нашего знакомства, мы разговорились с ним о Художественном Кружке, а затем предложили ему сделать для нас в кружке какие либо доклады, на что он тогда же согласился и вполне нам доверился. Узнав, что нас очень заинтересовал Горький и его герои он предложил нам устроить специальное чтение для рабочих мелких рассказов Горького и собеседований по ним. Через несколько дней в том же Художественном Кружке состоялось чтение „Итальянских сказок“ Горького при чем на нас особо сильное впечатление произвела сказка „О забастовке трамвайных рабочих в Риме“. После чтения велись оживленные беседы: рабочие задавали ему ряд вопросов, а он давал на них ясные и простые об'яснения.

Но и это наше стремление расширить свои знания, чтобы нести их в холодные мрачные мастерские для остальных рабочих — не удается. Правление Художественного Кружка, заметив, что П. Смидович близко сошелся с рабочими, устраивает с ними и исключительно для них—чтения и собеседования и опасаясь, что это все приведет к закрытию кружка, заявило, что оно больше таких собеседований не допустит, так как, по выражению одного члена правления, что это не простые собеседования, а кружок рабочих с пропагандистом, который учит их устраивать забастовки.

Тогда нам пришлось уменьшить посещаемость этих чтений и собеседований в отношении числа рабочих, оставить только указанную выше группу, и перейти к устройству нелегальных собраний, на что т. Смидович охотно согласился.

Первые два собрания были устроены на квартире ж. д. рабочего А. А. Широкова, куда мы собрались в количестве

8 человек. Помнится, ожидая т. Смидовича, мы убедились в его осторожности и конспиративности: он не пошел прямо в дом, а прошелся взад и вперед, осмотрелся, и, будучи уверен, что за ним нет слежки, он пришел к нам. Первой темой его доклада—была тема: „О революционном движении в России". Говорил он очень популярно, как свойственно только старому и опытному партийному работнику, так что бывшие на этом собрании рабочие остались его докладом очень довольны. В другой раз на той же квартире он подробно об'яснил программу нашей партии, в чем у нас давно ощущалась большая потребность.

Позднее, когда стало тепло и светло, мы перебрались в отношении устройства собраний в Можайку, где продолжали наши занятия с т. Смидович. На них он много делился своими воспоминаниями о жизни и переживаниях ссыльных и эмигрантов. Также было посвящено одно или два собрания вопросам о существовавших в то время разных течениях в нашей партии, где т. Смидович призывал „крепко держат знамя нашей старой матушки русской революционной соц. демократии" (это его буквальные слова).

Долго это однако продолжаться не могло: мы были прослежены и уже стали появляться агенты охранки у наших квартир и следовать за нами по пятам. Вследствие этого нам пришлось покончить общие прогулки за реку, и лишь мне и т. Александрову удавалось изредко и с трудом пробираться на квартиру к нашему „Старику", как звали мы т. Смидовича. Впрочем, благодаря усилившейся слежки за Смидовичем и за нами, нам и эти короткие встречи пришлось прекратить.

В начале мая т. Смидович уехал в Москву, подарив нам небольшую библиотеку.

Воспоминания о нем у всех рабочих, которые с ним занимались или даже случайно встречались,—самые отрадные.

Рабочий А. Карев.

Н. Г. Алмазов.

Мои воспоминания.

Высланный в конце 1913 года из Москвы московской „охранкой“ в Тулу, а через два месяца той же „охранкой“, но тульской, из Тулы, я очутился, с разрешения московского следователя, у которого находилось мое дело, в своем родном городе Калуге, также под надзором полиции и калужской „охранки“.

В Калуге я встретился с высланными из Москвы портными: Филатовым, Кураевым, Тихомировой, Дождевым, Кузнецовым, а также с местными товарищами—Артемовым, Борисовым, Старченковым и здешними меньшевиками: Титовым, Каревым и др., которые вели здесь нелегальную социал демократическую агитацию и пропаганду среди местных рабочих. В это время, т. е. после Ленских расстрелов 1912 г. революционное движение все больше и больше ширилось по всей России и не могло не коснуться и нашей Калуги.

И здесь, в маленьком городе Калуге, городе чиновничьем, с малым количеством пролетариата, мне с небольшой группой высланных, вместе с местными партийными работниками, пришлось вести партийную и агитационную работу.

Работа велась совместно с меньшевиками, хотя безусловно не обходилось без трений и споров по некоторым вопросам между ними и группой большевиков.

Работа велась, конечно, подпольно, под зорким оком местной „охранки“. Тем не менее все же удавалось собираться

летом по лесам, а осенью и зимой в частных квартирах, больше всего у покойного, убитого в империалистической войне тов. К. Старченкова.

Использовывались также и трактиры: так, например, в отдельной комнате трактира Елисеева уже в начале войны обсуждались важные вопросы с представителем Тульского Комитета Р. С.-Д. Р. П., фамилию которого не помню.

Нами применялись все меры, чтобы так или иначе провести „охранку", которая, в лице ныне расстреленных активных агентов—Крыловой, Горелова и других, положительно, что называется, не давала ни охнуть ни вздохнуть, и ни одного шага нельзя было дать, чтобы сзади не следовал „шпик".

Так, всегда ходил с „провожатыми" тов. Борисов, которому особую „любезность" выказывала „Крылиха", провожая его от дома и до дома и вообще, куда б ын он не шел, то же самое наблюдалось по отношению и др. членов нашей небольшой группы.

Между тем назревала империалистическая война, а также и сильное революционное движение.

Работа требовала широты, надо было найти легальные формы, чтобы организовать калужских рабочих, для того, чтобы легче можно было работать и подпольно.

В Калуге тогда существовава легально организация „Вестник Знания", но она не имела в своем составе пролетарского элемента, состояла исключительно из местных чиновников под руководством учителя кадета Киселева и, само собой понятно, была далека от революционных взглядов.

Тем не менее мы все же ставили своей задачей войти в это общество, поставить там совершенно другую работу, втянув туда рабочих, но наши попытки не увенчались успехом по двум основным причинам: во первых, сами рабочие не очень охотно шли туда, чувствуя далеко не пролетарский дух, царящий в „Вестнике Знания", и во вторых, все наши попытки встречали там всяческие преграды.

Помню одно из собраний: читался доклад о „таланте" всем нам известной Вербицкой; в прениях берет слово только что вышедший из тюрьмы соц.-демок. тов. А. П. Иванов

и высказывается не только против взглядов раскрасившего Вербицкую докладчика Дьяконова, но и вообще говорит, что надо делать в обществе, чем заниматься, и как ставить работу для того, чтобы общество привлекло рабочих

И как же была испугана речью тов. Иванова чиновничья братия!.

Знаменитый Киселев открыто заявил, что недопустимо иметь в своих рядах таких членов, (хотя тов. Иванов им и не был), и чуть ли не готов был заявить в участок (кстати, расположенный напротив общества) о таких крамольных речах.

Правда, были попытки возмущения против выходки Киселева со стороны части чипущей, но всетаки было видно, что из этого общества очень скоро попадешь в „охранку“, благодаря таким, как Киселев, блюстителям тишины и спокойствия.

Следовательно, от нелегального использования этого единственного в Калуге общества мы вынуждены были отказаться.

Тогда в инициативной части группы поднялся вопрос об организации своего легального кружка или общества.

Пользуясь законом об обществах, надо было найти, по тогдашним законам известных поручителей-учредителей, и для марки тов. Борисову удалось заручиться согласием дать свои подписи, как учредителей, местных либералов присяжных поверенных Цибаровского, Безсонова, Любимова и еще кого-то, не помню.

Присутствие по делам об обществах, за поручительством указанных выше лиц, разрешило открыть общество, которое мы всецело взяли в свои руки и дали ему название „Разумный отдых“.

Устав этого общества был нами разработан на основании устава, изложенного в моей книжке, выданной Московским Профессиональным Союзом Печатников, с кое-какими поправками и дополнениями.

Собрали товарищеский взнос, членские взносы, кажется, по 50 или 75 копеек, заказали печать и все необходимое для оборудования и об'явили по фабрикам и заводам об открытии нашего рабочего общества.

Вскорости вступило значительное количество членов исключительно рабочих—типографов, портных, рабочих завода Киселева и железнодорожников, которых через две недели насчитывалось уже человек 130, если не больше.

Было выбрано правление из пяти лиц; председателем в целях конспирации избрали Цибаровского, который никогда не был в обществе, тов. председателя т. Дождева (портной), секретарем Кузнецова (тоже) и еще двух членов—одного тов. Старченкова (типограф) и еще одного не помню, кажется, приказчика тов. Михайлова.

Очень много было трудов с подысканием квартиры т. к. никто нас не хотел пускать, как только узнавали, что надо квартиру под какое-то Общество.

Однако, подписи солидных учредителей все-таки, наконец, внушили одному домовладельцу сдать нам на Георгиевской улице подвал за 13 руб. 50 коп. в месяц, который не стоил больше 5—6 рублей.

Квартира была найдена и мы приступили к работе.

Конечно, задача наша была вести среди рабочих революционную работу и воспитать их в марксистском духе, чему, однако, страшно мешала „охранка", агенты которой, со дня открытия нашего „Разумного отдыха", дневали и ночевали около него, так что хозяин дома с первой же недели начал делать намеки об очищении квартиры, но уговоры наши несколько оттянули этот вопрос.

Еще до начала войны в обществе читались партийные газеты, обсуждались некоторые политические вопросы, но, конечно, сразу взяться за революционную работу было опасно, не присмотревшись к самим членам и в силу усиленной слежки со стороны „охранки".

Вскоре после второй годовщины Ленских расстрелов правлением общества было решено организовать товарищескую экскурсию или прогулку.

Долго думали, как незаметнее устроить это для глаз „охранки"... В лесу? Проследят окаянные! Решили, наконец, устроить прогулку на реке: здесь охранке труднее проследить, да если и вздумает сделать это, то, ведь, будут очень заметны на воде рожи „Крылих" и других, которые и на суше слишком выделялись и были известны нам.

Так и было решено. Наняли косную лодку человек на 40—50, несколько маленьких лодок и двинулись.

В память погибших во время Ленского расстрела рабочих была произнесена коротенькая речь и затем публично, при катающейся публике, громко пропет „Похоронный марш“.

Все это получилось экспромтом и было совершенно неожиданным не только для окружающих обывателей, но и для части членов и вызвало некоторое замешательство среди катающихся и самих членов.

Некоторые думали, что после этого полиция арестует всех нас на берегу, а на квартирах-обязательно, и поэтому наиболее молодые члены нашего общества не ночевали дома, боясь ареста.

Арестов, однако, никаких не было: очевидно охранка не знала о нашей прогулке и наше общество продолжало существовать.

Накануне войны мы с особым чувством следили за развертывающейся борьбой Петербургских рабочих, взявшихся за постройку баррикад, горячо обсуждая эти события.

В первые дни после об'явления войны нами коллективно читались „Солдатская памятка“ и „Не убий“ Л. Толстого, раз'яснялось о смысле войны и о взглядах Р. С. Д. Р. П. на таковую, причем здесь уместно отметить, что все члены Общества поголовно были настроены революционно и против войны.

Но наше молодое Общество просуществовало очень немного, всего $1^1/_2$—2 месяца, успев за это время стать популярным среди рабочих: молодеж в летнее время забыла бульвары и обычно вечерком тянулась в свой подвал на Георгиевской, в свой „Разумный отдых“.

С начала войны 1914 года „охранка“ еще усиленнее стала следить, как за отдельными активными товарищами, так и за самим Обществом.

Однажды в один осенний день была назначена лекция тов. Н. Борисова о Максиме Горьком, его трудах и значении его литературной работы для пролетариата; на лекцию собрались почти все члены, за малым исключением.

Мне же случилось немного запоздать к началу лекции. Подходя к Обществу, я увидел на углу „шпика“, но это меня не обезпокоило, ибо это было явление ежедневное, большего же я ничего не заметил, но когда я открыл калитку на двор (вход в наше Общество был со двора), глазам моим представился целый двор жандармов: под окнами, в дверях и т. д.

Я, не подавая вида, что иду в общество, хотел пройти мимо дверей, но жирная рука жандарма схватила меня за полу моего плаща и, как говорится, втолкнула в помещение общества.

Тут я увидел такую картину: полная комната народа, испуганные лица молодых членов, гражданская и жандармская полиция.

Жандармский полковник и ротмистр сидели и писали, а жандармы обыскивали членов, тщательно роясь в помещении общества и даже у перепуганного до смерти домовладельца в квартире и на чердаке.

В маленькой комнате душно от скопления народа, жандармский полковник весь в поту, жирная лысина его блестит при слабом свете лампы, потухающей от скопления воздуха.

Начинается допрос каждого в отдельности о том, что мы делали, что предполагали делать, и главное—начинается запугивание более молодых по внешности членов.

Допрашивают тов. Н. Борисова, меня и других, копаются в уставе, а ротмистр (фамилии не помню) старается доказать, что немцы звери, напавшие на бедную Россию, пытаясь выяснить наше отношение к войне.

Наконец, после окончания всех формальностей, обысков и допросов, ротмистр едет с докладом к губернатору.

Все в ожидании, я все время думал, что меня, тов. Н. Борисова и членов правления отправят в тюрьму, и мы были к этому готовы.

Кажется, через час возвратился ротмистр с решением губернатора.

Несколько внушительных слов с описанием доброты г. губернатора и затем заключительные слова: „Его Высокопревосходительство г. Губернатор Шталмейстер двора Его Величества соблаговолил вас отпустить по домам, а бумаги и дела, а также помещение общества мы запечатаем, о дальнейшем вам будет сообщено“.

Быстренько и с радостью наши молодые члены после томительного обыска и допросов устремились домой, а мы пошли на бульвар подумать, поговорить обо всем происшедшем, о дальнейшей участи нашего „Разумного отдыха“. Было уже 5 часов утра.

Через три дня получилось оффициальное уведомление: „на основании военного времени, для тишины и спокойствия, губернатор приказал общество „Разумный Отдых“ закрыть.

Так короткой резолюцией губернатора была закрыта первая легальная чисто-рабочая организация.

Мало, слишком мало существовала она, но дух, который царил там и задачи, которые мы ставили в своей работе сыграли большую роль, и вряд ли кто из членов общества мог забыть его короткое существование.

Оно дало понять молодым рабочим, что путь достижения свободы—есть путь долгой упорной борьбы и многие из тех, которые раньше боялись вступить на определенные революционные рельсы, позднее пошли с нами в наши подпольные кружки и организации, и теперь я вижу многих членов бывшего „Разумного Отдыха“ в рядах нашей родной Р. К. П.

Тов. Н. Борисов вскорости вынужден был уехать в Москву, а мы оставшиеся продолжали под усиленным оком „охранки“ и царившего по всей России угара патриотизма снова собираться где можно, и работать в маленьких группах в самых тяжелых условиях...

В половине 1915 года я и многие активные товарищи как то: С. Александров, Старченков, Волков, Акимов и другие были призваны на военную службу, отправлены в Харьков, а оттуда на фронт...

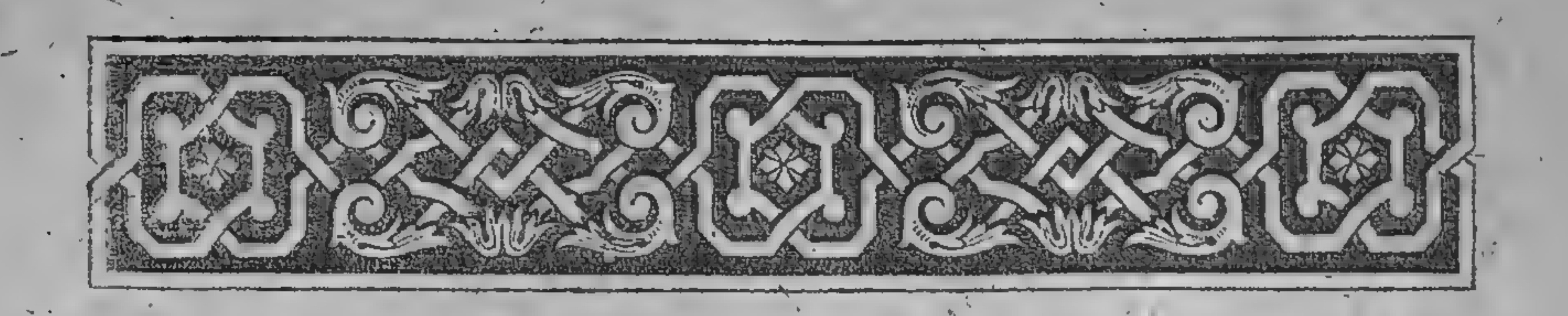
Заканчивая я скажу: как я был безконечно рад, когда вернувшись с фронта в 1918 году, встретил старых товарищей, не бегающими от преследования „охранки“, а хозяевами положения, возглавляющими власть рабочих, солдат и крестьян.

И в грандиозном потоке социалистической революции я вижу, что то небольшое дело, которое делалось нами в избах, в лесу, во рвах и трактирных комнатах, не пропало даром, а сослужило большую пользу в деле победы пролетариата.

Н. Алмазов.

В. П. Акимов.

Воспоминия о Калужском Коллективе Марксистов.

1911—1912 годы, были годами революционного под'ема. Экономические стачки, стачки протеста, демонстрации принимали все более грандиозный характер, в особенности после расстрела рабочих Ленских золотых приисков 4-го апреля 1912 года, который вызвал чрезвычайно сильное возмущение рабочих масс и рост революционного движение по всей России.—

Эта революционная волна коснулась и Калуги. После одной из крупных стачек демонстраций в г. Москве, когда было арестовано и выслано по разным городам много рабочих, в Калугу приехали из Москвы высланные портные Кураев, Филатов, Тихомирова, Платонова и металлист А. П. Иванов. Они стали вести здесь среди рабочих социал-демократическую пропаганду, и вскоре об'единились с местными социал-демократами Н. Борисовым. С. Александровым, А. Каревым, А. Широковым и другими, образовав „Об'единенный коллектив Калужских марксистов.“ Я в это время еще учился в Калужской ремесленной школе, и, конечно, мне не представлялось возможным близко по-

дойти к их работе. Я только мог посещать те массовки, которые устраивались ими в лесах, окружающих Калугу, как то в бору, за рекой и т. д.. После окончания ремесленной школы, когда я стал работать в мастерских, я ближе познакомился с ними, но вступить в их организацию я не мог ввиду ареста, а затем высылки некоторых из них, последовавшей накануне 1-го мая 1914-го года.

Империалистическая война и мобилизация некоторых товарищей, в том числе и меня на фронт, отодвинуло мое желание, и только в конце 1915 г. я вступил в кружок, организованный тов. Артемовым, рабочим портным, высланным из Москвы.

Интересно было первое мое знакомство с тов. Артемовым: через несколько дней после моего приезда из Харькова, по освобождении меня из рядов армии, я встретил тов. Гордеева, товарища по ремесленной школе, который между прочим, мне рассказал, что в Калуге организовано несколько партийных кружков, при чем в одном из них состоит и он, а затем, далее, узнав, что я еще нигде не работаю, предложил мне поступить в мастерскую Прохорова, сообщив, что там существует хорошая товарищеская спайка среди рабочих, благодаря чего они добились многих экономических и правовых улучшений. Я согласился. На другой день я пришел в данную мастерскую для поступления на работу, и по установившейся традиции среди портных обратился с просьбой к рабочим, чтобы они предложили меня предпринимателю и приняли в свою товарищескую среду. Когда знакомые мне товарищи Гордеев и Кубяков передали мою просьбу рабочим, ко мне подошел товарищ, оказавшийся потом Артемовым, и спросил, буду ли я бастовать или нет (в это время

ОПЕЧАТКА.

На стран. **321**-ой в 4-ой строке снизу и дальше напечатано: „В Коллектив входили: большевики— Карев А., Титов М., Болховитин А., Голенов и несколько других товарищей“.

Следует читать: „В Коллектив входили большевики: Артемов, Соркин, Носова, я и меньшевики: Карев А., Титов М., Болховитин А., Голенов и несколько других товарищей“.

рабочие хотели пред'явить предпринимателю требование о повышении заработной платы и ряд других требований); я, конечно, ответил утвердительно, после чего выборный от мастерской пошел, выражаясь по портновски, меня „подсаживать", т. е. предлагать мои услуги предпринимателю, от которого и было получено согласие.

Вопрос товарища Артемова показывал, что в этой мастерской веет новым духом классового сознания, так как раньше рабочие в таких случаях, обычно, подходили с вопросом „будет ли вспрыска", т. е. будет ли куплена водка.

Через несколько дней после поступления в мастерскую, я вступил в партийный кружок. Там я встретил уже подготовленных и выдержанных товарищей: Артемова, Михаила Сорокина, настоящея фамилия которого было Никулин Алексей, Гордеева Ивана, Носову (портные), ученика ремесленной школы Валяева Архипа и типографа Старченкова Гавриила, все большевики.

Благодаря моей подготовленности, я быстро выделился среди других членов кружка, и вскорости на меня было возложено целый ряд партийных обязанностей, как то: библиотекаря, казначея и т. д., а в дальнейшем я был избран в городской коллектив, который об'единял все городские ячейки. В этот коллектив, как и в 1914 году, входили как большевики, так и меньшевики, которые в то время были против войны, а потому больших разногласий в коллективе не было. В коллектив входили большевики: Карев А., Титов М., Болховитин Алексей, Голенов и несколько других товарищей. Здесь необходимо отметить, что, хотя мы работали вместе с мень-

шевиками, но связь все же имели со своими высшими большевитскими центрами и проводили все их директивы.

Собрание коллектива устраивать нам было чрезвычайно трудно, так как за большинством была установлена слежка шпиков. Собрания по этому были редки и устраивались на квартире того или иного товарища, а летом где нибудь в лесу.

В начале 1916 года коллективом был получен из Москвы Циммервальдский Манифест „к пролетариям Европы“ по поводу империалистической войны, который решено было размножить для широкого распространения. Экземпляр манифеста, присланный из Москвы, был отпечатан очень неразборчиво и поэтому перепечатанные нами на гектографе экземпляры имели целый ряд грамматических ошибок и других неточностей, а исправить мы не смогли, ввиду того, что те товарищи, которые его переписывали, сами были малограмотны. Кстати сказать, этот манифест было решено не только распространить, но и обсудить во всех кружках.

В процессе совместной работы с меньшевиками у нас с ними бывали иногда и тактические разногласия: у них часто сказывалась их мягкотелость и боязнь быть решительными в проведении того или иного революционного выступления. Так было, например, при обсуждении вопроса о празднике 1 мая в 1915 году: они, боясь арестов, предложили перенести празднование 1-го мая на 9-е мая, и только после наших долгих доводов и возражений, мы коекак добились того, что большинство коллектива стало на нашу точку зрения, и было решено устроить маевку несмотря ни на что 1-го мая.

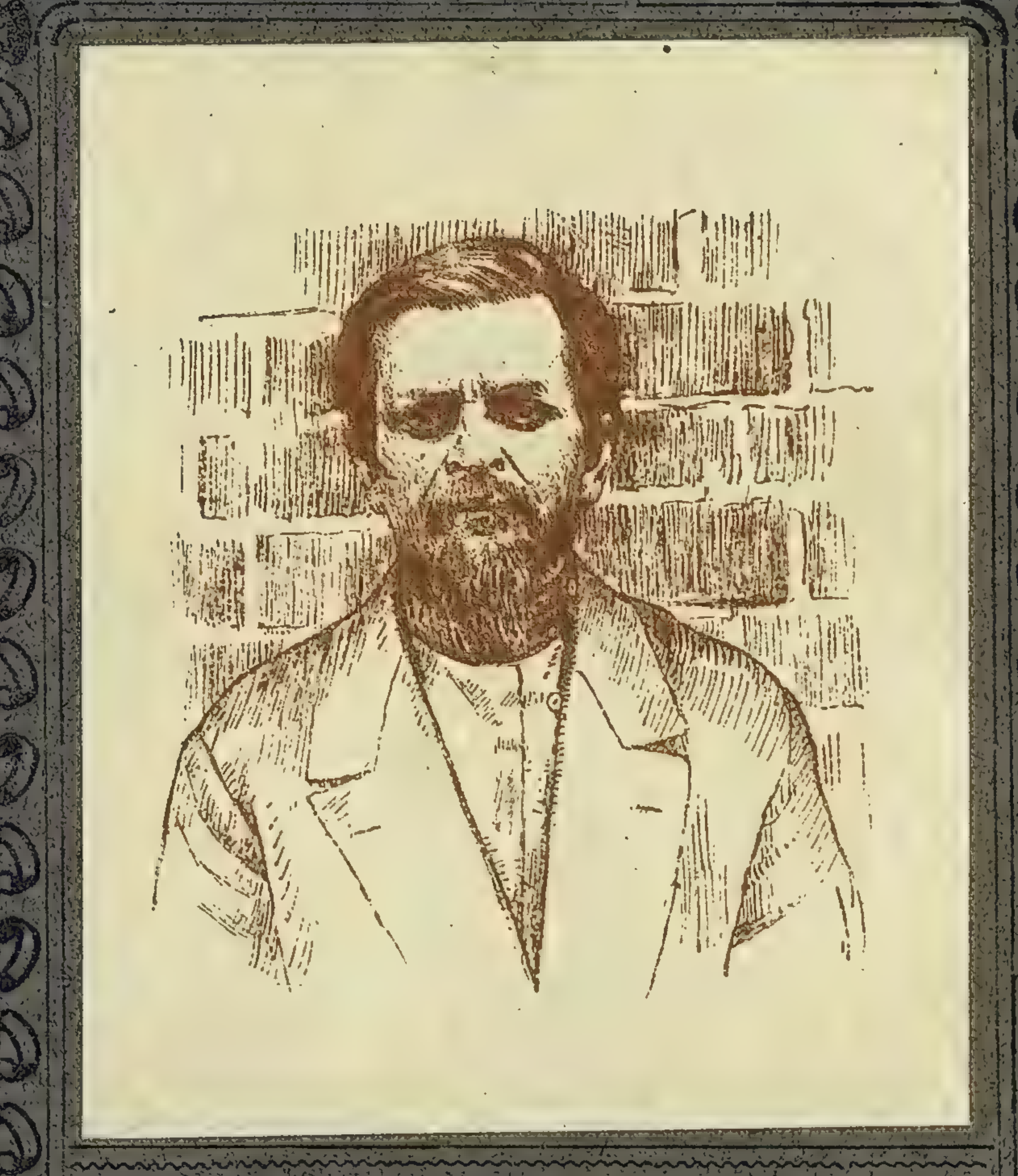
Наш кружок стал энергично подготовляться к маевке: были распределены среди портных билеты, закуплено продовольствие, намечена тема доклада и докладчик, место маевки и т. д. 1-е мая приходилось как раз на воскресенье, благодаря чего можно было рассчитывать ввиду нерабочего дня, на большое присутствие рабочих. Сбор был назначен в Загородном саду, откуда несколько товарищей направляли всех в бор, указывая на приметы первого патрульного. Патрульные были расставлены по всему пути к месту собрания. На собрании, помнится, присутствовало человек 70—80, в большинстве портные, железнодорожников же было человек пять и это указывало, что члены коллектива железнодорожники: Титов, Болховитин, Карев и др. не провели достаточной агитации среди рабочих за участие в этой маевке. После открытия собрания тов. Артемов сделал доклад о работах и значении Циммервальдской конференции, а затем был заслушан и обсужден манифест этой конференции, который по обсуждении был принят всеми единогласно.

По окончании собрания все присутствовавшие пошли на опушку бора, где было уже приготовлено чаепитие. Как только мы вышли из лесу, то наткнулись на нескольких стражников, которые, увидя нас, поскакали на лошадях в город для донесения „по начальству“. Железнодорожники, присутствовавшие на этой массовке, как говорится, струхнули, и вместе с членом коллектива тов. Голеновым ушли с нее.

После чаепития начались игры, песни, декламация, и все это дышало революционным задором. Через несколько времени в бору стали появляться шпики, но это ничуть не испугало присутствовавших,

и даже, наоборот: многие товарищи, которым мы указывали того или иного шпика, подходили к нему и смеялись над ними. Наша массовка затянулась, и только поздно вечером, когда стало темно, мы с песнями пошли в город по домам. Удачность нашей массовки, об'ясняется тем, как мы потом узнали, что все силы охранного отделения, жандармы и шпики, были направлены в рощу и они не ожидали, что мы устроим массовку в бору. В роще же в тот день было задержано несколько железнодорожных рабочих и служащих, которые ничего не имели общего ни с нашей массовкой, ни с политикой, и всем им пришлось расплачиваться за нас несколькими месяцами тюрьмы.

Однако, почти тут же, после 1-го мая нашему коллективу пришлось понести целый ряд потерь. 3-го мая тов. Артемов был вызван в полицейское управление, где ему совершенно неожиданно пред'явили предписание о высылке из пределов Калужской губернии, а также Минского Военного Округа, и предложили избрать новый город для жительства. Тов. Артемовым был избран город Харьков, куда он должен был выехать через несколько дней. Однако, на другой день, полиция спохватилась, и очевидно, признав ошибкой данное тов. Артемову разрешение на свободный выезд из Калуги в Харьков, решила арестовать его и выслать этапным порядком. Но было уже поздно, так как мы этого ожидали, и тов. Артемов, избегнув ареста и переночевав несколько дней у разных товарищей, решил уехать вместо Харькова в Москву. Были найдены документы на жительство на другое имя, затем, когда все было готово, я, Сорокин, Старченков пешком проводили его до ближайшей станции „Тихонова Пустынь“ (со

М. П. Артемов (снято в тюрьме 1915 г.).

ст. „Калуга“ отправить не решились), купили для него железнодорожный билет и только перед самым отходом поезда мы усадили его в вагон и благополучно направили в Москву.

Недели через 3—4 нам пришлось отправить в Москву еще двух товарищей—Гордеева и Старченкова, которым пришлось скрываться от войны, причем для товарища Гордеева пришлось взять паспорт от одного из учеников ремесленной школы тов. Валяева, а для Старченкова я отдал свой паспорт и воинские документы, которые освобождали меня от рядов армии.

Первого июля, помнится, в роще состоялось заседание Коллектива, на котором, приехавший из Москвы тов. Н. Шевков, портной—большевик, сделал небольшой доклад о состоянии партийной работы, как в Москве, так и в Петрограде, указывая в своем докладе, что идет усиленная подготовка к революции: скупается оружие, ведется усиленная агитация среди рабочих и солдат и т. д. Уезжая из Калуги, он обещал прислать нам партийный материал: газеты, книги и прокламации, издания Петроградского Комитета.

Через две недели после этого собрания наш Коллектив лишился еще одного члена тов. Сорокина, который был арестован и посажен в тюрьму в административном порядке на один месец за забастовку среди портных.

Дня через два—три после ареста Сорокина, я получил через тов. Александра Кубякова, приехавшего из Москвы, письма и прокламации от тов. Артемова. Прокламации действительно были издания Петроградского Комитета.

В этих прокламациях указывалось, что империалистическая война, затеянная русским монархизмом и капиталистами окончательно разоряет нашу страну и требует от рабочего класса неограниченное количество жертв, ради наживы капиталистов, а в дальнейшем прокламации заканчивались призывом к рабочему классу к организации и к борьбе за свержение царизма и капитализма.

Я сообщил членам Коллектива т. т. Титову, Кареву и Болховитину о получении мною прокламаций, после чего мы решили собрать заседание Коллектива. Заседание состоялось на Крестовском поле, где мы, рассевшись на поляне откуда нам было видно далеко вокруг, и приняв вид гулявших и севших отдохнуть людей, быстро прочитали и обсудили присланные нам прокламации. Они единогласно были одобрены и тут же было вынесено постановление об их широком распространении.

Распространение было назначено в ночь с 22-го на 23-е Июля. Каждому члену Коллектива было дано по нескольку экземпляров, а я взял около 100 экземпляров, которые должен был распространить по городу. Часть из них я передал для распределения среди солдат Бобруйского Артиллерийского склада и барачного городка, а остальные оставил у себя для расклейки. Утром 22-го Июля я зашел в мастерские, где сговорился с Кубяковым Федором распространять прокламации вместе с ним, которые в обед я обещал принести в мастерскую, условившись, в случае, если я не приду после обеда, то он должен зайти ко мне домой.

Когда я вышел из мастерской, по дороге заметил, что за мной следит шпик, но я не обратил на

это особого внимание, так как это было каждодневное и бытовое явление. Подходя к Московским воротам, я увидал, что за мной идут уже двое шпиков на близком расстоянии от меня. Тогда я решил избавиться от них, не пошел домой, а стал их водить по другим улицам. Убедившись, что они ни в коем случае не хотят выпустить меня из виду, я направился на Крестовское поле, к школьному товарищу Парфенову, с тем, чтобы уйти через его проходной двор. Зайдя во двор, я запер калитку перед самым носом шпиков, взошел в квартиру товарища и стал ожидать удобного момента, чтобы уйти. Прождав с полчаса и увидав, что оба они стоят под окном и не видят меня, я простившись с хозяевами, быстро вышел на другую улицу.

Благодаря этой слежки, я потерял очень много времени и по этому решил не заходя домой, прямо пойти в мастерскую, боясь, что тов. Кубяков, не дождавшись меня, пойдет ко мне на квартиру и привлечет внимание шпиков. В мастерской я сказал т. Носовой и Кубякову, что распространять мне придется одному, ввиду того, что я прокламации из дома не принес. Кончив на много времени раньше работу, я с Кубяковым ушел из мастерской. Выйдя на улицу мы увидали, что на другой стороне прохаживались три шпика во главе с известной женщиной—шпиком, Крыловой. Домой итти было нельзя, и тогда мы решили пойти в Городской Сад и там найти способ скрыться от них. Около двух часов мы пробыли в сквере около Городского Сада, под их наблюдением, и только с большим трудом, при содействии группы товарищей, которых я встретил в Сквере, мне удалось незаметно от шпиков выйти в боковую калитку сквера и скрыться.

Придя домой, я сварил клей, переоделся, взял прокламации и пошел расклеивать. Мною по городу было расклеено около двух десятков, больше я не мог, ввиду того, что клей у меня был очень плохой, а небольшой дождь заставил меня отказаться от дальнейшей расклейки. Часть оставшихся прокламаций я подбросил в Ерохинские казармы, 34-й Госпиталь и несколько штук опустил в почтовые ящики, а остальные прокламации я решился распространить утром, после чего отправился домой, куда пришел часа в три ночи.

Не успел я как следует раздеться, как услышал стук. Я инстинктивно подумал, что это пришли за мной, сунул прокламации, которые не успел спрятать, под подушку и лег в постель. На стук пошла отпирать мать, мои предположения оправдались; и я увидел перед собой жандармского офицера Кривцова, вахмистра Горелова и еще человек шесть—семь жандармов и городовиков. У меня сейчас же произвели обыск, и обыскав всю квартиру, конечно, нашли под подушкой прокламации, при чем Кривцов, торжествующе, не развертывая их, воскликнул: „Вот они". Это сразу навело меня на мысль, что здесь не обошлось без провокации. Мне был пред'явлен ордер об аресте, из которого я узнал, что я должен был быть арестованным независимо от результатов обыска. В последний момент одним из жандармов были найдены два последних письма ко мне тов. Артемова, которые я случайно не уничтожил, положив их в шкаф и забыл про них. Хотя письма написаны были конспиративно, но все таки их расшифровали, и я увидел, что моя оплошность грозит арестом еще двум товарищам: Артемову и Сорокину. После небольшого допроса меня повели в

тюрьму. По дороге на углу Никольской и Горшечной улиц, мы встретили еще несколько жандармов и городовых, которые, очевидно, производили обыск у других товарищей. Когда меня привели в тюрьму и посадили временно в пересыльную камеру, я увидел там уже арестованных т.т. Титова и Карева, а через несколько минут привели А. Болховитина.

Сидя вчетвером в камере и обсуждая свой арест, мы пришли к заключению, что среди членов нашего Коллектива должен быть провокатор, который нас и выдал, стали перебирать фамилии каждого члена Коллектива, но ни на ком не остановились, и только после Февральской Революции мы узнали, что этим провокатором был рабочий железнодорожник Карандасов, который считался у нас старым партийным работником с 1905 года и сидевшим в тюрьме.

Утром нас рассадили по одиночным камерам. В этот день, я, выйдя на прогулку, встретил на дворе тов. Михаила Образцова, который работал там по установке электромашины, и он мне сообщил, что прошлую ночь были произведены массовые обыски, которых было около 25-ти, в том числе и у него.

Оставшаяся неарестованной член Коллектива тов. Носова, узнав о моем аресте, и полагая, что мой арест может вредно отразиться на некоторых тов. в Москве, решила поехать туда и предупредить. На несчастье у нее не было паспорта, без которого нельзя было ехать, это поставило ее в тупик, но к счастью нашелся один из портных тов. Морозов, который согласился поехать вместе с Носовой и взять ее в качестве своей жены. На другой день они были уже в Москве и предупредили там товарищей, что, конечно, принесло большую пользу и некоторые, в

том числе и т. Старченков, живший по моим документам, избавились от ареста. Тов. Артемова, который перед тем уехал в свою деревню, о чем сообщил мне в открытке, взятой жандармами, предупредить не удалось, и поэтому были опасения за его арест, что в действительности и случилось.

Через неделю после нашего ареста я услышал, что в тюрьму привели нового арестованного, и, подойдя к „очку", увидал тов. Артемова, который в корридоре ожидал, пока ему выберут одиночку. Его посадили через две камеры от меня и я после обеда, во время уборки камеры, с‘умел с ним переговорить: рассказал, как я был арестован, что взяли при обыске, что показывал на допросе и т. п. для того чтобы он мог заранее подготовиться к показаниям.

Через два месяца троих освободили: Карева и Болховитина выслали из Калуги; тов. Титов, хотя был освобожден и оставлен в Калуге, но его тотчас же уволили из железно-дорожных мастерских; мне же было пред‘явлено обвинение по 132 ст. за хранение политической литературы с целью распространения, и я должен был быть судим, а тов. Артемов и Сорокин, были перечислены за Губернатором на предмет высылки в места не столь отдаленные. В воскресенье нас троих: меня, Артемова и Сорокина перевели в одну камеру, после чего нам стало уже веселей, мы стали совместно читать, дисскусировать по тем или иным вопросам и этим развивать свое общественное самообразование.

10-го января я получил обвинительный акт и извещение о назначении разбора моего дела в сессии Московской Судебной Палаты, на 10-е апреля 1917-го года. В это же время тов. Артемов и Сорокин по-

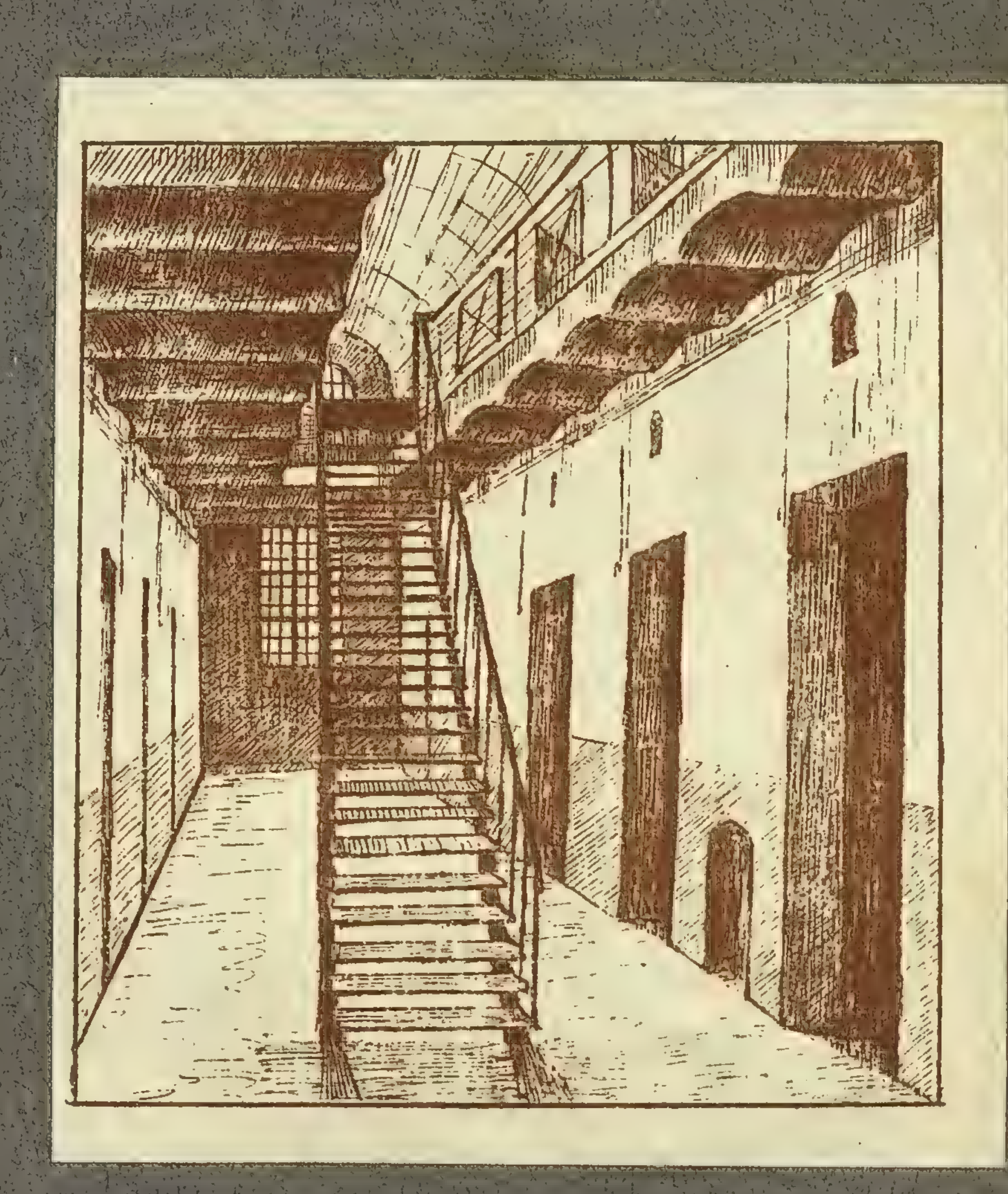
лучили уведомление, что согласно постановления Министерства Внутренних Дел, они высылаются в Иркутскую губернию на три года, а числа 20-го, они уже были этапным порядком отправлены в Иркутск.

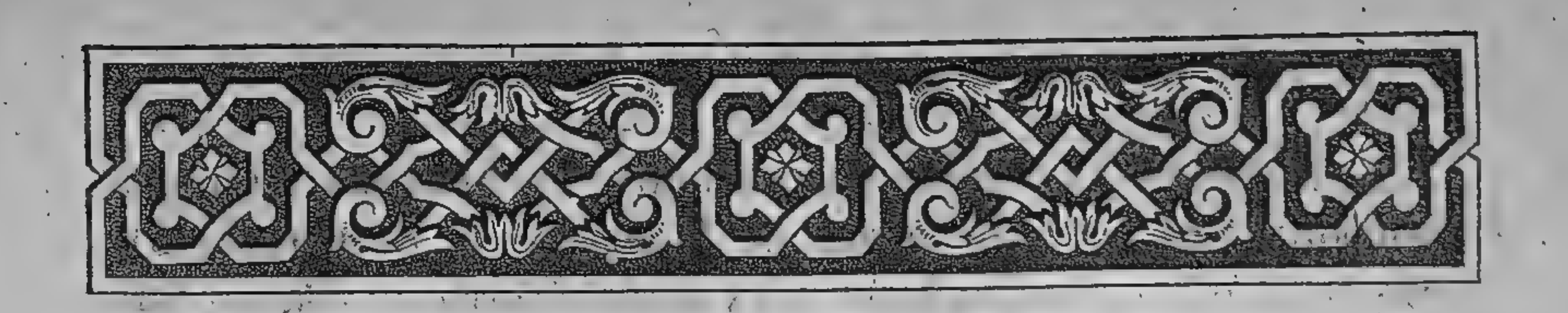
Мне, однако, сидеть долго не пришлось, как не пришлось предстать перед царскими судьями: Февральская Революция не дала им этой возможности.

Выйдя из тюрьмы в Февральскую революцию, я в Калуге никого из прежних товарищей не нашел, хозяевами положения были кадеты и обыватели. И только позднее, когда в Калугу приехали из Иркутска тов. Артемов и Сорокин, из Москвы тов. Борисов и другие товарищи, когда здесь собралась небольшая, но тесно-сплоченная, активная и дисциплинированная организация большевиков, началась действительно революционная работа и решительная борьба за низвержение власти буржуазии и поддерживающих ее партий—эсеров и меньшевиков, та борьба, которая в конце—концов привела Российский Пролетариат к Великой Октябрьской Революции.

В. Акимов.

К характеристике Калужской Керенщины.

(Из дневника).

После „исторического“ заседания „социалистической“ Думы 26 окт., посвященного Петроградским событиям, когда меньшевик Стефанович предлажил Думе вышвырнуть из своего состава гласных большевиков; когда председатель Думы эс-эр Федоров бесцеремонно затыкал нам, большевикам, рты; когда меньшевистско-эсеровская Дума позволила арестовать в стенах Думы гласного большевика Витолина; когда образовался черно-желто-красный блок, назвавшийся Органом Губернской Власти по спасению родины и революции (от революции)—для меня стало ясно, что дни существования большевиков на свободе сочтены.

И я не ошибся.

На первом же заседании „Органа“ был поставлен вопрос о немедленном аресте местных большевиков. Судили—рядили и в конце-концов пришли к заключению, что у них пока что нет оснований для нашего ареста, и нас оставили на свободе.

Ясно, что им нужен был хотя какой нибудь повод и по пословице „смерть причину найдет“—повод скоро нашелся.

Тридцатого окт., по инициативе Исполнительного Комитета С. К. Д. было созвано совместное заседание трех Исполнительных Комитетов: С. Р. Д., С. К. Д. и Комитета 26-ой бригады, организованного после разогнанного и арестованного Совета Солд. Депутатов. Заседание происходило в помещении Управы и, конечно с ее разрешения.

В повестке дня были поставлены следующие вопросы: 1) информация об образовании Бригадного Комитета, 2) о газете и 3) обмен мнений по текущим событиям. Затем было постановлено, по § 3, о текущих событиях высказаться в порядке частной беседы.

Заседание проходило прекрасно и первые пункты повестки были исчерпаны без всяких инциндентов,

Третьему же пункту, о текущих событиях, не повезло. Потому ли, что стены Управской комнаты обладают способностью слышать или потому, что некоторые меньшевики обладают сыщицкими наклонностями, подслушивают и доносят по начальству—как бы там ни было, но едва мы приступили к обсуждению текущих событий—отворилась дверь и в комнату явился товарищ городского головы соц. рев. Мартьянов (он же агент „Органа Губернской Власти). Молча вошел, молча уселся за стол и нервно защелкал на счетах. Затем, спустя 2—3 минуты, прервав говорившего тов. Акимова, задал вопрос: „Что собственно, это за собрание?“.

Я, как председатель собрания, дал соответствующие разъяснения, которые однако, Мартьянова не удовлетворили. Он заявил, что считает это собрание большевистским и не может допустить большевистской агитации в стенах Управы, где, кроме того помещается „Орган Губ. Власти“.

Мои указания на то, что на заседании присутствуют члены Исполнительного Комитета С. К. Д.—сплошь эс-эры и члены Бригадного Комитета—беспартийные, что все это народ взрослый—ни к чему не привели.

Завязался безобразный спор, во время которого, очевидно, на помощь Мартьянову, явился 2-ой товарищ городского головы меньшевик Любимов. Этот последний с места в карьер, заявил: „Никаких частных совещаний“ и затем грубо прервал тов. Певзнер, возражавшую что-то Мартьянову. Та отпарировала замечание Любимова фразой „Я с Вами не разговариваю“, чем привела его в бешенство. Как Вы со мною не разговариваете!—закричал он, брызжа слюной и бросаясь на тов. Певзнер, да Вы знаете кто я? Я товарищ городского головы, а Вы кто?—„Я член Исполнительного Комитета С. Р. Д.,“—спокойно ответила ему тов. Певзнер.

Незаметно наша комната наполнялась. Пришли Фосс, Утянский, Ковалевский и др. представители Губернской Власти.

Видя, что дело принимает безобразный оборот и все пререкания бесполезны, я закрыл собрание.

Соц. рев. Ковалевский бецеремонно потушил электричество в комнате.

Когда мы спускались по лестнице со 2-го этажа, то нам буквально пришлось пройти сквозь строй всех членов „Органа Губернской Власти.

Глядя на лица Фосса. Цыбаровского, Ковалевского, кадета Челищева, помощника правит. Комиссара об'единенца Трембовельского и др., слыша злобное шипение кадетского ублюдка Преображенского „арестовать“—я невольно подумал: „погиб я мальчишка, погиб я навсегда“.

То-же, очевидно чувствовали и остальные мои товарищи.

Выбравшись из Управы и возвращаясь домой, мы единогласно признали: завтра 31/х, состоится постановление Органа Губернской Власти о нашем аресте, а ночью того-же числа нужно ждать к себе „гостей“ из эсеров и меньшевиков.

Так оно и вышло.

В ночь с 31 октября на 1 ноября я был разбужен дребезжанием звонка, шумом в доме и на дворе.

Первой моею мыслью было:—пришли „меня арестовать“, второю инстинктивно „бежать“ (как приходилось бегать от жандармов и шпиков при самодержавии). Возможно, по старой привычке я так-бы и сделал, если бы меня не успокоили слова сестры, сообщившей мне, что два какие то солдата спрашивают тов. Борисова.

„Значит свои“ подумал я, и попросил мать открыть дверь.

Через минуту передо мной выросли две фигуры: подпоручика Раковца (социалиста от рождения, как он отрекомендовал себя на собрании) и еще какого то молодого прапора, мне совершенно неизвестного.

Зная, что Раковец арестовал в думе тов. Витолина, я сразу сообразил зачем эти „товарищи“ пожаловали ко мне в такой поздний час.

„Вы пришли меня арестовать?„ спросил я Раковца

Он ответил утвердительно, и, по жандармски обшарил карманы моих брюк. „По распоряжению Органа Губернской Власти?“ задал я ему второй вопрос.

Вместо ответа он показал мне ордер за подписями меньшевиков—кандидатов в учредительное собрание—городского головы Фосса, и секретаря управы Стефановича. По этому ордеру предписывалось арестовать четверых: меня, Артемова, Акимова и Певзнер.

Прочитав ордер, я оделся, попросил мать собрать мне постельное белье, дать чаю, сахару, стакан, ложку, мыло, полотенце, словом все, что необходимо для интеллигентного арестанта.

Когда все это было готово я попрощался с домашними и передал тело свое в распоряжение „социалиста от рождения“ Раковца.

На дворе нас встретил солдат с винтовкой, а у ворот стоял автомобиль.

„Какая честь подумал я, усаживаясь рядом с „товарищами,—раньше, при самодержавии нас так не возили“.

Дорогой я узнал от Раковца (он оказался разговорчивым, не так как жандарм), что арестован тов. Акимов, что тов. Певзнер арестована домашним арестом, так как оказалась больной и что дело только за Артемовым, которого они никак не могут найти.

„Поищите получше—кто ищет тот найдет“—пошутил я, вспоминая слова Горьковского Луки.

В это время автомобиль примчал нас к Городской Управе. Остановился. Мы вышли. Поднялись на 2-ой этаж. Прошли через кабинет Городского Головы, на дверях которого красовался большой плакат с надписью „Орган Губернской Власти“, в управскую комнату, где я неоднократно заседал в качестве члена Финансовой Комиссии.

Передав меня дежурному офицеру (меньшевику, эс-эру или корниловцу—не знаю), Раковец вновь отправился за розыском Артемова.

Осмотревшись кругом, я увидел лежащую на кушетке фигуру, в которой узнал тов. Акимова.

Подошел к нему и приветствовал его словами арестантской песни „Здравствуй, друг, и я с тобой“.

Разговорились. Вспомнили о том, как нас арестовывали при Николае, изрядно поругали меньшевиков и эс-эров Фосса, Стефановича, Мартьянова, Цыборовского и прочих—„спасателей“ революции от революции.

Часы пробили шесть.

Вскоре возвратился Раковец, поиски которого и на этот раз оказались тщетны: Артемова не нашел.

Сообщил кому-то по телефону о нашем аресте и о своей неудаче относительно ареста тов. Артемова, спросил правильно ли он поступил, что не поволок больную тов. Певзнер в тюрьму, а ограничился тем, что поставил к ней часового.

Покончив с телефоном, он зашел к нам в комнату и сказал, чтобы мы собирались в тюрьму.

Сборы наши были не долги: через минуту автомобиль мчал нас к тихому пристанищу.

Но вот и тюрьма.

„Здравствуй, матушка, тюрьма“, шучу я, входя во двор.

Мы с Акимовым идем впереди—как в дом родной—наши конвоиры плетутся позади.

Входим в контору.

Всматриваюсь в надзирателей и изрекаю „Ба, знакомые все лица: Дьячков, Лампетов“.

Те тоже узнают нас.

Опять к нам? спрашивает Дьячков.

„Опять“, отвечаем мы, с тою лишь разницей что раньше нас сажали жандармы, а теперь „товарищи“ из меньшевиков и эсеров“.

Дьячков как то странно качает головой: очевидно ему это непонятно. Дальше происходит обычная процедура сдачи нас начальнику тюрьмы, об'яснения его с Раковцем, почему вместо четырех арестантов, значащихся в ордере сдаются только двое и т. п.

Тут же я узнал, что нас предписано содержать в одиночном заключении.

Вспоминаю обещания члена Управы меньшевика Карева дать мне хорошую одиночку, справляюсь у Раковца, не указан ли в ордере № одиночки.

Тот серьезно просматривает ордер и также серьезно отвечает: „нет не указано".

Тем временем процедура заканчивается, мы сдаем деньги, делается распоряжение отвести нас в одиночки.

На прощание обмениваемся с Раковцем любезностями: он признается, в том что „и теперь меня уважает", я говорю ему, что я на него не сержусь и желаю ему всего хорошего...

Проходим через два двора к одинокому корпусу. Разводящий нас надзиратель стучит в железную дверь. Отворяется. Входим в 2-й этаж, останавливаемся на площадке и ждем когда для нас „очистят" одиночки.

Разговариваем. Тихо, спокойно.

Вдруг откуда то, из какой то камеры, раздается смеющийся громкий голос тов. Витолина:

—„Здорово большевики. Давно вас жду".

Происходит обмен приветствиями и двумя-тремя репликами; после чего нас сажают в одиночки.—Акимова направо, меня налево.

Огляделся и... ругнул Карева: одиночка попалась грязная, сырая, холодная и притом без электричества. Словом такая, куда я даже Утянского не посадил бы.

Делать, однако, было нечего: не в гостях, не дома, а в тюрьме. Надо устраиваться. Попросил лампу, тюфяк, подушку и когда все это получил и привел в порядок, то вздумал отдохнуть и помечтать. Улегся, не раздеваясь, в

пальто. Не помогло. Замерз, так как одиночка не отапливалась по случаю порчи печи. Поднялся и начал шагать по камере, что-бы согреться.

В душе накипала злоба на меньшевиков и эс-эров, на весь „Орган Губернской власти“.

В мозгу выплывали разные отрывистые мысли.

Почему то вспомнилось мудрое изречение: „Кого бог захочет наказать, у того отнимет разум“. Приложил это изречение к эс-эрам и меньшевикам, заседающим в „Органе Губернской Власти“, и нашел, что это правильно.

Жалкие трусы, обезумевшие при первой искре пролетарской революции, что станет с вами, когда вспыхнет мировой пожар?!

Глупцы, неужели Вы серьезно надеетесь сыграть „роль“ в подавлении „большевистского восстания“, имеющего глубокие корни в народной массе и вызванного, не агитацией Ленина Троцкого и др., а самой жизнью, неизбежностью углубления Русской Революции, обострением классовой борьбы. Вспомните, что гуси Рима не спасли...

Но пусть даже восстание Петрограда и Москвы и др. городов будет раздавлено оно все же останется лучшей страницей в истории Русской Революции, как героическое восстание бедноты против богачей, пролетариата против буржуазии. Память о нем будет чествоваться истинными революционерами и социалистами, так же, как чествуется „Парижская Коммуна“.

А потом... дальше... чем вы гарантируете, что подобное восстание не повторится с новой силой и в более грандиозном размере?.

Арестами, тюрьмой, казаками,пулеметами и броневиками?—Не помогут! Оно должно повторяться, до тех пор, пока общество, будет разделяться на бедняков и богачей, на эксплоатируемых и эксплоататоров; на буржуазию и пролетариат, словом пока не будет сметен с лица земли капитализм; пока не создастся светлое царство социализма. Это неизбежно. Так будет. Да здравствует пролетарская революция!.

Да здравствует социализм!

Затем мои мысли вернулись к Советам: неужели они могут умереть, неужели правы буржуазные борзописцы, щелкоперы, бумагомараки и их подголоски эс-эры и меньшевики, поющие в своих статьях и речах отходную Советам? Неужели Мавр сделал свое дело и теперь может умереть? вот вопросы, которые до боли сверлили мой мозг.

Хожу и думаю.

Вспоминаю их силу и могущество в первые дни революции, когда Советы были все; когда они решили и решали вопрос о форме государственного Правления в России, когда они фактически назначали и сменяли министров-вспоминаю все это и лишний раз убеждаюсь в их колоссальном значении для политической жизни страны.

А разве в экономическом отношении их роль была менее важна и плодотворна?

Разве не через Советы рабочие добились 8-ми часового рабочего дня, увеличения заработка, влияния на ход производства?

Разве не Советы боролись и продолжают бороться с саботажем фабрикантов и заводчиков?

Дальше вспоминаю „корниловщину" движение, стремившееся повернуть назад колесо Русской революции, и тот единодушный, решительный и могучий отпор, который дали Советы контр-революционному заговору.

Я глубоко убежден в том, что не будь Советов—Революция давно была бы задушена.

Наконец роль Петроградского Совета Р. и С. Д. в настоящем восстании...

Только благодаря им революционному пролетариату и войскам удалось в течение нескольких часов захватить в свои руки всю полноту власти.

О значении Советов, как органов организующих и политически воспитывающих демократию—я не говорю: это ясно само собою. Советы всегда были и будут вернейшими

и могущественными выразителями и защитниками интересов трудящихся классов... Нет, Советы не умерли. Советы живут... Советы должны жить даже после Учредительного Собрания. Им предстоит сыграть последнюю и самую важную роль в борьбе пролетариата за социализм.

На похоронное пение могильщиков Советов-эс-еров и меньшевиков пролетариат должен ответить единодушным, мощным и бодрым возгласом-здравицей „Да здравствуют Советы!".

Незаметно и естественно перехожу от общего к частному, от Советов вообще к Калужскому Совету Р. С. и Кр. Д.

Настроение быстро меняется, тяжелая грусть и тоска начинают щемить сердце...

Без сомнения, он, как и другие Советы, жил всей полнотой политической жизни.

Еще недавно, во время корниловщины, он играл в Калуге роль первой революционной скрипки, он задавал тон, и ему покорно шли и Губернский Комиссар, и Городской Голова и Начальник гарнизона и прокурор... Теперь-же он превратился в труп бездушный и холодный. Совет... пред кем дышать едва лишь смели. Совет наш ныне прах и им замазывают щели... Фосс, Любимов и др.

Вспоминается басня о престарелом льве, которого лягали даже ослы.

На минуту всплывает в памяти собрание С. Р. Д. 18 октября, когда Совет, по случаю приезда в Калугу казаков, выразил свой протест, заявил, что не может доверить охрану личности, имущества и свободы граждан явным и тайным кадетам и корниловцам и потребовал их немедленного удаления.

Затем расстрел и разгром Совета, арест членов Исполнительного Комитета С. С. Д., военное положение и полная охтерпенность Советов Р. и Кр. Депутатов

Вместо того, чтобы дать решительный отпор погромщикам, выразить свое негодование и протест, сказать свое революционное и веское слово, Совет Рабочих Депутатов огра-

ничился только тем, что в угоду Фоссу, по его настоянию, вынес 16-ю голосами жалкую резолюцию, оправдывающую разгром Советов и т. п. по резолюции Городской Думы.

Стыд и позор!..

Дальше-восстание Петроградских рабочих и солдат, борьба за власть против буржуазии, против богатых, сильных, сытых мира сего.

Поддержали ли наши Советы, хотя бы морально, это восстание, эту первую искру пролетарской революции?

Нет. И даже напротив: они об'единились в черно-желто-красный блок с кадетами и громилами Советов, в „Орган Губернской Власти", поставивший своею целью противодействовать новой, и великой по своим стремлениям Революции.

Наконец наш арест: арест меня, Артемова, Акимова, Невзнер, Витолина—членов исполнительного Комитета С. Р. Д...

Потребовал-ли Совет Рабочих Депутатов нашего немедленного освобождения хотя бы не как большевиков, а как членов Исполнительного Комитета.

Нет и нет!..

Наш Совет, видите ли, дал клятву на верность Временному Правительству Бурышкина, Кишкина, Терещенкам и К-о, он, видите-ли, признает Орган Губернской Власти высшим органом „Революционной Власти в губернии" и поэтому не смеет своего суждения иметь.

Трусы и слепцы... Где ваша революционная воля? Она растоптана каблуками Фосса, Утянского, Цыборовского, Кеушевицкого и других социалистов из буржуазного лагеря...

Но как... Как наши Советы дошли до жизни такой?

Колебание вождей Советского большинства меньшевиков, их неуверенность в себе, в своих силах, их безверие в Советы в возможность пролетарской революции, и дальнейшее подчинение „социалистам" со стороны—Фоссам, Любимовым, Мартьяновым—вот где корень зла, вот где причина, причина жалкого падения наших Советов. Ясно и понятно, а понять значит наполовину сделать или исправить.

Все, кому дороги Советы, кто признает их колоссальное значение в политической и экономической жизни страны,— должны раз навсегда оставить политику колебаний, должны отмежеваться от могильщиков Советов, должны стать на путь самостоятельной и революционной работы.

Иного нет пути.

Меньшевистские и эсеровские Советы умерли... — Да здравствуют большевистские Советы!

Устал ходить, думать... Лег не раздеваясь и задремал. Очнулся от шума открываемой железной двери... предо мной товарищ Прокурора Галицкий...

Не имею ли я что заявить?— „Да, имею: переведите меня в другую одиночку“.— Больше ничего“?— „Ничего“:

Прокурор раскланивается и уходит.

Вскоре меня переводят в одиночку под № 6.

Здесь в этой одиночке начинается моя тюремная жизнь с ее обычным однообразием и маленькими, как самая одиночка, развлечениями: знакомство с уголовными, надзирателями, встречи с другими большевиками,— Фоминым, Абросимовым, Зубатовым.

Как приятный факт отмечаю прекрасное отношение к нам, большевикам, надзирателей. С ними мы ведем длинные беседы: о войне и мире, о захвате власти, о земле, о меньшевиках и большевиках, о текущих событиях.

Не думаю, что бы все это прошло для них бесследно. Уже одно то, что вместо получасовой прогулки мне за разговорами приходилось гулять значительно дальше, по часу, свидетельствует о том, что нас слушают не только из за простой вежливости, не только из за любопытства...

Учитывает ли это „Орган Губернской Власти“, борющийся с большевистской агитацией?

От них я, между прочим, узнал об их нуждах, об их губернском съезде, об их требованиях и конфликте с тюремной инспекцией...

Как бывш. член Конфликтной Комиссии Совета я предложил им обратиться за поддержкой в Совет: Он де все

может. (здесь мне стало стыдно за Совет: он все может, а члены Исполнительного Комитета сидят в тюрьме)...

Приятно также отметить заботливое отношение ко мне со стороны членов Совета рабочих тюремной мастерской т.т. Беляева и Державина. Первый прислал мне чайник для кипятка, второй чаю, конфект, табаку и папиросной бумаги с надписью: „Тов, Борисову от А. Державина“.

Отрадно было читать в „Голосе Калуге“, что товарищи железнодорожники вынесли резолюцию с требованием о нашем освобождении.

Спасибо Вам, дорогие товарищи!

Вы поступили правильно, как и полагается настоящим революционерам.

За то прескверным диссонансом прозвучало письмо члена Управы рабочего ж. д. депо меньшевика Тиманькова, где он обозвал железнодорожников за их требования баранами.

Глупец! Не те бараны, которые смеют свое суждение иметь, но те, которые поддерживают своих товарищей, вопреки постановлениям Органа Губернской Власти, а те, которые жалко плетутся в хвосте за лидерами, за социалистами из буржуазии, кто питается крохами из господского ума, как вы товарищ Тиманьков.

Шестого ноября. Сегодня с утра уголовные об‘явили голодовку, требуя увеличения хлебного пайка или сохранения порции картофеля в прежнем размере (ее было уменьшили).

Мы присоединились к голодовке, выставив свое требование: пред‘явление к нам обвинения или же немедленного освобождения.

В 3 часа голодовка уголовных закончилась удовлетворением их требований, мы же решили продолжать. Посмотрим, как отнесутся к ней „социалисты“ из Органа Губернской Власти и Совета Рабочих Депутатов...

Седьмого ноября. Сегодня Начальник тюрьмы сообщил нам, что он о нашей голодовке и требованиях вчера довел до сведения „Органа Губернской Власти“, и что Фосс обещал вчера же, обсудить это на заседании „Органа“, и сегодня дать ответ.

„Интересно, какой ответ дадут товарищи, меньшевики и эс-эры? „Пусть голодают; околеют, несколькими большевиками будет меньше“. Вполне возможно, что именно такой ответ и будет, если не вмешается Совет Рабочих Депутатов, на поддержку и сочувствие которого мы, собственно, только и расчитываем.

А вдруг и в данном случае, как по делу разгрома наших Советов, Петроградских событий и нашего ареста, он останется глух и слеп?

Нет. Это было бы больше чем ужасно... Не допускаю...

Косвенный ответ от „Органа Губернской Власти“ мы получили: сейчас привезли в тюрьму еще трех большевиков: Белоусова, Васюнкина и Цукорберга.

Чего же ждать от них дальше? Околевать с голоду ради господ социалистов мы не намерены.... Завтра же надо прекратить голодовку“..

Восьмого ноября. Голодовка прекращена.

Девятого ноября. Сегодня от „Органа Губернской Власти“ мною и тов. Акимовым получен оффициальный ответ на нашу голодовку.

В отношении Органа говорится, что мы арестованы как лица, „внушающие основательное подозрение в совершении государственных преступлений“...

Что это за государственное преступление, в совершении которого нас основательно подозревают—я не знаю и теряюсь в догадках.

Естественно, встает вопрос: не последует ли за основательным подозрением столь же основательное обвинение. Впрочем, от них все может статься.

Двенадцатого ноября в тюрьме стало известно, что из Москвы требуют нашего освобождения. Это хорошо. Значит, тов., оставшиеся на воле действуют, значит мы скоро будем на свободе...

Да здравствует наше освобождение!

Да здравствует жизнь—борьба!

Да здравствует пролетарская революция!

Тринадцатого ноября вызвали нас в контору, где неожиданю встретили членов „Органа Губернской Власти“ Мартьянова и Баташева, которых „Орган Губернской Власти“ делегировал в тюрьму, чтобы освободить нас и предварительно сделать нам отеческое внушение, что бы мы на воле не разводили большевизма...

Как же... Держи карман шире. Плохие были бы мы тогда большевики!

Через несколько минут мы были на воле.

Н. Борисов.

Предоктябрьские дни и организация Советской власти в Калуге.

Три года напряженной борьбы во имя торжества идей Октябрьской революции и укрепления нового коммунистического строя, масса всевозможных впечатлений за это время, казалось, должна была бы совершенно изгладить из памяти все те переживания, которые относятся к сравнительно отдаленному прошлому—предоктябрьским дням и к моменту организации Советской власти в Калуге.

Но в действительности эти переживания, несмотря ни на что, так ярки и так интересны, что в редкие свободные минуты отдыха, когда где нибудь случайно собирается несколько старых работников,—их разговоры часто сводятся к воспоминаниям того времени, об их до октябрьской и послеоктябрьской работе.

То была пора чрезвычайно напряженной, по преимуществу идейной, борьбы с местными меньшевиками и эсерами, против соглашательских Советов, за диктатуру пролетариата.

Калуга как город непромышленный, с незначительным количеством доподлинного пролетариата, всегда был хорошей почвой для господства мелкобуржуазных соглашательских партий, для засилья меньшевиков и эсэров.

Отсюда явствует, как неравна и как трудна была наша борьба, борьба местных большевиков, с господами положения—эсэровско-меньшевистскими партиями в Калуге.

И тем хуже, тем труднее нам было бороться с ними в силу того, что во главе этих партий стояла—печальной памяти—местная интеллигенция—присяжные поверенные: Фосс-Уткасвай, Любимов, Циборовский; врачи: Бертвик, Востров, Демидов, педагоги: Федоров, Олейничак; офицеры: Пароль, Берёзкин, Мартьянов, которые все время и всячески, пользуясь своим „просвещенным авторитетом". толкали значительную часть рабочих на путь соглашательства с буржуазией, доказывая им, сперва необходимость „во имя Революции" поддержки временного правительства Милюкова, Гучкова, и проч., являющихся ныне активнейшими помощниками генерала Врангеля, потом коалиционного правительства Керенского Церетелли, Кишкина и Бурышкина, а затем позднее в Октябрьские дни, необходимость борьбы—опять таки во имя революции—с петроградскими и московскими рабочими, осмелившимися, вопреки желаниям соглашателей, сбросить со своей шеи власть буржуазии и поддерживавших ее соглашателей—меньшевиков и эсэров Керенского, Церетелли, Скобелева и братии их.

Но все же, несмотря на это, наша небольшая группа большевиков, насчитывавшая ко второй половине 1917 года всего лишь 7 членов фракции местного Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, благодаря своей сплоченности, неиссякаемой энергии и истинной революционности незаметно и постепенно, мало-помалу, завоевывала симпатию в среде лучшей части Калужского пролетариата—портных, печатников, железнодорожников и, главным образом, среди солдат Калужского гарнизона.

Такое положение вещей заставило соглашателей насторожиться и принять против нас особые меры.

Повседневной устной и письменной клеветы и травли нас, большевиков, на собраниях и в газете „Голос Калуги", в чем особенно усердствовали меньшевики: Голубев, Утянский, Фандеев, меньшевикам и эсэрам казалось мало. Они стали в лице Президиума своего соглашательского Совета—Пароля, Тиманькова, Ковалевского—запрещать нам распространение нашей литературы, летучек, плакатов: они ввели для нас особую цензуру.

После же событий 3—5-го июля—первой активной попытки петроградского пролетариата осуществить свой боевой лозунг „Вся Власть Советам", после того разгрома, какой был нанесен петроградским рабочим правительством меньшевиков и эсэров, после ареста т.т. Троцкого, Луначарского, Колонтай и др. вождей пролетарской революции, после гнусной клеветы, состряпанной ренегатами социализма—Алексинским, Бурцевым и К° против тов. Ленина, которого они пытались очернить, как агента Вильгельма,—после всего этого травля нас, большевиков, со стороны Калужских меньшевиков и эсэров достигла невероятных размеров.

Нас, нашу фракцию, лишили ассигнованных перед тем двух тысяч рублей на предвыборную агитацию в городскую думу, нас вынудили уйти из состава Совета.

Мне вспоминается заседание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в зимнем театре 13-го июля при громадном стечении мелкобуржуазной публики.

Это заседание было превращено меньшевиками и эсэрами в публичный суд над нашей партией и нашей фракцией.

Господа меньшевики и эсэры—Мартьянов, Утянский, Смирнов, Томилин и др. из кожи лезли вон, чтобы доказать, что в прорыве и поражениях нашей армии под Тарнополем виновата наша партия; чтобы заставить нас, как это было принято в резолюции эсэровско—меньшивиского Исполкома,

признать „вредным для революции вооруженный бунт в Петрограде", чтобы вынудить нас признать „изменой делу революции отказ некоторых частей армии от защиты фронта"; чтобы заставить нас „отмежеваться от всех лиц в рядах своей партии, которым брошено обвинение в связи с немецким правительством", т. е. от т. т. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др.

Ясно, что признание всего того, что требовали от нас меньшевики и эсэры было-бы с нашей стороны прямым предательством нашей партии и изменой делу пролетарской революции—мы предпочли остаться без денег, выйти из состава Совета и уйти в подполье, что и сделали.

И все-же далее, несмотря на травлю, несмотря на то, что у нас не было средств на предвыборную кампанию в Думу и нам не давали ни помещений, для устройства предвыборных собраний, ни возможности выступать на них, несмотря на то, что наши листовки и плакаты нахально срывались учащимися—детками местной буржуазии и офицерами—нам удалось провести в думу 7 наших кандидатов в составе т.т. Витолина, Артемова, Акимова, Сильке, Шелковскаго, Максимова и меня.

Результаты выборов показали нам, что мы имеем сравнительно большие симпатии к себе со стороны, главным образом, солдатских масс.

Нам, в нашей борьбе с местной буржуазией, меньшевиками и эсэрами нужна была реальная сила, и мы обратили особое внимание на работу среди солдат.

Вскоре в наших руках оказался Совет Солдатских Депутатов, а затем и весь Калужский гарнизон, после чего мы уже заставили считаться с собою и меньшевистский Совет Рабочих Депутатов и меньшевистско-эсэровскую думу,—мы стали диктовать ей свои требования.

„Социалистическая" дума забила тревогу, стала кричать о двоевластии и, наконец, послала делегацию во главе с лиде-

рок меньшевиков Фоссом в Петер. затем в Штаб Минского фронта, отличавшегося своею контр-революционностью, с ходатайством о присылке надежных войск для разгона Калужского гарнизона, отказывавшегося итти на фронт сражаться за интересы буржуазии, а также для „обуздания зарвавшихся большевиков“.

Ходатайство это, очевидно, совпало с тем моментом, когда подготовлялось общее наступление контр-революции на развивавшуюся пролетарскую революцию, и поэтому вскоре в Калугу прибыл под каким-то благовидным предлогом ударный баталион „смертников“, а затем 17 Октября казаки и Нижегородский драгунский полк с пулеметами и броневиками, с правительственным комиссаром Галиным и его помощником меньшевиком Трембовельским во главе.

Цель их приезда в Калугу была ясна не только для нас большевиков, но и для остальной массы, что заставило на минуту содрогнуться, забить тревогу даже рабочих меньшевиков в предчувствии чего-то ужасного и непоправимого.

В тот момент, мне кажется, они впервые почувствовали, куда и до чего завели их вожди.

На другой день спешно было созвано заседание пленума Совета Рабочих Депутатов для обсуждения вопроса о приезде в Калугу казаков, на котором почти единогласно была принята резолюция протеста, где говорилось о том, что Совет не может доверить охраны личности, имущества и свободы граждан казакам—явным и тайным Калединцам, Корниловцам и требует их удаления.

Но эта резолюция осталась гласом вопиющего в пустыне прекрасным документом, свидетельствующем о том, что и меньшевикам свойственны благие порывы.

19-го октября утром Комиссаром Галиным были предъявлены ультимативные требования к Совету Солдатских Депутатов о немедленном разоружении, о роспуске солдатской

секции и точном, беспрекословном подчинении его распоряжении об отправке Калужского гарнизона на фронт.

Вечером того же дня по этому поводу было назначено экстренное пленарное заседание всех трех секций Совета, на которое, между прочим, обещал явиться Галкин для личных об'яснений Совету своих требований.

И, конечно, своего обещания он не сдержал.

В то время, когда во „Дворце Свободы“, где помещался Совет, все партийные и профессиональные организации, где обычно происходили заседания Совета, уже открылось заседание Пленума, обсуждавшего требование Галкина,—последний приказал казакам и драгунам оцепить „Дворец Свободы“, выставить пулеметы и броневики.

Когда ими это было сделано, Галкин потребовал немедленной сдачи членов Совета и выдачи оружия в течение 5-ти минут, а затем, не дождавшись истечения указанного срока, отдал приказ обстрелять здание Совета.

Затрещали пулеметы, посыпалась штукатурка, зазвенели разбитые стекла, и все члены Совета, находившиеся в здании в панике бросились бежать через черный ход; только благодаря тому, что их отделила внутренняя капитальная стена не оказалось ни раненых ни убитых.

Дальше, ворвавшимися во внутрь казаками, был учинен полный разгром имущества Советов, партийных и профессиональных организаций; казаки, как безумные, рвали в клочья дела, переписку, знамена, портреты пролетарских вождей; ценности же расхищались.

Это была жуткая и кошмарная картина.

В тот же день были арестованы и заключены в тюрьму члены Исполкома Совета Солдатских Депутатов—большевики Витолин, Абросимов, Зубатов.

Попытки Калужского гарнизона оказать вооруженное сопротивление казакам за отсутствием опытных и энергичных руководителей, не удалось, и гарнизон в течении 10-ти дней целиком, за исключением разбежавшихся по деревням, был выгнан на фронт.

С этого момента хозяевами положения снова становятся меньшевики и эсэры в лице „Социалистической" Думы, которая через день после разгрома Совета на своем экстренном заседании выносит резолюцию, где оправдывает, признает необходимым, полезным для дела революции разгром Совета и выражает благадарность казакам за избавление их от большевиков без пролития крови.

Но меньшевикам и эсерам оказалось мало оправдания своего Иудина дела—разгрома Совета со стороны одной лишь городской думы, хотя и „Социалистической", им понадобилось одобрение их контр-революционной деятельности со стороны меньшевистского Совета Рабочих Депутатов; для этой цели лидерами меньшевиков Фоссом и Любимовым было вскоре созвано, конечно, с разрешения Галина, т. к. в Калуге было об'явлено военное положение, собрание Совета Рабочих Депутатов, на котором ими была проведена резолюция аналогичная принятой Думой, что давало им возможность в своих оправданиях ссылаться на авторитет Совета Рабочих Депутатов.

Весть о расстреле и разгроме Калужского Совета быстро облетела всю Россию, вызвав громаднейшее негодование среди революционного пролетариата и солдат, и быть может была той искрой, которая ускорила пожар Великой Октябрьской Революции.

О выступлении петроградского пролетариата и гарнизона 25 Октября против соглашательского правительства и о его победе — в Калуге стало известно 26 октября.

В тот же день было созвано для обсуждения Петроградских событий экстренное заседание Думы, на которое были приглашены кадеты, ударники и проч. буржуазная сволочь.

Возмущению против выступления петроградских рабочих со стороны всей этой братии, почуявшей свою гибель, не было границ: оно дошло до того, что секретарь Думы— меньшевик Стефанович предложил Думе немедленно-же выкинуть из своего состава главных большевиков; председатель Думы эсэр Федоров нагло затыкал нам рты и наконец, ими, при помощи ударников, в стенах Думы тогда же вторично был арестован т. Витолин, освобожденный перед тем, приезжавшей из Москвы следственной комиссией с тов. Рыковым во главе.

На этом собрании была принята всеми, за исключением большевиков, покинувших зал заседания вместе с арестованным тов. Витолиным, торжественная клятва на верность временному правительству Керенского, Церетели, Кишкина, Терещенко и комп., а затем был избран, так называемый Орган Губернской Власти по спасению Революции (от Революции), в состав которого вошли меньшевики, эсэры и кадеты с Фоссом, Челищевым, Стефановичем и Цыбаровским во главе.

Целью этого пресловутого Органа Губернской Власти было всеми средствами, во что бы то ни стало, задержать начавшуюся пролетарскую революцию и активная борьба с большевиками. Сей орган печатал и распространял клеветнические бюллетени с вымышленными известиями о зверствах большевиков в Петрограде, о развале и падении большевистского правительства; ими рассылались телеграммы по всем таким-же „Социалистическим“ Думам всех городов, куда не перекинулось восстание, с призывом их к активной поддержке временного правительства; по распоряжению этого органа власти были также арестованы 30-го октября и по-

сажены в тюрьму, оставшиеся до того времени на свободе большевики—Акимов, Певзнер, Фомин, я, а позднее Белоусов, Васюкин, Цуккельберг.

Наш арест понадобился меньшевикам и эсэрам кстати и для того, чтобы лишить нас участия в начавшейся в то время избирательной компании по выборам в учредительное собрание.

Последнее им, однако, не удалось: наш арест, расстрел Совета, разбежавшиеся по деревням солдаты—оказались лучшим агитационным средством в пользу нашей партии; нам удалось собрать громаднейшее количество голосов и провести в учредительное собрание из 6-ти 4-х членов.

Между тем, пламя Социалистической Революции из Питера перекинулось в Москву и др. города и после кровавых столкновений закончилось победой пролетариата.

В Москве образовался Военно-революционный штаб и Военно-революционный комитет, которые естественно не могли терпеть у себя под боком контр-революционную „Социалистическую" Думу и столь-же революционного Органа губернской власти.

Назрела насущнейшая потребность для Московской Революционной Власти в посылке в Калугу отряда революционных войск для ликвидации контр-революционной деятельности Калужских меньшевиков и эсэров, чему, однако всячески противился соглашательский Викжель (Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожников), который не давал паровозов и вагонов для провозки эшелонов, указывая на то, что в Калуге тишь и гладь да Божья благодать.

Тогда с целью информации о положении дел в Калуге сюда выехала комиссия в составе тов. Упорова (от Ревштаба), Орехова (от Реввоенкома) и Демельтева (от Викжела).

Орган губернской власти, для того, чтобы показать комиссии, что в Калуге все обстоит благополучно, освободил из тюрьмы всех большевиков, за исключением Витолина, Абросимова, Зубатова и Цуккерберга, которых пытались обвинить в уголовном преступлении.

Это было 13 ноября, комиссия же в указанном составе прибыла в Калугу 14-го ноября.

Вечером, в день приезда комиссии, состоялось совместное заседание комиссии с органом губернской власти, с представителями—по два—от Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов и Комитета №-й пехотной запасной бригады, создавшегося с разрешения начальства после разгрома Солдатских секций. Перед открытием заседания разыгрался характерный инцидент: в помещении Главного Железнодорожного Комитета, где было назначено заседание, ворвались пьяные офицеры ударного батальона и потребовали, чтобы им на данном заседании было представлено два места, „иначе никто отсюда не выйдет".

Места им были даны, несмотря на наши протесты

Собрание было открыто от имени Органа Губернской Власти меньшевиком Любимовым, который в своей речи пытался доказать как хорошо и спокойно живется под его покровительством гражданам Калуги.

Я и тов. Певзнер, присутствовавшие на собрании, с фактическими данными на руках доказывали противное, характеризуя деятельность Органа меньшевиков и эсеров, как явно контр-революционную деятельность.

В результате прений было постановлено: немедленно освободить из тюрьмы т. т. Витолина, Абросимова, Зубатова и Цуккерберга, что тогда же было приведено в исполнение; немедленно же упразднить Орган Губернской Власти

и解 кгаж... его создать в Калуге Революционный Социалистический Комитет, в который входили-бы представители всех социалистических партий.

Последнее решение являлось компромиссом и об'ясняется тем, что у нас в то время не было реальных сил.

Помню: на состоявшемся перед тем нашем фракционном заседании тов. Упоровым был поставлен нам определенный вопрос «Есть-ли у вас сила для того, чтобы взять в Калуге власть в свои руки, образовать Военно-революционный Комитет», на что нами был дан единодушный и чистосердечный ответ: «Нет».

„Тогда нужны компромиссы“ заявил тов. Упоров, и таким компромиссом был вопрс о создании в Калуге Социалистического Комитета.

На другой день, после того, как Комиссия выехала в Москву, утром небольшая, человек в 10 группа большевиков, собралась на квартире у тов. Фомина для того, чтобы обсудить план наших дальнейших действий. Мысль о создании Социалистического Комитета была тогда-же отвергнута большинством собрания и было постановлено немедленно-же в тот же день образовать Военно-революционный Комитет без всякого представительства в нем эсэров и меньшевиков; тогда-же были намечены кандидаты для того, чтобы выставить их на пленуме всех трех секций Советов созвав таковой вечером того-же дня.

На Пленуме Совета идея образования Военно-Революционного Комитета нашла горячую поддержку в среде Солдатских и Крестьянских Депутатов; члены же Совета Рабочих Депутатов, за исключением большевиков, демонстративно покинули собрание, протестуя против нарушения достигнутого накануне соглашения.

По уходе меньшевиков, кворум оказался достаточным, и поэтому тогда-же был избран Ревком из 11-ти лиц—но

4 от каждой секции, куда вошли: от рабочей секции—Ватолин, Артемов, Белоусов и Турлыков, от солдатской—Злобин, Снегa, Абросимов, Логачев и от крестьянской—Волков, Левенсон, Лапин и Голенев.

Платформой деятельности вновь избранного Военно-Революционного Комитета была об'явлена платформа 2-го Всероссийского С'езда Советов.

Однако, в течение значительного времени Ревком вынужден был оставаться на бумаге: с ним никто не хотел считаться, ибо у него не было реальной силы. Его приказы посылавшиеся в местные газеты, не печатались; наборы приказов для отдельных оттисков демонстративно рассыпались в типографии агентами, подпольно действовавшего Органа Губернской Власти, опиравшегося на ударный батальон.

Видя свое бессилие, Ревком командировал в Москву члена Ревкома тов. Логачева для выяснения создавшегося положения и с ходатайством о немедленной присылке в Калугу революционных войск; тов. Ватолин выехал в Тулу за красногвардейцами.

Революционные войска прибыли в Калугу 29 ноября, во главе которых стояли товарищи Гоголев—командир № полка, А. А. Бурдуков, командир Московского эшелона и Мендельштам—Одиссей—комиссар эшелона.

Прибывшим войскам была устроена встреча на вокзале, где состоялся митинг, на котором, помню, выступили с речами тов. Мандельштам, я и т. Билибин (меньшевик), причем речь последнего показалась прибывшим солдатам контр-революционной и поэтому едва не кончилась для него трагично.

Прибывшими войсками был обезоружен ударный батальон, все солдаты и офицеры коего отправлены в Москву и затем разогнана „Социалистическая дума“.

С того момента власть Ревкома быстро начинает укрепляться не только в городе, но и в губернии.

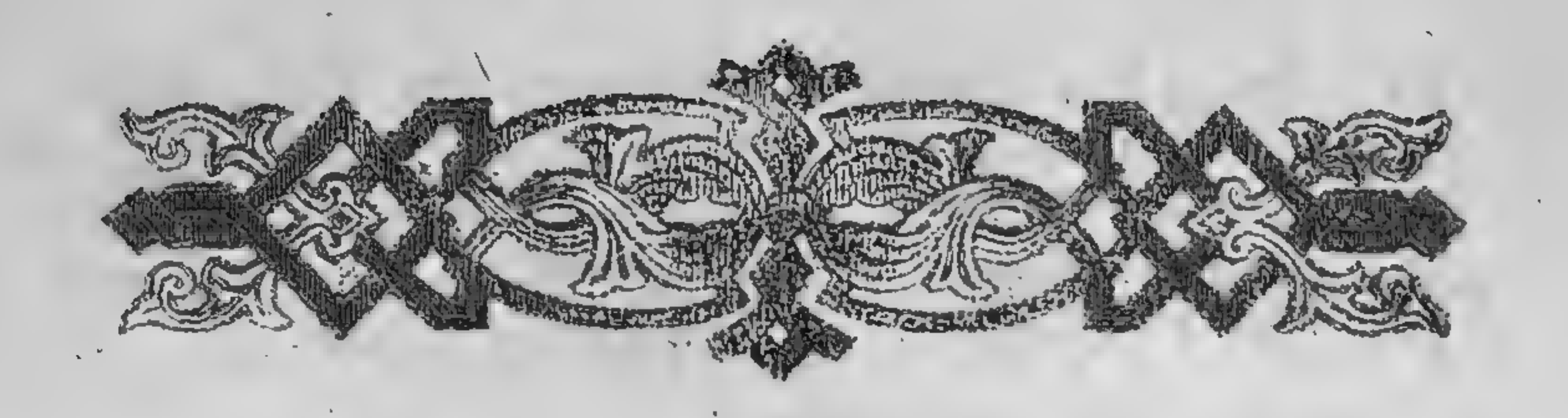
В первых числах декабря в Калуге выходит 1-й номер „Калужской Правды“—орган Революционного Совета, а вскоре возобновляется издание большевистской газеты „Рассвет“.

В январе 1918 года созывается губернский с‘езд Советов Р. С. и Кр. Депутатов.

На этом с‘езде избирается Губернский Исполнительный Комитет в составе 66-ти человек, который за тем из своей среды избирает комиссарский состав по управлению губернией и таким образом создается Калужский Губернский Совет Народных Комиссаров, под флагом которого происходит дальнейшее укрепление Советской Власти, как в Калуге, так и в губернии, а также и вся необходимая для того времени разрушительная и созидательная работа.

Н. Борисов.

Из подполья—к власти.

Ни ссылки, ни каторга, ни расстрелы ничто не могло остановить победного шествия российского пролетариата, вступившего на путь борьбы еще в 90-х годах!

Движение ширится и растет с каждым годом, захватывая даже самые отсталые слои рабочего класса.

В 1900-х годах его волны увлекают уже и рабочих Калужской губернии.

Один за другим создаются в Калуге и рабочих районах социал-демократические кружки, сначала состоящие преимущественно из интеллигенции, а позднее—увлекшие в свои ряды не один десяток рабочих. Крайне слабые и малочисленные вначале, они крепнут с каждым годом и днем. Ни разгром кружка Доброхотовых, ни аресты и ссылки членов с.-д. группы и союза, существовавших в Калуге вплоть до половины 1905 года, ни другие козни властей не могут остановить роста социал-демократического влияния в Калужской губернии.

Преодолевая тысячу препятствий, начиная от преследований охранки и кончая неблагоприятными условиями работы, ввиду большой отсталости и малочисленности пролетарских элементов в губернии, движение ширится вылившись в 1905 году в массовое организованное выступление (стачки, демонстрации и т. п.).

Малочисленные вначале большевики все больше и больше приобретают влияние в среде партийной организации, не разделяющейся сначала по фракциям. Все больше и больше революционизируются массы, все больше и больше изживаются в среде руководителей движения особенности, присущие недостаточно революционному сознанию (уклон в сторону меньшевизма). Годы реакции после 1906 г. еще более способствуют этому. Ряды организации усиленно очищаются от меньшевистски-настроенных интеллигентов, и руководство работой все больше переходит в руки тех, кто имеет революционное сердце и всегдашнюю готовность к открытому бою.

На ряду с пропагандой в кружках организуются уже массовки, где участвуют сотни рабочих. Все чаще и чаще вспыхивают стачки, и все тверже и революционнее становятся требования рабочих.

Ни шовинистический угар войны 1914 и последующих годов, ни беспощадные расправы с революционерами—ничто не может задушить растущего пролетарского движения и сознания.

При первых же звуках революционного взрыва разразившегося в феврале 1917 года слетаются в Калугу, как орлы из клеток, руководители рабочего движения. Ни тюремное заключение, ни пребывание в ссылке, кончившееся для некоторых только в дни революции, ни другие испытания и лишения не смогли сломить их гордой воли и решимости.

Начинается самая кипучая деятельность по собиранию пролетарских сил. Небольшая горсточка преданных делу революции работников, тонувших сначала в потоке общего увлечения эсеровско-меньшевитскими тенденциями, еще сильными тогда в среде калужских рабочих и крестьянской бедноты, крепнет с каждым днем, и к голосу семи большевиков—членов Калужского Совета начинает постепенно прислушиваться все, что есть сознательного и бодрого в трудящихся массах. Организация растет и количественно и качественно. События, предшествовавшие октябрьским дням и самые октябрьские дни еще больше закаляют ее революционный дух.

Отвага и готовность к самопожертвованию, граничащие с безумием делают свое дело, „каторжники" и „крамольники" становятся во главе работы по строительству новой жизни!

Никогда не могут быть забыты первые дни захвата власти рабочими и крестьянами.

Вчерашние бесправные рабы смелою рукою берут кормило правления. Вчера имевшие дело только с молотом и топором, они сегодня уже организуют партизанские отряды, управляют фабриками и заводами, издают декреты, агитируют и приказывают, разрушают и творят.

Могучее движение масс, вынесшее их на арену общественной работы и призвавшее их к власти, все время служит им опорой и фундаментом, и организация, состоящая из нескольких разрозненных, ни чем неспаянных друг—с другом ячеек, с количеством в несколько сот членов, вырастает в 1918—19 г.г. в губернскую организацию в 3—5 тысяч членов.

Десятки и сотни сынов этой организации уже сложили свои головы на полях борьбы за общепролетарское дело, десятки и сотни ее членов неустанно, не покладая рук, работают и сейчас на самых ответственных постах революции!

Найдется ли теперь такая сила, которая смогла бы сломить мощь и крепость пролетариата и вновь загнать в подполье его авангард—рабочую партию?! Нет этой силы и быть не может, ибо только в коммунизме и в борьбе за коммунизм весь смысл непрерывно растущего и российского и международного рабочего движения.

О. Чаадаева.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОБ'ЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.

ОТ КОМИССИИ

по собиранию материала по истории Р. К. П. и Октябрьской революции (Истпарт).

Надеясь в ближайшем будущем выпустить второй сборник материалов и воспоминаний о партийной работе в Калужской губернии, Истпарт просит всех участников этой работы, могущих в настоящее время дать свои воспоминания или же какие либо материалы и документы (газеты, прокламации, брошюры, протоколы, постановления и т. п.), относящиеся к тому или иному периоду партийной деятельности в Калуге и губернии, направлять таковые для использования и помещения на страницах предполагаемого сборника по следующему адресу: Калуга, Губком Р. К. П. для Истпарта.

Комиссия уверена, что ее призыв найдет надлежащий отклик во всех участниках движения и при их содействии ей действительно представится возможным заложить прочный фундамент к изучению истории развития местной партийной организации, как части великого целого— как части славной Российской Коммунистической Партии, и пополнить те пробелы, какие могут быть в настоящем сборнике.

Комиссия Истпарт.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЛУГА
1921 г.

